БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3 **2025**

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Заместители главного редактора

ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Ответственный секретарь

ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; проректор по учебной работе Международного института управления и предпринимательства, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Агилера М. Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Deputy editors-in-chief

LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary

DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; vice-rector for academic affairs of the International Institute of Management and Entrepreneurship, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Aguilera M. University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Социальная философия

Social philosophy

УДК 101.1:316.72 + 101.1:316.422

КОНФЛИКТОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ИНСТИТУТОВ ВМЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. И. ЕКАДУМОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Национальные государства остаются ключевыми игроками мировой политики. Однако в глобальном мире политика осуществляется в транснациональном пространстве. На осмысление трансгосударственных конфликтов постнациональной эпохи претендуют локально-цивилизационная и цивилизационно-стадиальная концепции социодинамики. Возникновение предпосылок конфликтогенных процессов объясняется несовместимостью локально-цивилизационных идентичностей или несовпадением технико-институциональной организации аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизационных волн. В мировом пространстве потоков, трансформировавшем политико-экономическое пространство мест, элементы различных цивилизационных комплексов, рассматриваемых как в локально-цивилизационной, так и в цивилизационно-стадиальной исследовательской перспективе, ситуативно комбинируются, что препятствует определению сущностного фактора, инициирующего конфликты субнационального, национального и наднационального масштаба, в контексте цивилизационного подхода. Альтернативой указанным цивилизационным концепциям выступает концепция социальных порядков ограниченного и открытого доступа, описывающая две взаимоисключающие институциональные системы, сосуществующие в глобальном мире, но принципиально различающиеся организацией насилия, а также производством и распределением благ. В предложенной исследовательской перспективе глобальные конфликтогенные процессы предстают не проявлениями столкновения цивилизаций, а следствием сосуществования двух взаимоисключающих режимов инклюзии и организации насилия в условиях детерриторизации.

Ключевые слова: порядок открытого доступа; порядок ограниченного доступа; цивилизация; пространство потоков; конфликт.

Образец цитирования:
Екадумов АИ. Конфликтогенная ситуация глобального мира: несовместимость институтов вместо столкновения цивилизаций. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:4–11.
EDN: JBBVZT

For citation:
Ekadumov AI. Conflictogenic situation of the global world: incompatibility of institutions instead of clash of civilizations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:4–11. Russian.
EDN: JBBVZT

Автор:
Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
ekadumov@gmail.com

CONFLICTOGENIC SITUATION OF THE GLOBAL WORLD: INCOMPATIBILITY OF INSTITUTIONS INSTEAD OF CLASH OF CIVILIZATIONS

A. I. EKADUMOV[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. Nation-states remain key players in global politics. However, in a globalised world, politics is being implemented in a transnational space. Local-civilizational and civilization-stage concepts of sociodynamics lay claim to understanding transnational conflicts in the post-national era. The emergence of preconditions for conflict-generating processes is explained by the incompatibility of local-civilizational identities or the discrepancy between the technical and institutional organisation of agrarian, industrial, and post-industrial civilizational waves. In the global space of flows that has transformed the political and economic space of places, elements of various civilizational complexes, considered from both local-civilizational and civilization-stage research perspectives, are situationally combined, which prevents the identification of the essential factor initiating conflicts on a subnational, national, and supranational scale within the context of the civilizational approach. An alternative to the indicated civilizational concepts is the concept of limited and open access social orders, which describes two mutually exclusive institutional systems that coexist in a global world but differ fundamentally in the organisation of violence, as well as the production and distribution of wealth. In the proposed research perspective, global conflict-generating processes are not manifestations of a clash of civilizations, but rather the consequence of the coexistence of two mutually exclusive modes of inclusion and the organisation of violence in a context of deterritorialisation.

Keywords: open access order; limited access order; civilization; space of flows; conflict.

Транснационализация является сущностной характеристикой мировой динамики. Сотрудничество и конфликты субнационального и национального уровня обрели транснациональный характер. Теоретическое осмысление конфликтогенных процессов предполагает выход за рамки национально-государственной оптики, «методологического национализма» [1].

Альтернативой национально-государственной перспективе политико-философских исследований выступил цивилизационной подход. Осмыслению конфликтов транснационального масштаба были посвящены локально-цивилизационная концепция С. Хантингтона и цивилизационно-волновая концепция Э. Тоффлера [2–4]. Согласно модели С. Хантингтона межцивилизационные конфликты обусловливаются несовместимостью аксиологических систем и идентичностей участников. Э. Тоффлер связывал межцивилизационный конфликт с технико-институциональной рассинхронизацией глобального человечества.

Недостатки подобных концепций обнаруживаются при попытке их приложения к политической практике, требующей устойчивых институциональных форм разрешения конфликтов, агрегации и репрезентации интересов. Как у С. Хантингтона, так и у Э. Тоффлера цивилизация выступает понятием-маркером для комплексов институтов и идентичностей, либо имеющих политическую репрезентацию, либо претендующих на нее. Но утверждение их присутствия в политической повестке не требует обязательного обращения к понятию «цивилизация».

Политические организации репрезентируют интересы и идентичности (религиозные, национальные, социально-классовые и др.). Однако артикулированный цивилизационный интерес и цивилизационная идентичность не представлены в дискурсе политической борьбы и сотрудничества в той же мере, что и вышеперечисленные идентичности. Концепт цивилизации позволяет мыслить характеристики устойчивых макросоциальных групп в контексте их взаимного позиционирования – не на основании сходств, но на основании различий, эксплицируемых не самими системами ценностей, технологиями или социальными институтами как таковыми, но их устойчивыми конфигурациями в процессе воспроизводства социокультурной целостности, отграниченной от иных целостностей, иных цивилизаций.

В рамках концепции С. Хантингтона границы цивилизации, хотя и гипотетически привязанные к территории, не могут быть четко обозначены на практике, поскольку цивилизация как уникальная система устойчивых идентичностей существует там, где есть ее представители. В контексте концепции Э. Тоффлера территориальные границы цивилизационных волн также не могут быть ясно определены, поскольку институты, представления и технологии сосуществуют в социальном пространстве и времени, образуя уникальные конфигурации. В повседневной жизни индивидов могут сочетаться институциональные и технологические компоненты всех этапов цивилизационного процесса. Цивилизационные волны, наслаиваясь, порождают технологически-институциональный микс, ситуативную комбинацию представлений и практик.

Проблема применения концепта цивилизации к описанию и объяснению конкретных глобальных конфликтов связана с проблемой институционально-политических репрезентаций персональных и групповых идентичностей. Политическое представительство, связывающее интересы, социальные статусы

и идентичности, как инструмент социальной инклюзии или сегрегации, предполагает наличие некоторой общности и ее отдельных представителей. Помимо политического представительства, общность репрезентируется в некоторых дискурсивных практиках. Она наделяется возможностью публичного существования и статусом представленности в общественно-политическом дискурсе. Если концепт цивилизации присутствует в политическом дискурсе, возможно допустить использование концептов цивилизационной идентичности, цивилизационных интересов и цивилизационных прав. Однако само по себе употребление подобных концептов в публичном дискурсе еще недостаточно для их институционального воплощения.

Описание трансгосударственных конфликтов как межцивилизационных возможно. Но операционализация такого описания и переход на уровень выработки конкретных политических стратегий проблематичны, поскольку цивилизация как таковая не имеет отчетливого институционально-политического выражения. Термин «цивилизация» маркирует в том числе некоторые типы политического представительства, однако не обособлено, а в сложном сочленении с культурными, экономическими и технологическими феноменами.

У общностей, определяемых как цивилизационные, а не религиозные, социальные или этнические, нет институционально оформленного политического представительства. Цивилизация, представленная в политическом дискурсе, не существует в качестве специфического института. Она обозначает конфигурацию институтов и представлений, которые могут быть задействованы в политическом противостоянии как по отдельности, так и в различных комбинациях. При более детальном масштабировании цивилизационный конфликт конкретизируется как религиозный, ценностно-этический, конфликт экономических интересов и т. д., в итоге он сводится к социально-политическому конфликту.

В трактовке цивилизационного конфликта С. Хантингтона несовместимые идентичности, сопряженные с несовместимыми системами ценностей, обрекают цивилизационных акторов на фатальное противостояние в шмиттеанском смысле. Цивилизационный *Другой* превращается в экзистенциально враждебного чужого. Но идентичностная сложность, ситуативно актуализируемая внутри динамичного комплементарного социокультурного пространства, объемлющего наряду с пространством территорий пространство потоков, не позволяет вычленить субстанциальные основания монолитной цивилизационной идентичности для успешного прогнозирования и разрешения глокальных конфликтов. Глобальная экономика, становление которой проанализировал М. Кастельс, функционирует в масштабах всей планеты. В мире, организованном соответственно логике функционирования транснациональных промышленно-торговых сетей, внутри всеобъемлющей системы информационно-товарных потоков всякое географическое место утрачивает самодостаточность, а относимые к нему идентичности – свою историческую укорененность [5]. Поскольку экономические институты не существуют автономно от политических [6], экономическая глобальность предполагает также и политическую, тогда как культурная уникальность неизбежно воспроизводится внутри глобального пространства потоков в процессе адаптации конкретной культуры к транснациональному контексту.

В рамках локально-цивилизационной концепции С. Хантингтона достаточный учет глобальной социодинамики, трансформирующей идентичности и путающей цивилизационные границы, о которых он пишет, невозможен. Как отмечает Ю. М. Лотман, рассмотрение культур как автономных, изолированных и самодостаточных миров является умозрительным приемом, оправданным в отношении непродолжительных промежутков исторического времени [7].

Сопоставление локально-цивилизационной и стадиально-цивилизационной моделей описания глобального мира обнаруживает общие проблемы осмысления конфликтогенных аспектов социодинамики. Линии цивилизационных конфликтов, намеченные С. Хантингтоном, не существуют в мире цивилизационных волн, описанном Э. Тоффлером. Конфликт между территориями идентичностей не тождественен конфликтам идентичностей институционально-технологических эпох.

В рамках концепции Э. Тоффлера конкурирующие цивилизации отчетливо различаются на основании преобладающих технологий и социальных институтов, которые, в отличие от персональных цивилизационных идентичностей, доступны внешнему наблюдению, что позволяет увязать теоретические построения с социокультурной практикой. Но цивилизационно-волновая модель Э. Тоффлера как концептуальное основание прогнозов и стратегий разрешения глокальных конфликтов имеет изъяны, аналогичные изъянам, содержащимся в концепции С. Хантингтона.

Как в рамках концепции С. Хантингтона цивилизации не имеют границ столь же очевидных, как границы территориальных государств, так и в контексте концепции Э. Тоффлера их не имеют цивилизационные волны. Границы, по которым возможно прочерчивание линий цивилизационных конфликтов, четкое отдифференцирование институтов, представлений, идентичностей одной цивилизационной волны от другой, не ясны. В то же время государства, даже с учетом глобальных эффектов детерриторизации, демонстрируют куда большую территориальную определенность.

Чтобы межгрупповые конфликты могли быть адекватно осмыслены как цивилизационные, их

теоретическая репрезентация внешним наблюдателем должна совпасть с идеолого-идентичностной перспективой непосредственных участников. В противном случае определение конфликта как цивилизационного превращается в спекулятивную интерпретацию исследователя. Тематизация столкновения этнокультурных, религиозных, экономических и прочих интересов должна, с точки зрения актора, уступить тематизации конфликта как столкновения цивилизационных идентичностей, что предполагает наличие некоего актуального нереализованного цивилизационного интереса, более очевидного, чем социально-классовый, профессиональный, религиозно-конфессиональный, этнонациональный и др. Но, поскольку институты, ассоциируемые с разными цивилизациями как в рамках локально-цивилизационной, так и в рамках цивилизационно-волновой концепции, сосуществуют, конфликтуя и дополняя друг друга в жизненных ситуациях конкретных индивидов и групп, так называемая цивилизационная идентичность оказывается неартикулированной в повседневности, текучей и ситуативной, зависящей от наличной комбинации жизненных практик и ситуаций, актуализированных ими представлений.

Межгрупповой конфликт, описанный как цивилизационный, может актуализировать не только весь комплекс групповых характеристик, соотносимых с постулируемой цивилизационной принадлежностью, но и отдельные характеристики или их сочетания в качестве сущностных идентификаторов конфликтующих сторон. Любой признак, принятый в качестве одного из сущностных маркеров цивилизационной принадлежности, может иметь свое отдельное политическое выражение как маркер размежевания в политической борьбе, сопряженный с более узкой, нежели цивилизационная, идентичностью. В теоретическом описании мозаика психологических, мировоззренческих, политико-прагматических и прочих факторов социодинамики обретает концептуально представленную целостность в понятии цивилизации. Но для политико-институциональной репрезентации интересов и идентичностей цивилизационный концепт избыточен. Как отмечает У. Бек, идентичности в глобальном обществе, сформированном на базе институтов зрелого модерна, не противопоставляются по принципу *свое – чужое*, а дополняют друг друга [1]. Ввиду причастности к глобальной модерности, неизбежной уже в силу усвоения модерных практик пользования технологиями, производится сложная идентичность, сочетающая автохтонные, традиционные паттерны с привнесенными, инновационными культурными программами. В подобной ситуации лояльность культурным образцам, дополненным «репертуарами» моральных оценок и психологических реакций, становится ситуативной, текучей, индивидуально вариативной. В то же время на мировой арене в качестве основных, институционально представленных игроков по-прежнему фигурируют государства и их блоки, а не цивилизационные альянсы. Хотя государственный суверенитет реализуется в условиях транснационализации, именно национально-государственный, а не цивилизационный формат определяет дизайн мировой политики, поскольку национально-гражданская идентичность, помимо культурных репрезентаций и саморепрезентаций, сопряжена с политическим представительством и гарантиями социальной защиты. Гражданство конкретного государства не имеет равноценного конкурента в виде цивилизационной принадлежности. Хотя национально-государственная идентичность и претерпела трансформации в связи с формированием транснационального уровня политики [1], она имеет куда более очевидные институциональные основания, нежели цивилизационная.

Применение понятия цивилизации к описанию глокальных конфликтов с претензией на операциональное использование термина в их разрешении проблематично. Стороны конфликта субъектны, тогда как цивилизации на фоне национальных государств транснациональных корпораций и ячеек глобальных сетевых структур не выступают целостными экономическими и политическими субъектами. Отдельного института цивилизации не существует, но сами цивилизации предстают комплексами специфических институтов. У цивилизации в наличной политико-институциональной системе нет действующего политического субъекта, позиционированного не в теории, но в политической и юридической практике как субъект цивилизационный. Попытка мыслить трансгосударственный конфликт в рамках концепций, ориентированных на производство конкретных институциональных решений, упирается в проблему отсутствия у мировоззренчески-институционального комплекса, определяемого как цивилизация, особого политического института, представляющего цивилизацию и некую самоочевидную цивилизационную идентичность как таковую, а также репрезентирующего цивилизационного политического субъекта, а не конкретные институциональные компоненты этого комплекса и относящихся к ним субъекты с их специфическими интересами. Но именно политика выступает сферой отстаивания интересов и разрешения конфликтов посредством учреждения правил, определяющих соблюдение интересов.

Если локально-цивилизационная идентичность существует, она слагается из множества более узких и специализированных идентичностей соответственно сферам реализации интересов и жизненных практик, ассоциируемых в исследовательском дискурсе с некоторой локальной цивилизацией, но по отдельности еще не цивилизационных. Аналогичная проблема обнаруживается при осмыслении

жизненных практик и представлений в контексте цивилизационно-волновой модели. Привязка повседневных представлений и нормативно-ценностных ориентаций к комплексам доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных технологий, сопряженных с соответствующими институтами, позволяет идентифицировать жителя планеты как представителя одной из цивилизационных волн. Но когда ввиду пребывания элементов предыдущих волн внутри последующих во внимание принимаются не отдельные, изолированно рассмотренные институциональные приверженности, представления и востребованные технологии, а их конкретные ситуативные сочетания, цивилизационная идентификация конкретного индивида представляется проблематичной. Глобальная разноскоростная и разноуровневая социокультурная и технологическая модернизация продуцирует институционально-технические гибриды, комплексы практик, представлений и артефактов, сочетающих компоненты, соответствующие каждой из цивилизационных волн. Как отмечает Г. Люббе, модернизация создает в обществе растущий избыток разнородных реалий, одновременность исторически разновременного [8].

Цивилизацию, как уникальный культурно-институциональный комплекс, сложно локализовать в географическом пространстве осуществления политики и права. Цивилизации, как и стадии глобальной социокультурной динамики, при смещении фокуса анализа с исторических эпох на комплексы актуальных индивидуализированных практик сложно разграничить. Поскольку цивилизационные волны неравномерно и несинхронно распространяются по планете, конфликт цивилизаций, как его мыслит Э. Тоффлер [3], протекает между комплексами институтов, каждый из которых по отдельности может соотносится с одним из трех этапов развития человечества. Но в границах территориального государства эти центры также могут сосуществовать, генерируя цивилизационные гибриды.

Межцивилизационный конфликт в контексте его описания как С. Хантингтоном, так и Э. Тоффлером предстает как трансгосударственный. Он может протекать внутри территориального государства, между государствами или иметь транснациональный характер. В то же время цивилизация не имеет особой юрисдикции как некая политико-административная целостность, отличная от территориального государства и сопоставимая с ним по институциональной мощи. Постулируемая цивилизационная идентичность, понятая как идентичность высшего порядка, разлагается на куда более актуальные, укорененные в повседневных практиках и представлениях идентификации, соотносимые с различными институтами.

Трансгосударственный конфликт, определяемый в локально-цивилизационной или цивилизационно-волновой трактовке как межцивилизационный, не может быть локализован в пространстве и времени подобно межгосударственному конфликту. Хотя С. Хантингтон и осуществляет территориальную привязку его границ к границам локальных цивилизаций, при детальном анализе и конкретизации оснований конфликта его определение как цивилизационного становится избыточным. Трансгосударственный конфликт получает более узкое политически операционализируемое определение как религиозный, этнический, социальный и др. Вместе с тем, несмотря на отмеченные проблемы, цивилизационные концепции С. Хантингтона и Э. Тоффлера обнаруживают ценную интенцию, которая заключается в осознании трансграничного характера конфликтов в постнациональном мире и стремлении выделить сущностные основания, общие для конфликтогенных процессов субнационального, национально-государственного и транснационального масштаба.

В мире глобальных сетей и потоков конфликты могут разворачиваться на любом из трех уровней противостояния сторон, масштабируемом относительно национально-территориальных границ (внутригосударственный, межгосударственный и наднациональный), вплоть до общепланетарного уровня. Они могут протекать как на одном из уровней, так и на всех сразу. Государственные границы не утрачивают своей роли в качестве линий разделения противоборствующих сторон. Но линии глокальных конфликтов существуют также внутри границ территориального государства и на ситуативно формирующихся фронтирах трансгосударственно-сетевых альянсов. Трансформацию социокультурного пространства, в котором осуществляется сотрудничество и разворачиваются конфликты, описывает М. Кастельс [5]. Цивилизационный конфликт, как его осмысливает С. Хантингтон, переформулированный в контексте идей М. Кастельса, разворачивается в пространстве мест, тогда как социодинамика глобального мира осуществляется в пространстве потоков. Границы протекания социокультурных процессов внутри мира потоков подвижны, они конфигурируются ситуативно, что не позволяет описывать и прогнозировать динамику конфликта в оптике мира, организованного как пространство мест. Территориальные государства оказались акторами внутренней мировой политики, переросшей прежнюю международную политику, теоретически масштабируемую соответственно политической оптике автономных наций [1]. Как мир наций трансформировался в мир транснациональный, так и мир цивилизаций, представленный в рамках концепции С. Хантингтона, но переосмысленный в соответствии с концепцией пространства потоков, предстает как мир трансцивилизационный. Но если политическая нация, как сложный комплекс идентичностей и институтов,

репрезентируется с помощью такой территориально зафиксированной и институционально определенной политической формы, как государство, то локально масштабируемая уникальная автохтонная цивилизация дробится и растворяется во множестве динамичных, ситуативно сконфигурированных социокультурных форм, она не имеет такой же стабильной политико-институциональной формы репрезентации, как территориальное государство.

Продуктивным ходом в анализе трансграничных конфликтов глобального мира представляется отказ от попыток жестко увязать идентичности и соответствующие им социальные институты с определенными территориями или наложившимися друг на друга цивилизационными волнами. Инструментарий исследования конфликтов глобального мира должен обеспечивать как их универсальное теоретическое описание, так и возможность локального масштабирования, адаптирующего описание конфликта к уникальной ситуации столкновения интересов, т. е. теоретическое описание должно соответствовать максимальному числу ситуаций, отображать сущностные, родовые характеристики конкретных социокультурных конфликтов, формируя их общее, стратегическое видение и позволяя предугадывать универсальные компоненты в комплексах мер, адаптированных к уникальным проблемным ситуациям. Соответственно, встает проблема выделения конфликтогенного фактора, способного проявляться на субгосударственном, национально-государственном и наднациональном уровнях внутренней мировой политики, независимо от конкретных культурных особенностей, приписываемых групповых идентичностей и специфики ситуативно реализованного комбинирования институциональных и технологических компонентов социодинамики.

Послужить теоретической основой для анализа локальных проблем с универсальных позиций способна концепция двух порядков организации насилия, разработанная Д. Нортом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом [9]. Подход указанных авторов к осмыслению мировой и локальной социодинамики сопоставим с версиями цивилизационного подхода, тяготеющими к цивилизационно-волновой модели. Однако ключевым признаком разграничения стадий социокультурной динамики здесь выступают не историческая уникальность социальных институтов как таковая, не технологии, ценностные представления или устойчивые идентичности, а способы организации насилия, сопряженные с возможностями социально-политической инклюзии, производства и распределения благ.

Анализируя историю человечества с эпохи возникновения первых государств как устойчивых во времени социально-политических структур, контролирующих насилие, Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст выделяют два поочередно формирующихся социальных порядка. Исторически первым оформляется порядок ограниченного доступа, или естественное государство. В процессе социокультурной модернизации развивается порядок открытого доступа. В рамках порядка ограниченного доступа контроль над насилием осуществляется посредством эксклюзивного распределения рент среди обладателей ресурсов насилия. В контексте порядка открытого доступа общественная стабильность и минимизация насилия достигаются с помощью повышения инклюзии, расширения политического и экономического участия, отделения вооруженной силы от источников богатства, процессов созидательного разрушения как самообновления политических и экономических институтов.

Концепция социальных порядков Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста универсальна применительно к анализу механизмов регулирования насилия и динамики конфликтов в конкретных социокультурных условиях. Эти конфликты протекают и регулируются преимущественно либо в системе институтов ограниченного доступа, либо в системе институтов открытого доступа. Любой социальный институт и фундирующая идентичности совокупность ценностных предпочтений могут быть отнесены к одному из порядков инклюзивности и организации насилия. Моральный партикуляризм и борьба за привилегии сочетаются с порядком ограниченного доступа. Моральный универсализм и борьба за равные возможности утверждают порядок открытого доступа [10]. В то же время историко-культурологическая конкретика не является принципиальной в идентификации функционирующих институтов как соответствующих одному из социальных порядков.

Локальная и стадиальная цивилизационные концепции основаны на понятии цивилизации, позволяющем описывать комплексы институтов, технологий и идентичностей как территориально и темпорально устойчивые целостности. Но любой из компонентов такой целостности может быть выделен в качестве отдельной сферы развертывания конфликта (религиозная, этническая, социально-экономическая), что усложняет редуцирование комплексов причин противоборства к цивилизационным. При детальном анализе цивилизационные предпосылки конфликтов сами сводятся к религиозным, этническим и др. Напротив, концепцией порядков доступа может быть представлен любой социально-технический и идентичностный комплекс, многообразие разноуровневых иерархических компонентов которого редуцируется к фундаментальному признаку (преобладающему способу организации насилия посредством доступа к учреждению и функционированию институтов). Концепция порядков доступа позволяет абстрагироваться от мировоззренческой и институционально-технологической конкретики места и времени и выделить в системе институтов сущностный принцип функционирования, определяющий

способы отстаивания интересов и обуздания насилия. За конкретными условиями и предпосылками глокальных конфликтов, определяемых С. Хантингтоном как локально-цивилизационные, а Э. Тоффлером как темпорально-цивилизационные, в концепции порядков доступа выявляется взаимная эрозия двух режимов организации инклюзии и насилия, принципиально не реализуемых синхронно в одном и том же социальном пространстве. Все социальные институты и соответствующие им ценностно-мировоззренческие представления, соотнесенные с совокупностями идентичностей, в рамках данной модели выступают либо конфликтно нейтральными, либо представляющими один из режимов политико-экономической инклюзии. Доступ к контролю насилия и, соответственно, производству и распределению благ выступает ключевым фактором, определяющим конфигурацию всех прочих характеристик зарождения и протекания конфликтов внутри глобального общества. Любой социальный институт, независимо от его историко-культурной и территориальной соотнесенности, в конкретном эпизоде межинституционального взаимодействия выступает если не нейтральным, то либо способствующим, либо препятствующим воспроизводству одного из социальных порядков за счет другого.

Базовые сценарии минимизации и разрешения конфликтов реализуются в рамках двух порядков. При порядке ограниченного доступа конфликты гасятся эксклюзивным распределением рент и возможностей в обмен на отказ от насилия. При порядке открытого доступа ресурсы насилия отделены от источников богатства, а конфликты минимизируются посредством самообновления технико-институциональной системы, которое влечет производство новых источников богатства и возможностей. В мире, развивавшемся по преимуществу как пространство территорий, в институциональном дизайне территориальных государств вследствие модернизационных процессов с начала XX в. преобладал один из порядков доступа. Государственно-территориальная организация мира позволяла данным порядкам сосуществовать в режиме конфликта или сотрудничества относительно обособленно, на конкретных территориях преобладал комплекс институтов, относимых к одному из порядков. Ресурсы богатства и власти, доступные в обществах с доминированием одного из порядков обретения благ и осуществления насилия, позволяли их элитам извлекать выгоды как из своего положения на родине, так и из взаимодействия с элитами обществ, реализующих иной порядок доступа.

Сотрудничая с элитами систем с порядком открытого доступа бенефициары систем с порядком ограниченного доступа приобретают возможность пользоваться преимуществами, предоставляемыми порядком открытого доступа. Аналогично представители обществ с порядком открытого доступа в обществах с порядком ограниченного доступа обретают эксклюзивные возможности, недоступные (недопустимые) в их институциональной системе. В плане долгосрочных последствий такое взаимодействие предстает как токсичный симбиоз [11]. При взаимодействии с обществом с порядком ограниченного доступа общество с порядком открытого доступа производит в нем эрозию рент: создание новых источников благ обесценивает привилегии бенефициаров силового ресурса, мотивировавшие их отказ от насильственного перераспределения богатства. Система с порядком ограниченного доступа, предоставляя элитам систем с порядком открытого доступа избыточные эксклюзивные возможности, коррумпирует его институты. В итоге обоюдной экспансии взаимоисключающих режимов экономии насилия оба порядка подвергаются разрушительным трансформациям. Механизмы минимизации конфликтов, эффективные в каждом порядке по отдельности, функционируют внутри обоих систем параллельно. В глобальном мире, на территориях, где преобладают институты порядка открытого доступа, параллельно воспроизводятся институты порядка ограниченного доступа. В политическом пространстве порядка ограниченного доступа сказывается влияние институтов порядка открытого доступа. Но способы отстаивания личных и групповых интересов, приемлемые в одном институциональном порядке контроля над насилием, разрушительны для другого. Акторы, эффективно отстаивающие интересы с опорой на принципы одного из порядков, не могут достичь успеха характерными для него средствами в институциональной системе, иначе организующей экономию насилия. Происходит взаимное ослабление режимов контроля над насилием, что формирует предпосылки его возможной эскалации. В процессе контроля над насилием наличные ресурсы принуждения и поощрения используются двумя режимами доступа на взаимоисключающих принципах. Ситуация усугубляется по мере глобализации, когда последствия функционирования институтов не ограничиваются конкретными зафиксированными территориями. Порядки доступа воспроизводятся глокально, по всей планете. Оба порядка могут одновременно реализоваться на единой территории. Но такое сосуществование само по себе выступает предпосылкой продуцирования конфликтов, взаимного блокирования прежде эффективных механизмов их предотвращения. Стратегии минимизации насилия, эффективные в условиях систем с порядком открытого доступа, нереализуемы или неэффективны в условиях систем с порядком ограниченного доступа, и наоборот. Сценарии минимизации насилия одного режима способны спровоцировать его в другом. В глобальном пространстве потоков четкая территориальная локализация эффектов от воспроизводства институтов обоих

порядков не представляется возможной. Конфликтогенным фактором мировой динамики выступает несовместимость принципов обуздания насилия, реализуемых двумя глобально представленными порядками доступа.

Таким образом, локальные конфликты вокруг применения насилия и распределения благ, за вычетом конфликтов, протекающих внутри определенного институционального режима, предстают частными проявлениями конфронтационно-симбиотического сосуществования двух глобально представленных порядков организации насилия. В предложенной теоретической оптике на смену биполярному миру политико-идеологических блоков пришел не мир территориально или темпорально позиционированных, конфликтующих или сотрудничающих цивилизаций, а конфронтационно-симбиотическая глобальность двух институциональных систем контроля над насилием.

Развертывание масштабных конфликтов в формате, соответствующем национально-политическому пространству мест, востребовало отмеченный У. Беком методологический национализм, представлявший мир как систему территориальных государств и их альянсов. Глобализация, не упразднившая национальные идентичности и территориальные государства, но породившая эффекты детерриторизации, ознаменовала переформатирование мира в транснациональное пространство потоков. Последствия функционирования институтов открытого и ограниченного доступа сказываются на одних и тех же географических территориях, как непосредственно в местах расположения конкретных организаций, так и вдали от них. Конфликты обрели глокальную природу. Анализ глобальной социодинамики как обусловленной взаимовлиянием порядков доступа обнаруживает основания трансгосударственных конфликтов не в постулируемом столкновении цивилизаций, но в параллельном воспроизводстве социальных институтов, реализующих взаимоисключающие сценарии организации насилия и распределения благ в условиях детерриторизации.

Библиографические ссылки

1. Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия.* Григорьев А, Седельников В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2007. 464 с. Совместно с издательским домом «Территория будущего» (Университетская библиотека Александра Погорельского).

2. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций.* Королев К, Кривцова Е, редакторы; Велимеев Т, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 603 с.

3. Тоффлер Э. *Третья волна.* Рюмин С, переводчик. Москва: АСТ; 2009. 795 с.

4. Тоффлер Э, Тоффлер Х. *Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века.* Левина МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2005. 412 с. Совместно с издательством «Транзиткнига».

5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* Верпаховский Б, Тищенко ДА, Субочев АН, переводчики. Москва: Высшая школа экономики; 2000. 608 с.

6. Норт Д, Уоллис Д, Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Узланер Д, Марков М, Расков Д, Раскова А, переводчики. Москва: Институт Гайдара; 2011. 480 с.

7. Лотман ЮМ. *Избранные труды в трех томах. Том 1, Статьи по семиотике и типологии культуры.* Таллин: Александра; 1992. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении; с. 121–128.

8. Люббе Г. *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем.* Куренный В, редактор; Григорьев А, Куренный В, переводчики. Москва: Высшая школа экономики; 2016. 456 с. (Исследования культуры).

9. Екадумов АИ. Глобальный конфликт в условиях детерриторизации. В: Лазаревич АА, редактор. *Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания. Материалы XI Международной научной конференции. Том 2; 17–18 ноября 2022 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Институт философии НАН Беларуси; 2022. с. 309–312.

10. Екадумов АИ. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:27–31. EDN: KTXPWD.

11. Екадумов АИ. Токсичный симбиоз: порядки организации насилия в глобальном мире. В: Зеленков АИ, редактор. *Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности. Сборник научных статей и материалов XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»; 7–8 декабря 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГУ; 2021. с. 181–191.

Статья поступила в редколлегию 13.02.2025.
Received by editorial board 13.02.2025.

УДК 101.1:316.347:316.647.8

ЭТНОФОЛИЗМЫ И ГРАНИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

О. В. КУРБАЧЁВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается проблема аксиологической коннотации вторичных этнонимов. Обосновывается, что этнофолизмы представляют собой не только лингвистическое, но и социокультурное явление, исследование которого предполагает предметное философское осмысление. Отмечается, что в условиях интенсивного миграционного процесса и глобальной нестабильности возможность выявить и предупредить всплеск этнокультурного напряжения или потенциальную конфликтную ситуацию обретает особую значимость. Выявляется сущность этнофолизмов, фиксируются их разнородность и функциональные особенности. Разводятся понятия «экзоэтноним» и «эндоэтноним» («автоэтноним»), подчеркивается корреляция самонаименования этнической общности с авто- и гетеростереотипами. Доказывается, что использование этнофолизмов является своеобразным индикатором межэтнической напряженности.

Ключевые слова: этнофолизм; толерантность; этничность; расизм; этнофобия; этническая дискриминация; этническая идентичность; этнический стереотип.

ETHNOFOLISM AND FACETS OF ETHNIC TOLERANCE

O. V. KURBACHEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article examines the problem of the axiological connotation of secondary ethnonyms. It is argued that ethnopholisms are not only a linguistic phenomenon, but also a sociocultural one, and their study requires a philosophical approach. The article emphasises that in the context of intense migration processes and global instability, it is crucial to identify and prevent the escalation of ethnocultural tensions or potential conflicts. The article explores the essence of ethnopholisms, highlighting their diversity and functional characteristics. The concepts of exoethnonym and endoethnonym (autoethnonym) are distinguished, and the correlation between the self-designation of an ethnic community and auto- and heterostereotypes are emphasised. It is proven that the use of ethnopholisms is a peculiar indicator of interethnic tension.

Keywords: ethnofolism; tolerance; ethnicity; racism; ethnophobia; ethnic discrimination; ethnic identity; ethnic stereotype.

В период социокультурных вызовов и геополитической нестабильности особую актуальность приобретают исследования, направленные на изучение этнокультурного взаимодействия и сохранение взаимоуважительных отношений в рамках межэтнического диалога. Усилившийся миграционный процесс, тенденция к универсализации и одновременно антиглобализационные тренды в социальной динамике

Образец цитирования:
Курбачёва ОВ. Этнофолизмы и грани этнической толерантности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:12–16.
EDN: BELIRE

For citation:
Kurbacheva OV. Ethnofolism and facets of ethnic tolerance. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:12–16. Russian.
EDN: BELIRE

Автор:
Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7874-0434

не просто актуализируют тему этнокультурного диалога, но и определяют ее как максимально востребованную проблематику как для научных изучений, так и для повседневной практики. Одним из показателей уровня этнокультурной напряженности в рамках межэтнического взаимодействия выступает использование этнически маркированной лексики – этнофолизмов. Что представляют собой этнофолизмы как таковые, какие угрозы для межкультурной интеракции связаны с ними, могут ли они отражать уровень этнокультурной идентичности – эти и другие вопросы легли в основу данной работы.

В первую очередь следует отметить, что осмысление природы и функций этнофолизмов предполагает междисциплинарный характер исследования. Системное изучение культурно- или этнически маркированной лексики не исчерпывается обращением лишь к этнолингвистике или лингвокультурологии. Глубокий, всесторонний анализ подразумевает выявление глубинных связей, причин и закономерностей обращения к этнофолизмам и их использования в языковой практике. И так как язык непосредственно отражается в культуре, стереотипах, особенностях интеракции наций и их самонаименования, а сами этнофолизмы могут выступать индикатором этнокультурной идентичности, межэтнической напряженности, то следует акцентировать внимание на том, что в нашем понимании этнофолизм представляет собой не столько лингвистическое, сколько социокультурное явление и поэтому предполагает комплексное и предметное философское осмысление.

Далее необходимо очертить категориальный остов самого понятия. Как понятие этнофолизм конструируется на основе греческого языка (греч. *εθνος* – народ, племя и *φαυλος* – дурной, ничтожный) и представляет собой вторичный этноним, для которого характерен экспрессивный оценочный и неофициальный характер [1, p. 19]. Чаще всего этнофолизмы относятся к пейоративной лексике, т. е. к лексике, имеющей негативную аксиологическую коннотацию. В качестве примеров из повседневной языковой практики можно привести такие этнофолизмы, как бульбаш, москаль, хохол, пшек, жид, лягушатник и др. При более предметном осмыслении мы сталкиваемся с рядом вопросов, решение которых возможно лишь тогда, когда мы преодолеем соблазн упрощенной редукции. Всегда ли этнофолизм выступает индикатором нетерпимости? Может ли этническая инвектива не быть заложником негативной коннотации? Каковы причины обращения к этнофолизмам и как они связаны с глубинным диалектическим противостоянием своих и чужих?

Сам термин «этнофолизм» появился в середине XX в. в пространстве научного тезауруса западной социолингвистики. Исследователь А. А. Робак впервые использовал слово «этнофолизм» (англ. *ethnophaulisms*) для фиксации уничижительного указания на иностранцев (англ. *foreign disparaging allusions*), вместе с тем он акцентировал внимание на том, что в качестве этнофолизма могут выступать также слова или словосочетания, которые не являются этнонимами, но косвенно соотносятся с признаками этничности (например, употребление слова «швейцар» в значении сторожа) [1, p. 75]. В дальнейшем термин закрепился в академическом категориальном аппарате и стал широко использоваться для наименования экспрессивного прозвищного этнонима с инвективной установкой. Стоит отметить, что для категоризации этнически маркированной лексики с явно негативной коннотацией, относящейся к пейоративной лексике, часто применяют и другие наименования (эктроним (Э. Эриксон), этнодисфемизм, пейоративный этноним, этническая кличка и др.), которые могут отличаться локальными аспектами, но так или иначе относятся к дискурсу этнофобии [2, с. 98]. В данной работе будет использоваться общее понятие «этнофолизм», отражающее ключевые аксиологические коннотации вторичных этнонимов и отличающееся своим экспрессивным, эмотивным и инвективным характером, а также деструктивной интенцией. Среди западных и современных русскоязычных исследователей, объектом осмысления которых выступал этнофолизм, можно выделить Э. Эриксона, С. Джонсона, П. Мейла, А. А. Робака, А. М. Верховского, Г. В. Кожевникову, Э. Д. Понарина, В. А. Тишкова, А. А. Леонтьева, С. В. Свирковскую и др. [3, с. 72]. Однако эти исследователи преимущественно охватывают пространство научной мысли социологии, психологии, лингвистики, прослеживается очевидный дефицит в предметном философском осмыслении самой сущности и особенностей этнофолизмов, относящихся по своей природе к языку вражды.

Важно учитывать, что этнофолизмы разнородны по своей природе, они могут быть дифференцированы по нескольким критериям. Например, можно зафиксировать различные типы этнофолизмов, ориентируясь на субъективно-смысловую природу их возникновения. Выделяют визуальные (хохол или кацап), аудиальные (пшек) и социальные (москаль, литвин) этнофолизмы [4, с. 182]. Исходя из критерия ареала распространения и использования этнофолизмов, можно говорить о международных этнофолизмах, которые известны по всему миру (например, янки или гринго); региональных этнофолизмах, которые локализуются в пределах какого-либо региона (например, во Франции распространено этнически маркированное наименование британцев *rosbif*); внутрирегиональных и локальных этнофолизмах (например, полещуки – экзоэтноним жителей Полесья). Встречаются также экспрессивные этнонимы, в которых отражены антропологические, гастрономические или религиозные аспекты (негры и узкоглазые, лягушатники и макаронники, мавры и вахабиты и др.). В силу новизны данного проблемного

поля и исключительной семантической вариативности до сих пор отсутствует единая типологизация или классификация этнофолизмов. Однако очевидно, что при всем сходстве своей первичной сущности данные вариации отличаются не только по природе возникновения, но и по степени экспрессивности и акцентированности своего негативного оценочного характера.

Вторичность и семантическое разнообразие этнофолизмов обусловлены тем, что конструирование и использование в речевой практике этнически маркированной лексики напрямую связаны с этническими стереотипами. В связи с этим механизмы включения этнофолизмов в систему собственной когнитивной атрибуции могут быть разнообразными, но чаще всего в качестве такого механизма выступает опосредованный присваивающий опыт (человек неосознанно использует предвзятые искаженные стереотипные образы само́й этнической общности). По своей сути этнофолизм представляет собой символическое кодирование сообщения на основе стереотипной информации о носителях этнической группы. В то же время важно обратить внимание на то, что с течением времени эта символизация может обрести автономию от самой группы, в которую она была вторична идентифицирована через этнофолизм. Примером может служить понятие «варвар», которое изначально обозначало людей негреческого происхождения, а в последствии стало символизировать невежественность и грубость в целом, без этнической локализации. В этом контексте можно говорить об автономизации этнических символов, в рамках которой определения первичных или, как в приведенном выше примере, вторичных этнонимов расширяются, первоначальная коннотация стирается и формируются новые автономные смыслы (сюда же можно отнести пример со швейцаром).

При осмыслении сущности и природы этнофолизмов стоит разграничивать самонаименование (эндоэтноним или автоэтноним) народа и внешнюю этническую коннотацию (экзоэтноним). Чем же важно это разграничение? Во-первых, самонаименование или номинация другой группы – важнейший элемент идентификации этнической группы. Символическая общность любой группы подтверждается и фиксируется в том числе через самонаименование и признание другими субъектами. И это признание или, соответственно, непризнание этнической общности со стороны других субъектов можно обозначить только через наличие самого наименования. Во-вторых, этнофолизм, как вторичный этноним, представляет собой хотя и искаженное стереотипное экспрессивное оценочное, но тем не менее наименование, относящееся к какой-либо этнической группе, т. е. в этнофолизме, как и в классическом этнониме, отражена его непосредственная корреляция с этнокультурной группой. В связи с этим через автоэтноним, представляющий собой самонаименование этнической общности, можно выявить особенности этнокультурной самоидентичности общности. В самонаименовании могут отражаться автостереотипы и самое важное – форма этнокультурной идентичности. В зависимости от того, какая форма идентичности свойственна для этнической группы (например, завышенная либо литотизированная), в самонаименовании будут проявляться положительная или негативная оценочная установка по отношению к своей общности, самоирония или самокритика. Например, самонаименование «литвины» использовалось ранее белорусами как отсылка к Великому княжеству Литовскому и демонстрировало высокую степень развития их исторического самосознания, а также значимость исторических событий для народа, что напрямую свидетельствовало о высокой степени его этноцентризма. С другой стороны, этнофолизм «бульбаш», который может применяться и в качестве эндоэтнонима, и в качестве экзоэтнонима, имеет уже экспрессивную оценочную коннотацию, которую нельзя декодировать однозначно как положительную, так как в самом этнофолизме представлены явно стереотипные, упрощенные представления и завуалированная инвективная установка. В то же время стоит отметить, что внешняя категоризация и использование этнофолизмов всегда очень показательны. Во-первых, через наименование устанавливается разграничение *свой – чужой*. Экзоэтноним не просто отражает, он фиксирует, закрепляет инаковость формально и содержательно, тем самым косвенно усиливая внутригрупповой фаворитизм.

Во-вторых, использование этнофолизмов в языковой практике является непосредственным маркером напряженности в этнокультурном взаимодействии, толерантного (интолерантного) отношения одной этнической общности к другой. В то же время напряженность по отношению к иной этнической группе может проявляться в латентной, скрытой форме. Не обязательно использование этнофолизмов в повседневной речевой практике какой-либо группы является прямым отражением конфликтных взаимоотношений. Как известно, важным этапом этнического конфликта является предконфликтная стадия, для которой свойственны отсутствие осознанного соперничества, демонизации *Другого* и противостояние иной группе, но при этом данная стадия символизирует собой латентный конфликт стереотипов и интересов [5, с. 121]. Отсутствие реального противостояния обманчиво создает иллюзию управляемости и простоты этой стадии. Однако ее важность заключается в том, что именно на данной стадии можно выявить потенциальную эскалацию реального этнического конфликта, проанализировать риски и возможные способы его контроля, управления им. В то же время очевидная сложность

этой стадии заключается в ее завуалированной форме, необходимости наличия знаний и навыков декадировать сигналы, оповещающие о тревожном, критическом состоянии взаимоотношений. И именно этнофолизмы как таковые представляют собой один из индикаторов латентного конфликта. Посредством инвективного обращения в качестве наименования иной этнической группы фиксируется ее инаковость и чуждость, а в общественном сознании этнической общности, в которой используются эти этнофолизмы, закрепляется стереотипное восприятие категоризируемой группы с учетом всех предрассудков и генерализированного образа, которые отражены в этнофолизме. Важно понимать, что озвучивание субъектом экспрессивного вторичного этнонима может не классифицироваться и не осознаваться как оскорбительное, позиционироваться как шуточное и дружественное. Действительно важно учитывать степень экспрессивности, частоту и семантический контекст используемой этнически маркированной лексики в целом и этнофолизмов в частности. Но вместе с тем необходимо констатировать, что этнофолизм всегда будет являться оценочным, стереотипным наименованием, в котором выражаются элементы этнического фаворитизма по отношению к своей группе и интолерантности, проявляющейся в виде высокомерного или снисходительного отношения к другой этнической группе, а также непринятия или осуждения ее инаковости. Эта семантическая диверсификация в интерпретации сущности этнофолизмов обращает наше внимание на грани толерантного и интолерантного отношения в рамках межэтнического взаимодействия. Попустительское отношение, определяемое посредством интерпретации этнонима, не должно быть «закамуфлировано» под толерантную позицию. Мы сталкиваемся с тем, что под толерантностью может быть скрыто и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство [6, с. 50]. Так грани толерантности размываются и формируется пространство для концептуальных и этических искажений в использовании этнофолизмов. В открытой или скрытой форме этнофолизм всегда отражает негативную коннотацию и деструктивную интенцию, на которую важно обращать внимание, так как она передает общее настроение социальных групп.

Особенно остро этот вопрос стоит в рамках интенсификации миграционного процесса. В условиях социокультурной и геополитической нестабильности миграция всегда выступает определенным вызовом, обнажает антиномичный характер толерантности, а также обостряет вопросы этнокультурного взаимодействия и идентичности в целом. В рамках миграционного процесса как раз экспрессивные этнонимы могут выступать индикатором критичности, недоверия и этнической напряженности в обществе. Выполняя номинативную функцию, этнофолизм не только номинирует, но и закрепляет в общественном сознании искаженные и экспрессивные представления об отдельных этнофорах или этнической общности в целом. Не стоит забывать, что несмотря на свой вторичный нелигитимизированный статус, по сути, этнофолизмы являются лексическими единицами, а значит выполняют и другие соответствующие им функции. Одной из важных функций лексических единиц выступает эмотивная функция (выражение эмоционального отношения говорящего субъекта). Сам факт употребления человеком в речи этнофолизмов всегда является маркером стереотипного восприятия другого человека, а также принятия или непринятия на эмоциональном уровне его инаковости. Как лексическая единица этнофолизм выполняет прагматическую и дифференцирующую функции. Последняя функция ориентирована на фиксацию дихотомии своего и чужого, о чем говорилось выше. Прагматическая функция, в свою очередь, предполагает, что этнофолизм выступает инструментом воздействия на слушающего. При использовании этнофолизмов в речевой практике необходимо учитывать, что мы не просто даем наименование другой группе, а вкладываем свое представление о ней и желаем, чтобы оно было декодировано и «прочитано» соответственно, посредством этнофолизмов мы словно заявляем о своих негативных или позитивных установках по отношению к иной группе. Более того, важно понимать, что эмоциональный и когнитивный образы, легшие в основу представлений об иной этнической группе, коррелируют друг с другом и могут оказывать взаимное воздействие: искаженные представления, предрассудки, внешнее социальное мифотворчество влияют на конструирование релевантного или тенденциозного образа другого человека.

Стоит отметить, что чаще всего дискурсивным пространством этнофолизмов выступает повседневная практика. В ней отражается индивидуально-личностная установка одной этнической группы по отношению к другой, характеризующаяся своей эмоциональностью, стереотипностью, неотрефлексированностью, но вместе с тем демонстрирующая этнофобскую настроенность. Однако опасность представляет не только повседневная, но и медийная практика использования этнофолизмов. Так как медийный дискурс транслирует общую социально-политическую установку своего времени, сам факт использования этнофолизмов в медийной практике предполагает постепенную легализацию и институционализацию негативной оценки другой общности, что, в свою очередь, явно свидетельствует о наличии нетерпимости между этническими общностями, их критическом и предконфликтном состоянии. Более того, стоит учитывать, что язык вражды перманентно пополняется за счет семантических вариаций и появления новых экспрессивных номинаций.

Этнофолизмы могут как быть ситуативными и оставаться окказионализмами, так и закрепляться в общественном сознании и речевой практике. Это обстоятельство связано с тем, что язык представляет собой открытую систему, отражающую культурные и геополитические трансформации, влияющие на социальное настроение и оценочные установки по отношению к другим субъектам взаимодействия. В связи с этим важно понимать, что этнофолизмы как таковые всего лишь маркируют особенности межэтнического взаимодействия, т. е. выступают следствием нетерпимости в обществе, а не являются причиной этой этнокультурной напряженности.

Безусловно, сегодня этнофолизмы находятся не только в морально-этическом, но и правовом поле регулирования. Еще в XIX в. в русском уголовном праве в перечень нецензурных слов входили «неприличное название других национальностей (еврея – жидом, немца – немчурой, француза – французешкой)»[1]. Сегодня ответственность за агрессивное и тенденциозное обращение к представителям другой нации или расы отражено в Уголовном кодексе Республики Беларусь[2]. Однако повседневная общественная риторика, а также интернет-пространство не всегда отличается рафинированностью. Грани толерантности размыты, и использование этнически маркированной лексики, экспрессивных этнонимов встречается чаще, чем можно себе представить. О чем это говорит? Конечно, о высоком уровне нетерпимости, существовании интолерантных установок в обществе, а также о низком уровне культурной грамотности и критичного отношения к инаковости. В связи с этим этнофолизмы и представляют собой индикатор этнокультурной напряженности, невежества общества в целом и наличие этнофобии в нем. Этнофолизмы выступают завуалированным маркером этно- и ксенофобного дискурса. Страх и неприятие могут выражаться открыто или косвенно, осознанно или непредумышленно, с явной или скрытой агрессией, но при этом этнофолизмы всегда полны стереотипных представлений и предрассудков, сходны по своей резистентности к изменениям и генерализированному характеру. И вне зависимости от мотиваций использования и природы своего возникновения, этнофолизмы всегда символизируют собой язык вражды, который не допустимо легитимизировать и нормализовывать ни в институциональном пространстве, ни в рамках повседневной практики.

Библиографические ссылки

1. Roback AA. *A dictionary of international slurs (ethnophaulisms). With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice.* Cambridge: Sci-art publishers; 1944. 394 p.

2. Тонтоева ТВ. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности. *Juvenis scientia.* 2016;2:97–100. EDN: VTZZSL.

3. Понарин Э, Дубровский Д, Толкачева А, Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы. В: Верховский А, составитель. *Язык вражды против общества.* Москва: Сова; 2007. с. 72–106.

4. Алефиренко НФ, Чумак-Жунь ИИ. Аксиологические коннотации славянских этнонимов. *Русин.* 2023;72:178–195. EDN: ITRIFK.

5. Курбачёва ОВ. Проблема этнических конфликтов в условиях глобальной нестабильности. *Век глобализации.* 2018;4:114–124. EDN: YXBJSH.

6. Лекторский ВА. О толерантности, плюрализме и критицизме. *Вопросы философии*. 1997;11:46–54. EDN: SHNSAX.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2025.
Received by editorial board 11.02.2025.

[1] *Грачёв М. А.* Судебно-лингвистическая экспертиза : учебник. М. : Флинта, 2016. С. 33.

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь № 275-З от 9 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: : 31.01.2025).

Философская антропология

Philosophical anthropology

УДК 271.2–18(043.3)

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПОЛОВОГО ДИМОРФИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. ЛОЙКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассмотрена динамика проблемы пола в историко-философском ключе. Выделена структура православной антропологии. Проведена реконструкция концепции пола в рамках православного учения о человеке, указаны основные причины и специфика полового диморфизма.

Ключевые слова: пол; половой диморфизм; эссенциализм; метафизика пола; биодетерминизм; акцидентализм; православная антропология; онтология; амартология; сотериология; эсхатология; христианство; брак; любовь.

ANALYSIS OF THE SEXUAL DIMORPHISM PROBLEM IN THE CONTEXT OF ORTHODOX ANTHROPOLOGY

N. N. LOIKO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article considers the dynamics of the problem of sex in the historical-philosophical key. The structure of Orthodox anthropology is highlighted. Reconstruction of the concept of gender within the framework of Orthodox doctrine of man was carried out, the main reasons were indicated and the specificity of sexual dimorphism.

Keywords: sex; sexual dimorphism; essentialism; metaphysics of sex; biodeterminism; accidentalism; orthodox anthropology; ontology; amartology; soteriology; eschatology; Christianity; marriage; love.

Образец цитирования:
Лойко НН. Анализ проблемы полового диморфизма в контексте православной антропологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:17–23.
EDN: BZADJL

For citation:
Loiko NN. Analysis of the sexual dimorphism problem in the context of orthodox anthropology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:17–23. Russian.
EDN: BZADJL

Автор:
Наталья Николаевна Лойко – старший преподаватель кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:
Natalia N. Loiko, senior lecturer at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
natali_2323@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4127-7770

CC BY NC

Введение

Анализируя современную культуру, можно обнаружить характерное для человека состояние вседозволенности. Утрачивается тайна пола и выносится на всеобщее обозрение оболочка, которая ошибочно принимается за суть (глубина, интимность переходит в сферу интима, любовь из таинства превращается в механический и временный процесс, что выражается в форме нестабильных партнерских отношений в гражданском браке, призывов к смене пола, утверждений о текучести гендера, транссексуальности, защите прав ЛГБТК-сообщества и др.). Современный богослов Т. Горичева констатировала: «Ранее было вавилонское смешение языков, ныне происходит вавилонское смешение полов, которые при этом перестали понимать друг друга» [1, с. 58].

Отметим, что в модернистской и постмодернистской культуре репрезентативными являются две революции в области пола. Первая, модернистская революция имела своей целью разрушить традиционные (патриархатные) стереотипы полового поведения, основанные на иерархии и противопоставлении мужского как доминантного и женского как подчиненного пола. В этот период возникло феминистское движение, в различных вариантах призывающее к равенству полов (или даже превосходству феминного над маскулинным), произошла сексуальная революция, положившая начало высвобождению пола из рамок традиционной культуры, которая вылилась в различные молодежные движения, проповедующие сексуальную свободу.

Во время второй, постмодернистской революции исчезли обычные стереотипы мужественного мужчины и женственной женщины и появились новые способы репрезентации пола, в рамках которых были трансформированы традиционные ценности, что выразилось в поведении, коммуникации, семейной, профессиональной и общественно-политической деятельности людей. По словам Ж. Бодрийяра, «нет сегодня менее надежной вещи, чем пол – при всей раскрепощенности сексуального дискурса» [2, с. 31]. Более того, само наличие полового диморфизма перестает быть однозначной данностью, пол приобретает подвижность и изменяемость из-за выбора человека и внедрения новых технологий, позволяющих осуществить его смену.

Сегодня в рамках трансгуманизма происходит третья революция, которая стремится нивелировать пол как таковой. На этом настаивают сторонники современной квир-теории, бросающие вызов традиционному половому диморфизму и заявляющие о полиморфизме или вообще об отсутствии пола, его пустом, текучем значении.

В ситуации нестабильности и изменчивости понятия «пол» действительно важно понять, кто такой человек, какое место в его личностном становлении играет половая идентичность, каковы причины и специфика полового диморфизма. Обращение к исследованию проблемы пола в контексте православной антропологии позволяет выявить специфическую, не эксплицированную в научном дискурсе концепцию пола, что представляет несомненный интерес для современного социогуманитарного знания. Православная антропология в своем основании содержит актуальные для современного общества положения, касающиеся понимания специфики человеческого бытия в рамках исторической и эсхатологической перспектив, при этом тема пола рассматривается в контексте целостного учения о человеке.

В данной статье мы проведем экспликацию проблемы пола в рамках истории философии и реконструкцию концепции пола в контексте православной антропологии, рассмотрим причины и специфику полового диморфизма, т. е. наличия двух полов (мужского и женского) в человеческом роде.

Предпосылки становления проблемы полового диморфизма: историко-философский ракурс

В историко-философском аспекте проблема пола имеет несколько ключевых векторов рассмотрения, которые можно обозначить как эссенциализм (отношение к половой принадлежности как к биологической или онтологической (метафизика пола) данности) и акцидентализм (понимание пола как социокультурной заданности – гендера). Наиболее близка к православной антропологии эссенциалистская версия в ее онтологическом (метафизическом) варианте. Данная версия сходна с мифологическими, некоторыми религиозно-философскими взглядами, в ее рамках половой диморфизм метафизически детерминирован, категории «мужественность» и «женственность» (мужского и женского начал) существуют в качестве принципов как божественного бытия, так и устроения мира в целом, предшествующего акту творения мужчины и женщины.

Например, Платон высказал идею о том, что материю как воспринимающее начало можно уподобить матери, а идею, дающую начало бытию, – отцу. Доминирование в античной креационно-мифологической структуре мужского начала как активного, целеполагающего позволяет назвать идеализм Платона отражением патриархальной картины мира.

По версии Платона, упоминаемой в диалоге «Пир», мужчины и женщины произошли от андрогина – двуполого, мужеженского существа (всего было три вида таких существ), разделенного Зевсом за чрез-

мерную силу на две половины, причем половины ищут друг друга как в своем, так и в противоположном поле. Отсюда возникают объяснение и оправдание однополой любви. В рамках этой версии любовь понимается как жажда целостности, к которой стремятся обладающие полом, т. е. неполнотой, существа.

Некоторые мыслители (Филон Александрийский, Марсилио Фичино), проводя параллель между античной философией и ветхозаветной мудростью, предполагали, что Платон мог воспринимать отдельные идеи Моисея. На наш взгляд, данная мысль вполне правдоподобна и применима к проблеме полового диморфизма, так как версия Платона о происхождении полов от андрогинов имеет некоторое сходство с библейской версией сотворения женщины из ребра (половины) Адама и ее интерпретацией в православной антропологии.

В дальнейшем отклик на платоновское понимание проблемы пола обнаруживается в неоплатонизме (Плотин, Иоанн Скотт Эриугена), мистической философии Я. Бёме, Ф. фон Баадера. Особый взгляд на феномен пола отразился в русской религиозной философии Эроса, или метафизике Любви. Во многом опираясь на учение Платона, а также на христианскую святоотеческую традицию, русские мыслители, в числе которых прежде всего Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, Д. Мережковский, В. Соловьев, возвели характеристики мужского и женского начал на уровень космологического и теологического принципов, а также придали онтологический статус феноменам пола и любви.

Философ В. Соловьев одним из первых вынес проблему пола и любви на философский уровень рассмотрения, что в дальнейшем определило специфику развития русской философии пола. В его работах рассматриваются две основные темы: тема андрогинности и тема Вечной Женственности. Высший смысл любви видится в соединении человеческих полов в половой любви в целях преодоления эгоизма, отчужденности от всеобщего единства и соединения с Божеством.

На становление биодетерминизма повлияли исследования биологов, антропологов, а также теория Дарвина и других эволюционистов (Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, Л. Моргана), рассматривающих развитие пола так же, как развитие биологического организма. Согласно биодетерминистским теориям пол задан биологией, половая разделенность неизменна и определяется анатомо-физиологической спецификой мужчины и женщины. Имя З. Фрейда здесь весьма репрезентативно, так как этот исследователь впервые заявил, что пол человека детерминирован его анатомическим строением, он осознается субъектом в результате выбора модели для подражания (идентификации с матерью или отцом).

Сравнивая две противоположные точки зрения в контексте эссенциалистского подхода, необходимо отметить их сходство в трактовке существующей половой дифференциации, присущей мужчине и женщине и не зависящей от них. Сущность пола же понимается совершенно по-разному. В отличие от биодетерминизма, который «низводит» феномен пола до уровня физиологии, в рамках религиозно-философских концепций пола появляются метафизическая обусловленность половых различий, духовный смысл любви.

В рамках акциденталистского направления (социокультурный детерминизм) пол понимается как социокультурная категория (гендер), которая формируется на основе уже имеющихся, детерминированных природой половых характеристик и воздействует на процесс социальной идентификации человеческой личности. Пол в данном случае является не метафизическим и не физическим, но культурным феноменом, предполагающим изменение и трансформацию, т. е. разнообразие и вариативность репрезентации пола. Этой версии придерживаются представители неофрейдизма (Ж. Лакан), неомарксизма (В. Райх), постструктурализма (М. Фуко, Ю. Кристева), феминизма (Б. Фридан, С. Файерстоун, Дж. Митчелл) и постфеминизма (Э. Брукс, Дж. Батлер, Э. Сиксу, Ю. Кристева). Кроме того, сегодня можно наблюдать формирование нового направления – квир-теории, для которой пол не детерминирован ни метафизически, ни биологически, ни социально. «Превратившись в созданный человеком конструкт, пол распадается на многогранные гендерные измерения и становится продуктом человеческого творчества, инструментом самовыражения» [3, с. 132]. Исследователь данной теории А. Джагоз подчеркивает, что «в широком смысле квир описывает те действия или аналитические модели, которые драматизируют несвязность будто бы в стабильных отношениях между хромосомным полом, гендерными и сексуальными влечениями» [4, с. 10]. За множественностью гендеров прослеживается тотальное неприятие традиционного, бинарного деления на мужское и женское. Итак, рассмотренные версии обнаруживают различные трактовки полового диморфизма (метафизическую, биологическую и социокультурную и др.), однако не исчерпывают всего многообразия понимания пола.

Концепция пола в контексте православной антропологии

В православной антропологии также представлена концепция пола, имеющая значимость для современного историко-философского и культурологического дискурса. Чтобы показать всю уникальность данной концепции, обозначим специфику теоретического поля православной антропологии, которая лишь к XX в. формируется как самостоятельная дисциплина, эксплицирующая накопленный опыт

библейской, святоотеческой и богословско-философской традиции, систематизирующая учение о человеке максимально целостно и структурировано.

Православная антропология включает следующие разделы:

1) онтологию – учение о человеке до грехопадения, т. е. первозданном, изначальном человеке;

2) амартологию – учение о человеке после грехопадения, т. е. о падшем, страстном, поврежденном грехом человеке;

3) сотериологию – учение, в рамках которого рассматривается процесс восстановления человека через приход Христа как Спасителя;

4) эсхатологию – учение, в рамках которого раскрывается смысл пребывания человека в вечности[1].

Несмотря на стройность православного учения о человеке, раскрытие и актуализацию многих проблем, касающихся смысла и предназначения мужского и женского пола, данная тема до сих пор остается одной из самых противоречивых, порождая множество споров и неоднозначных трактовок, и имеет не догматический статус, а находится в области теологуменов (богословских мнений).

Рассмотрим проблему пола в рамках целостного учения о человеке и основных тем, раскрывающих концепцию пола во всей полноте.

1. Проблема творения и полового диморфизма. Библейская антропология рассматривает проблему сотворения человека как мужчины и женщины (Адама и Евы) и соотносит их с образом Божьим.

2. Проблема пола в контексте природы и личности человека. В рамках учения о сущностном составе человека (тело – душа – дух) особое значение имеют вопросы определения места полового диморфизма в данной иерархии (принадлежности пола лишь к телесной составляющей или в разной мере и к другим уровням). В данном вопросе речь идет и о сопоставлении понятия пола и личности человека.

3. Половая разделенность и грехопадение. В учении о грехопадении, помимо искажения природы человека, обнаруживается разрыв между мужской и женской природой, характеризующийся вожделением и греховными страстями.

4. Преобразование пола в рамках учения о спасении. В данном разделе раскрывается учение о Христе (новом Адаме, преодолевающем ветхого), через которого снимается негативность, падшесть пола и дается возможность иного пути к восстановлению единства.

5. Пол и таинства Церкви. Учение о Церкви открывает два пути для человека, являющие собой два способа существования пола: 1) монашество (безбрачие, девство); 2) брак. Отдельным вопросом является рассмотрение учения о браке, в котором раскрывается полнота полового и личностного существования человека, осмысляется феномен христианского брака в различных аспектах, аргументируется его необходимый гетеросексуальный и моногамный характер, в рамках церковных таинств.

6. Женщина в Церкви. Данный раздел учения о человеке посвящен месту женщины в Церкви и ее социокультурной роли. Речь идет об осмыслении женского служения (начиная от помощи Евы Адаму и заканчивая различными видами служения в семье и Церкви), о женском монашестве.

Причины и специфика полового диморфизма в рамках православной антропологии

Святые отцы, отвечая на сложный вопрос о причине сотворения человека, говорят о великой любви Бога Троицы, которая вылилась в необходимость сотворения существа, подобного ему, получившего все духовные дары от своего Творца. Любовь в контексте христианства является атрибутом Бога и главной добродетелью. В связи с этим мы можем предполагать, что поскольку ключевой причиной творения является любовь, то она же становится и смыслом человеческого бытия, и смыслом разделенности человека на два пола.

Рассматривая вопрос о сотворении человека, необходимо остановиться на двух этапах его творения. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27) [5]. Вначале Бог творит человека. Затем он творит мужчину и женщину, причем сотворение женщины происходит из ребра (стороны) человека. «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт. 2:22) [5]. Встреча мужчины и женщины сопровождается радостью от осознания близости друг к другу и наименованием женщины женой (иша), взятом от мужа (иш).

В православной антропологии мы обнаруживаем несколько точек зрения на причины полового диморфизма у человека:

1) онтологическую точку зрения, основанную на принципе бинаризма сотворенного мира. Данную версию можно отнести к эссенциалистской концепции, так как она указывает как на метафизическую, так и на биологическую обусловленность полового диморфизма (Максим Исповедник, Григорий Нисский);

2) провиденциальную точку зрения, связанную с необходимостью в репродукции, которая возникла ввиду возможности уклонения от первозданного состояния. Она также указывает на потребность в воспроизводстве человека, т. е. на биологическую обусловленность появления пола (Григорий Нисский);

3) экзистенциальную точку зрения, выражающую максимальную свободу человека вплоть до актуализации потенциального изменения полового предназначения, до греха (В. Лосский);

[1] *Леонов В. А.* Основы православной антропологии : учебник. М. : Сретен. ставропиг. муж. монастырь, 2023. С. 19–20.

4) диалогическую точку зрения, указывающую на необходимость в общении как главном принципе личностного бытия (Э. Бер-Сижель, П. Евдокимов, Х. Яннарос).

Современный богослов П. Н. Евдокимов указывает на то, что разделение на мужское и женское является не физиологической или психологической, но духовной проблемой, «она относится к области основной тайны, которая охватывает человеческое существо в целом» [6, с. 142]. Кроме того, православная антропология имплицитно содержит три основных версии возникновения полов: 1) происхождение женского пола от мужского (Адам); 2) одновременное появление полов из внеполового существа, возможного в Адаме как всечеловеке; 3) разделение мужеженской природы первого человека-андрогина на мужчину и женщину (версия, сходная с платоновской).

Исходя из первой версии, можно задать вопрос: «Каким был мужчина до разделения и что изменилось в нем после появления жены?» Если мужчина – вся полнота, и от него происходит жена («она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2:23); «ибо не муж от жены, но жена от мужа» (1 Кор. 11:8) [5]), то здесь важно помнить, что его бытие не самодостаточно, ему не хватает соответствующего ему другого человека. И здесь мы утверждаем главный тезис: мужчина не является собственно мужчиной без женщины («…и оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене своей» (Быт. 2:24) [5]), он не полон без нее.

Вторая версия основывается на переводе слова «Адам» не только как имени мужчины, но и как «человек», «человечество», а слова «цела» – не как «ребро», но как «грань», «сторона», «половина». В данном контексте пол появляется в результате разделения не мужчины, а человека на мужчину и женщину. Многие философы (Ориген) и богословы (Григорий Нисский, Антоний Сурожский) толкуют слово «адам» не только как «глина» или «взятый из земли», но и в более широком значении, как «человек» или «человечество», подчеркивая общность человеческой природы, единство всех людей (и мужчин и женщин) [7, с. 142].

Таким образом, в Книге Бытия повествуется об особом состоянии внеполового существования человека, которое можно охарактеризовать как изначальное единство человеческой природы и природы Бога, что, помимо сотворения по образу Божьему, отличало человека от всего тварного мира. По мнению профессора С. Троицкого, в первозданном человеке не было еще поляризации и разделения, которые присутствуют в муже и жене, в двух полах. В нем были соединены не два пола, а две природы – мужская и женская, в силу чего мы можем назвать его «не двуполым, а внеполовым существом» [8, с. 115].

Согласно третьей версии первозданный человек является андрогином, наделенным чертами мужественности и женственности. В данном понимании, характерном для многих русских религиозных мыслителей, чувствуется влияние идей Платона и немецкого мистика Я. Бёме. По мнению Платона, половое разделение – трагедия, наказание богов для того, чтобы сделать людей слабее, а эротическая тяга друг к другу – это лишь слабый отсвет божественного могущества, которое было дано андрогинам изначально. Смысл соединения полов – восполнение собственной неполноценности, жажда целостности.

Например, Н. Бердяев считал, что разделение на мужское и женское является следствием космического падения Адама. «Человек-андрогин распадается, отделяет от себя природноженственную стихию, отчуждается от космоса и подпадает рабской власти женственной природы» [9, с. 403]. В то же время полнота образа Божьего возможна лишь в девеюноше – целостном, «бисексуальном» человеке.

Таким образом, все версии приводят нас к выводу о том, что, несмотря на онтологическую данность («Не хорошо человеку быть одному, сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18) [5]), пол не должен существовать разделено («да будут двое одна плоть» (Быт. 2:24) [5]). В сотворении жены усматривается расщепление человека на две половины, на два пола, но в создании жены из «ребра» Адама передается «тайна онтологического единства двух полов» [10, с. 256], несамодостаточность пола и необходимость его восполнения другим, что выражается в любовном соединении полов в браке.

Важной особенностью сотворения человека по образу Божьему является создание его личностью. В контексте онтологии в рай вводится именно личность, обладающая мужской и женской природой. Версии происхождения полов, представленные нами, различаются, по сути, тем, что по-разному смотрят на соотношение пола и личности в человеке. Согласно первой версии из личности мужчины, который обладает полнотой бытия, создается ее дополнение – женщина. В соответствии со второй версией личность обладает внеполовым статусом. В третьей версии утверждается единство мужского и женского в личности. В то же время общим для всех версий является то, что бытие человека в его половом диморфизме имеет целью общение, пребывание в межличностном единстве. «Личность для того, чтобы быть личностью, должна находиться в общении» [10, с. 257] так же, как это происходит в общении внутри Святой Троицы.

Первоначальная общность природы для мужчины и женщины состоит в онтологической невостребованности в их самостоятельности. Более того, само понятие «противоположный пол», на наш взгляд, не применимо к первозданному полу. Первозданному человеку пол, которой этимологически связан с понятием «половина», «сторона», дан в ином виде, что указывает на полноту и первичную целостность мужского и женского. В данном случае более

правильно говорить о двух началах, онтологически являющих собою единство человеческой природы. Такое состояние многие Отцы Церкви сравнивают с бытием Святой Троицы и соединением двух природ (божественной и человеческой) в Иисусе Христе. Лица (в данном случае Адам и Ева), несмотря на свое личностное различие, способны и призваны существовать нераздельно, являя собой полноту бытия. Такова специфика первозданного, единосущного бытия полов.

Различия между мужчиной и женщиной сопряжены также с некоторыми функциональными особенностями, которых изначально немного. В Книге Бытия указываются первые заповеди, которые Бог дает человеку (т. е. мужчине и женщине, без дифференциации по половому признаку): размножение, население земли, владычество над всем животным и растительным миром, возделывание и хранение эдемского сада. Мужчине после появления жены дается указание называться по отношению к ней мужем и оставлять родителей, чтобы соединиться с женой, назначением женщины являются соработничество, помощь мужу. Очень часто роль помощницы понимается как служебная и вторичная. Но эта помощь, по мнению многих православных богословов, заключается не в простом служении, а в дополнении и общении. Бог не творит иерархии между мужским и женским началами, напротив, в акте разделения (или отделения женского начала от мужского) обнаруживается их неразрывная связь. Жена не творится заново, а получает лицо, ипостась, которая радует и дополняет мужа.

В то же время каждый пол сотворен по образу Божьему, т. е. он имеет присущие образу царственное достоинство, разумность (видение истины вещей), свободу, творчество, обладает иерархическим составом (двучастным (тело, душа) либо трехчастным (тело, душа и дух)). В апостольских постановлениях отмечается, что «муж и жена едино по естеству, по согласию, по соединению, по расположению, по жизни, по нраву, а раздельны они по полу и по числу» [11, с. 166].

Видный православный богослов Василий Великий, объясняя библейский рассказ о сотворении человека, исправляет трактовку слова «человек» (*anthrōpos*) как мужа. «Жена наравне с мужем имеет честь быть сотворенной по образу Божьему. Природа того и другого равночестна, равны их добродетели, равны награды, одинаково и возмездие. Пусть (женщина) не говорит: “Я бессильна”. Бессилие ведь присуще плоти, а сила – в душе. Поскольку образ Божий, конечно, почитается в них одинаково, пусть будут равночестными и добродетели их обоих, и проявление благих дел» [12, с. 118]. Для святого Василия и мужчина и женщина прежде всего – личности, чье призвание – совершенствование внутреннего мира, увеличение добродетелей и «завершение» разделенности для приближения к Богу.

Важно отметить, что первозданное разделение полов изменилось вследствие грехопадения: пол из половины стал противоположностью. Также стали принципиально иными функции пола: болезненное деторождение и зависимость от мужчины (свойства женщины), социальное превосходство и необходимость обеспечения земными ценностями и благами (свойства мужчины). В отношениях между полами появились противостояние, иерархия и несвобода, что связано с не подчиняющимся воле плотским влечением.

Принцип разделения, характерный для тварного мира, должен был быть упразднен онтологическим принципом единения в любви, что становится одной из целей прихода Иисуса Христа и его учения о спасении (сотериологии). В христианстве цель человеческого существования видится в приведении к единству того, что было разделено, и, как итог, соединении с источником единства и бытия – Богом. Кроме того, стержневая идея, которая всячески отстаивается в современных теориях пола и касается «устранения» аксиологически неравноценной иерархии мужского и женского, провозглашается через идею единства всех в Христе, предполагающую в том числе равенство полов, и идею преодоления полового бинаризма людьми, вне зависимости от пола, стремящимися к обоже́нию (теозису).

На современном этапе понимание предназначения двух начал в свете догматического учения Церкви оформилось в труде «Основы социальной концепции Русской православной церкви», в котором подчеркивается равенство личностей, выражаемое своего рода формулой «Равные, но разные!» и дополняемое различием духовного и социального предназначения. «Особенности полов не сводятся к различиям телесного устроения. Мужчина и женщина являют собой два различных способа существования в едином человечестве» [13, с. 8]. В данном труде также указывается особое назначение женщины, состоящее «не в простом подражании мужчине и не в соревновании с ним, а в развитии всех дарованных ей от Господа способностей, в том числе присущих только ее естеству» [13, с. 14].

Заключение

Сравнивая различные точки зрения на проблему происхождения полов, следует отметить, что в контексте эссенциалистского подхода сходство метафизической и биодетерминистской версий заключается в трактовке существующей половой дифференциации, присущей мужчине и женщине и не зависящей от них. Различие этих версий состоит в понимании сущности пола. В отличие от биодетерминизма,

в контексте которого феномен пола низводится до уровня физиологии, в рамках религиозно-философских концепций пола отмечаются метафизическая обусловленность половых различий, возведение характеристик мужественности и женственности до уровня божественного бытия, поиск высшего, духовного смысла любви. В акциденталистских версиях пол понимается как подвижный, моделируемый конструкт, надстраиваемый культурой. В современной квир-теории разрушается пол как таковой, утверждается мысль о половом полиморфизме.

Можно предположить, что разрушение метафизического, биологического и культурного значения и статуса пола является вызовом, который бросается человеку, а также всем измерениям его существования. Как метафизическое существо человек получает вызов своей религиозности, как социальное существо – вызов институту семьи (однополые браки, партнерские отношения и др.), как биологическое существо – вызов рождению и смерти. По замечанию Т. А. Ивановой, «эксперименты с собственной гендерной идентичностью являются попыткой человека бросить вызов собственной смертности, отрицая власть пола, поскольку именно пол связывает человека с его смертной телесностью, которая не вписывается в абсолютизированные ценности вечного восхождения к успеху, сталкивая человека с его хрупкостью, уязвимостью и зависимостью» [3, с. 128].

Мы можем добавить, что отрицание полового диморфизма бросает вызов и божественному мироустроению, в котором пол – данность и заданность, необходимое условие становления полноценной личности, ее (независимо от пола) свободы и диалога с *Другим* (экзистенциальная и диалогическая причины полового диморфизма). Обращение к трактовке полового диморфизма из православной антропологии дает нам ориентир для полноценного личностного роста и имеет огромную ценность для современной культуры, потерявшейся среди множественных идентичностей и трактовок пола.

В православной антропологии мы обнаружили четыре точки зрения на причину полового диморфизма (онтологическую, провиденциальную, экзистенциальную и диалогическую) и различные версии того, как произошли мужской и женский пол. От версии зависит понимание специфики и предназначения пола. При обобщении всех версий получается, что пол – это онтологическая данность, которая создается Богом как акт милосердия и любви для обретения человеком полноты существования и общения (в браке). В результате грехопадения данная гармония нарушилась и исказилась направленность пола, но после пришествия Христа – нового Адама – первоначальный смысл полового существования трансформировался, стал освящаться в таинстве брака либо монашества. Таким образом, пол в рамках православной антропологии является разделяюще-соединяющей реальностью, позволяющей человеку преодолеть отчужденность и актуализировать божественный, духовно-мистический, экзистенциально-диалогический, целостный модус своего бытия, он противопоставляется разрушительным тенденциям современности, которые обесценивают половой диморфизм и ведут человечество к самоуничтожению.

Библиографические ссылки

1. Горичева Т. *Дочери Иова: христианство и феминизм*. Санкт-Петербург: Алга-Фонд; 1992. 64 с. Совместно с издательством «Ступени».

2. Бодрийяр Ж. *Соблазн.* Москва: Ad Marginem; 2000. 317 с. (Философия по краям).

3. Иванова ТА. От целостности андрогина к деконструкции гендера: историко-философский контекст и критическое осмысление проблемы. *Философия и общество*. 2021;1:126–142. DOI: 10.30884/jfio/2021.01.07.

4. Джагоз А. *Введение в квир-теорию.* Кашаев ВЕ, редактор; Кукарцева М, переводчик. Москва: Канон+; 2008. 208 с.

5. Российское библейское общество. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические.* Москва: Российское библейское общество; 2006. 1312 с.

6. Евдокимов ПН. *Женщина и спасение мира. О благодатных дарах мужчины и женщины.* Минск: Лучи Софии; 1999. 272 с.

7. Антоний Сурожский. *Наблюдайте как вы слушаете.* Майданович Е, составитель. Москва: Фонд содействия образованию XXI века; 2004. «…Мужчину и женщину сотворил их»; с. 139–151.

8. Троицкий С. *Христианская философия брака*. Париж: Ymca Press; 1999. 221 с.

9. Бердяев НА. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека.* Москва: АСТ; 2002. 678 с.

10. Шмалий В. Проблематика пола в свете христианской антропологии (Быт 1:27). В: Синодальная богословская комиссия. *Православное учение о человеке. Избранные статьи.* Москва: Христианская жизнь; 2004. с. 251–290.

11. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. *Постановления апостольские.* Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; 2006. 238 с.

12. Василий Великий. *Избранный поучения.* Москва: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова; 2003. 685 с.

13. Русская православная церковь. *Основы социальной концепции Русской православной церкви.* Москва: Русская православная церковь; 2000. 175 с.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2025.
Received by editorial board 24.02.2025.

Социальные исследования

Social researches

УДК 316.74:27-184(476)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН)

С. Г. КАРАСЁВА[1)]***, Е. В. РЕУТ***[1)]

[1)]*Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Предложено рабочее определение религии, проведена дифференциация таких ее аспектов, как опыт, система и традиция. Охарактеризована дихотомия сакральной (ритуальной) и профанной (повседневной) сфер мировосприятия и образа жизни последователей религии. Определено, что символизм границы между сакральным и профанным означает ее условность и ведет к частичному размыванию канонической чистоты религии на ее периферии, где доминирует профанное, при сохранении канона на оси ее передачи, где охраняется сакральное. Обозначена миссия тех последователей религии, которые специализируются на знании канона и исполнении ритуала (священнослужителей), в отношении размывания канона. Констатировано, что в их задачи входит критическое осмысление пара-, не- и инорелигиозных компонентов, проникающих в содержание религии на ее периферии (на уровне повседневных практик простых последователей) и канонически допустимое внедрение этих компонентов в религиозную систему.

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; белорусские татары-мусульмане; сакральное и профанное; синкретизм; монотеистические традиции.

Образец цитирования:
Карасёва СГ, Реут ЕВ. Социально-психологические аспекты религиозности (на примере белорусских татар-мусульман). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:24–30.
EDN: DEKECQ

For citation:
Karassyova SG, Reut LV. Socio-psychological aspects of religiosity (a case of Belarusian Tatar Muslims). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:24–30. Russian.
EDN: DEKECQ

Авторы:
Светлана Геннадьевна Карасёва – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.
Елизавета Викторовна Реут – младший научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Authors:
Svetlana G. Karassyova, PhD (philosophy), docent; leading research fellow of the Belarusian-Turkish Research Center.
karassyova@mail.ru
Lizaveta V. Reut, junior research fellow of the Belarusian-Turkish Research Center.
liliiren6997@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF RELIGIOSITY (A CASE OF BELARUSIAN TATAR MUSLIMS)

S. G. KARASSYOVA[a]***, L. V. REUT***[a]

[a]*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Corresponding author: L. V. Reut (liliiren6997@mail.ru)

Abstract. A working definition of religion is proposed, and its aspects such as experience, system, and tradition are differentiated. The dichotomy of the sacred (ritual) and profane (everyday) spheres of worldview and lifestyle of religion followers is characterised. It is determined that the symbolism of the boundary between the sacred and the profane signifies its conventionality and leads to the partial blurring of the canonical purity of religion on its periphery, where the profane dominates, while maintaining the canon on the axis of its transmission, where the sacred is protected. The mission of those followers of the religion who specialise in the knowledge of the canon and the performance of rituals (priests) is outlined in relation to the erosion of the canon. It is stated that their tasks include a critical analysis of the para-, non-, and foreign-religious components that infiltrate the content of the religion on its periphery (at the level of everyday practices of ordinary followers) and the canonically acceptable integration of these components into the religious system.

Keywords: religion; religious identity; Belarusian Tatar Muslims; sacred and profane; syncretism; monotheistic traditions.

Введение

Проблема, раскрываемая в данной части исследования, лежит на стыке двух дисциплин – психологии (ее социального аспекта) и религиоведения (междисциплинарного пространства, объединяющего в своем предметном поле концепции и подходы разных социально-гуманитарных дисциплин). На грани соприкосновения психологии и религиоведения развивается субдисциплина – психология религии, которая изучает религию с точки зрения религиозного опыта (индивидуального и коллективного) и организующих его религиозных систем. Влиятельными основоположниками психологии религии являются У. Джеймс, Г. С. Холл, Дж. Г. Леуба, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, Б. Ф. Скиннер, А. Маслоу, К. Р. Роджерс, Р. Мэй, В. Франкл, Г. Оллпорт, И. Д. Ялом, Р. Ассаджиоли, М. Аргайл, Д. Бэтсон, Л. Вентис, Д. А. Вульф, П. Хилл, Р. Худ и др.) [1–7; 8, с. 191–269]. Опорными для настоящего обзора служат концепции психологов З. Фрейда, К. Г. Юнга, В. Кёлера, К. Коффки, К. Левина, Дж. Дж. Гибсона, А. Маслоу, Г. Олпорта, социологов Д. Э. Дюркгейма, Р. Беллы, культурологов А. ван Геннепа, К. Гирца, В. С. Семенцова и др.[1], религиоведов М. Элиаде, Х. Хоффмана и др.

В настоящей работе предлагается концепция исследования малоизученного религиоведческого феномена, относящегося к социально-психологической сфере – восприимчивости последователей влиятельных религиозных традиций (прежде всего монотеистических) к пара-, не- и инорелигиозным смыслам. Проведенное исследование было реализовано в несколько этапов: 1) теоретико-методологическое обоснование концепции; 2) разработка диагностического инструментария; 3) пилотажная апробация методик. Более детальное освещение эмпирической части исследования с представлением релевантных данных и их статистическим анализом планируется в следующих научных статьях. Объектом исследования служили члены религиозных общин монотеистических конфессий Республики Беларусь. Результатами этой части исследования выступили выявленные взаимосвязи между характером религиозной вовлеченности, с одной стороны, и структурно-функциональными особенностями человеческого восприятия, с другой стороны.

Способность, структура и функции человеческого восприятия

Способность восприятия, или отражения реальности, является свойством всех живых организмов. Она усложняется по мере совершенствования организации их структуры и функций. На более простом уровне организации жизни эта способность реализуется при получении информации о каком-либо свойстве предмета или явления (ощущение). Более комплексным процессом является получение информации о явлениях и предметах в целом, в совокупности их свойств (восприятие как форма

[1]*Красников А. Н.* Методологические проблемы религиоведения : учеб. пособие для магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 241 с. ; *Он же.* У истоков религиоведения. Формирование религиоведческой парадигмы. Проблемы философии религии и религиоведения : учеб. пособие. Калининград : Калининград. гос. ун-т, 2003. С. 15–77.

отражения). И в случае сложноорганизованных форм жизни появляется возможность сохранения и воспроизведения в памяти образов этих предметов или явлений (представление). В человеческой психике обработка информации (представлений) осуществляется с помощью операции опосредованного, абстрагирующего восприятия – мышления, формами которого являются понятие, суждение, умозаключение, при этом сами представления рекомбинируются при помощи воображения. Синтезом всех указанных форм отражения является интуиция, формирующая идеи – бесконечно-конкретные образы реальности [1]. Способность человеческого восприятия имеет предельно сложную структуру, но может быть описана в соответствии с универсальной моделью человека как единства физических, психических и динамических свойств [9].

Человека можно определить как живое существо, способное целенаправленно изменять реальность и себя вместе с ней. Из этой дефиниции следует, что человек сам определяет (выбирает) оптимальные направления и формы своей активности. Выбор обусловлен разноуровневостью его жизненных потребностей. Потребности возникают на каждом из трех фундаментальных уровней организации индивида (физическом, психическом и динамическом). На физическом, или телесном, уровне организации человека происходит его интеграция в материальную реальность. На психическом, или воспринимающем, уровне для человека символически отображается реальность в форме чувств, образов и мыслей. На динамическом, или поведенческом и деятельном, уровне энергия чувств, образов и мыслей трансформируется в автоматические (непроизвольные) или осознаваемые (целенаправленные) действия. На каждом уровне реализуются потребности в физическом выживании, психическом балансе, сознательном достижении определенных целей соответственно. Необходимо отметить, что все три вида потребностей, формирующихся на различных уровнях организации индивида, получают свою субъективную актуализацию на психическом уровне, т. е. через восприятие и самовосприятие [10–12].

Под восприятием в данном контексте понимается способность и процесс отражения реальности в символических (чувственных (ощущение, образ, представление), абстрактных (понятие, суждение, умозаключение) и синтетических (идея)) формах. Все, что с человеком происходит, – от телесных, или физических, ощущений, непроизвольных реакций, эмоций и мыслей до простых актов и сложных программ произвольного поведения – является содержанием его психики. Такая трактовка психики соответствует пониманию восприятия как способности и процесса активного отражения реальности и совпадает с широкой трактовкой сознания, которая отличается от узкой, означающей ясное и отчетливое восприятие реальности. Под реальностью здесь понимается все существующее – актуально и потенциально, материально и идеально; объективно и субъективно.

Итак, восприятие структурировано по уровням организации человека (физическому, психическому, синтетическому) и формам (от ощущения до идеи). Но кроме того, оно функционирует в разных режимах активности, обусловленных способностями памяти, воображения и внимания. И если память (способность хранить все воспринятое содержание) и воображение (способность рекомбинировать воспринятое) оперируют всем объемом воспринимаемого, то внимание охватывает лишь ту его часть, которая доступна ясному и отчетливому восприятию, или сознанию в узком смысле этого слова.

Будучи сфокусированным благодаря восприятию, внимание определяет сознаваемую часть психики. То, что за пределами сфокусированного внимания, или сознаваемой части психики, является сферой бессознательного. Некоторый объем бессознательного (как правило, тот, который был воспринят на периферии фокуса внимания более или менее отчетливо) легко доступен запросу внимания и может быть осознан. Но весь остальной его объем (по некоторым представлениям, бесконечный) труднодоступен вниманию, т. е. осознаванию. Этот объем бессознательного формируется несколькими путями:

1) накапливается непроизвольно. В силу тотальности и непрерывности восприятия сфера бессознательного, ввиду безусловного доверия индивида к собственному опыту, вбирает в себя вообще все, что воспринимается человеком как само собой разумеющееся;

2) становится непроизвольным, т. е. автоматическим, в результате привыкания;

3) непроизвольно, автоматически вытесняется из сознания как нежелательный, недопустимый под давлением нормативных запретов[2] [13].

Бессознательное характеризуется как сфера психики, неподконтрольно и ощутимо влияющая на жизнь человека, его чувства, мысли и волю. Влияние сферы бессознательного обусловлено витальной заряженностью его содержаний, которые имеют имманентную динамическую природу (способность аккумулировать и воспроизводить интенсивность первичных впечатлений, действенная сила, детерминирующая поведение через автоматизм установок, а также устойчивая побудительная активность, сохраняемая вопреки механизмам вытеснения). Именно в этой сфере укореняются религиозные убеждения, определенным образом мотивирующие жизненное поведение человека. Они складываются в основном двумя путями: 1) через проживание экс-

[2]Психоаналитические термины и понятия : словарь / пер. с англ. А. М. Боковикова, И. Б. Гриншпуна, А. Фильца ; под ред. А. М. Боковикова, М. В. Ромашкевича. М. : Класс, 2000. 304 с.

траординарного опыта; 2) через интериоризацию выражающих этот опыт истин и предписаний, принимаемых с безусловным доверием. В обоих случаях религиозная позиция приобретает отчасти иррациональный, т. е. бессознательно обусловленный характер.

В рамках религиозной идеи, которая является ответом на вопрос о смысле жизни, определяется предельный горизонт существования человека и реорганизуется соответствующим образом структура его личности, т. е. система его ценностей и, как следствие, мотиваций. Структура психики вообще, и особенно различие и связь сознательной и бессознательной ее сфер, влияет не только на вовлеченность человека в религию, но и на характер этой вовлеченности.

В общих чертах характер вовлеченности индивида в религию может быть представлен следующим образом. Опыт (весь объем воспринятого, т. е. испытанного, человеком) хранится как в сознаваемой памяти (незначительный объем), так и в бессознательной памяти (объем установить невозможно). В силу активности восприятия, проявляющейся в деятельности воображения, содержания памяти, особенно ее бессознательной части, перекомпоновываются под давлением постоянно действующих как сознаваемых, так и несознаваемых потребностей. Внимание может обнаруживать в бессознательной и уже обработанной воображением памяти трансформированные, ирреальные образы и сюжеты. Постфактум внимание начинает сознательно конструировать рациональные объяснения обнаруженных ирреальных композиций. Рациональное обоснование иррациональных продуктов воображения имеет место и при построении религиозных картин мира. Важно, что доверие людей к продуктам собственного воображения безусловно, поскольку эти продукты обладают субъективной очевидностью. Однако конфликт субъективной очевидности с объективным и тоже очевидным положением дел приводит к необходимости выбирать одну из очевидных реальностей либо как единственную, либо как первоначальную. Степень доверия к воображаемой реальности, по сравнению с данной, определяет характер вовлеченности человека в идею и его образ жизни [5].

Восприятие религиозного человека определяется экзистенциальным запросом на смысл, который мог бы противостоять конечности жизни, оправдывал бы конечную жизнь перед лицом смерти. Другими словами, оно определяется запросом на бессмертие. Поскольку в физическом мире бессмертие невозможно, психика религиозного человека кардинально переориентируется с опоры на очевидный опыт на веру в неочевидные идеи, содержание которых безусловно принимается за истину.

Основой принятия служит решение – акт сознательной и (или) бессознательной воли, который выступает механизмом обращения человека в религию. Феномен и процесс религиозного обращения можно представить как композицию факторов (острый экзистенциальный кризис, требующий именно абсолютного разрешения; активный, настойчивый поиск выхода из кризиса; переворотный акт обретения трансцендентного смысла), обусловливающих глубокую мировоззренческую трансформацию личности.

Религиозное обращение – это событие, которое превращает религию (любую другую смысловую систему) из безразличного для человека содержания в его личное смысловое поле, при этом неважно, становится оно единственным или остается одним из многих. Религиозное обращение может быть быстрым и интенсивным, радикально преображающим личность, а значит полным или, по крайней мере, глубоким; поступательным и спокойным, медленно изменяющим смысловой горизонт личности, а значит частичным, поверхностным.

Таким образом, в структуру религиозного обращения входят следующие составляющие:

1) потребность личности в предельном (религиозном) смысле, которая проявляется через экзистенциальный кризис;

2) активность человека в поиске выхода из кризиса;

3) его чувствительность именно к религиозному смыслу и готовность принять этот смысл;

4) ключевое событие или фигура, выполняющие для индивида функцию проводника в сферу религии.

В социологии религиозное обращение называют также конверсией, или радикальным изменением модели мира индивида и интеграцией его в сообщество, следующее принятой модели. В психологии этот процесс может рассматриваться как самоактуализация, или качественные (структурные) изменения личности и ее экзистенциальной ориентации под влиянием новой определяющей идеи [14].

Религия и ее структура

В рамках настоящей статьи религия понимается предельно широко – как система представлений, деятельности и институтов (организованных общностей), символически артикулирующая опыт поиска и (или) обретения истины трансцендентного порядка. Такое понимание религии включает все известные формы почитания трансцендентной (трансцендентно-имманентной) реальности (от зрелых сложно организованных религий до аморфных религиозных сред и настроений). Историческое, временное измерение религии образует, как уже отмечено, ее традицию [15].

Быть последователем религии – значит быть приверженцем ее идеи, которая является квинтэссенцией той или иной формы трансцендентного опыта, а также системы представлений, деятельности и институтов (отношений), в рамках которых эта идея реализуется. Таким образом, неизменное присутствие религии, ее разнообразных систем во всех пространствах и периодах культуры говорит о существенной потребности человека в ней [16].

Религия и ее последователи

Любая религия – сложный системный феномен, предлагающий своим последователям особую модель реальности и соответствующий ей образ жизни. Эта модель строится на специфическом опыте, который основатели и последователи религии считают опытом трансцендентного порядка. В качестве трансцендентной мыслится реальность, одновременно и внеположная миру по своей сути, и пронизывающая его своим действием, силой. Это определение значит, что реальность, трансцендентная миру, одновременно внутренне присуща (имманентна) ему. Иными словами, трансцендентное, будучи по своей природе запредельным, не остается пассивным или отстраненным по отношению к миру, а напротив, активно проявляет себя в нем, что и составляет суть его имманентного присутствия. Таким образом, религия, в основе которой заложен опыт трансцендентного, предлагает своим последователям двуединый вектор развития: во-первых, религия призывает выйти за пределы имманентного существования и ориентирует на существование трансцендентное; во-вторых, для ориентации на трансцендентное религия подчиняет все уровни, аспекты и моменты имманентного существования индивида, организуя и насыщая их смыслом через постоянную устремленность к трансцендентному. Религия – модель трансцендентного в имманентной реальности [16; 17].

Разная степень вовлеченности, а значит, разная мера потребности людей в трансцендентной истине, обусловливает противоречивую динамику религиозной традиции. Живой опыт поиска и (или) обретения истины спорит с фиксированной, канонизированной системой ее выражения.

Соответствие и несоответствие живого запроса и опыта приобщения к традиции, с одной стороны, и канонизированной формы ее исповедания, с другой стороны, приводит к разнообразию позиций следования ей и в конечном счете к ее неизбежной диверсификации. Среда последователей традиции неоднородна из-за разной степени их вовлеченности.

По критерию вовлеченности можно выделить разные группы последователей. Так, мера интеграции религиозного смысла в структуру личности определяет позиции вовлеченности по шкале от утилитарной до жертвенной. Способ вовлеченности определяет институциональный статус и роль в религиозной системе (специалист-священнослужитель, служащий посредником между сакральным и повседневным, или простой, обычный последователь, пользующийся посредничеством специалиста).

Различие всех приверженных той или иной религии по способу вовлеченности означает, что их можно разделить на две основные группы: 1) последователей-специалистов, отвечающих за чистоту (аутентичность) и сохранение религиозной идеи и выражающей ее системы; 2) обычных последователей, которые обращаются к специалистам как к посредникам между объектом религиозного почитания, т. е. символом религиозной идеи, и своей повседневной жизнью, от которой они не готовы или не способны отказаться. Специалисты в большей степени посвящают себя воспроизводству идеала религии, сокращая объем повседневности в своем личном опыте и образе жизни за счет культивирования сакрального порядка. Обычные последователи остаются по преимуществу в повседневной, т. е. профанной, реальности, лишь иногда (по необходимости или по предписаниям религиозного календаря) включаясь в сакральные события и состояния. Граница между сакральным и профанным имеет психологический (сформированный во внутреннем мире последователей) и символический (заданный в виде ритуальных мест, действий, предметов) характер [18]. В то же время ее психологический аспект, будучи продуктом личного опыта каждого последователя, отличается подвижностью и контекстуальной зависимостью. Данная подвижность обусловлена тем, что сакральные символы, сохраняя форму, постоянно меняют содержание (значение) под действием жизненного опыта и культурно-исторической динамики. Из-за этого в содержание религий проникают не- или инорелигиозные элементы. Это явление обусловливает парадоксальность и характер повседневной реальности любой религии. Сохранение канона обеспечивается усилиями религиозных специалистов, т. е. последователей, максимально вовлеченных в религию. Именно они воспроизводят идеал религии (идею (квинтэссенцию религиозного опыта) и символизирующий ее образ), снова и снова делают его реальностью. Что же касается обычных последователей, то они значительную часть жизни проводят в профанном пространстве-времени, где каноническое содержание религии размывается, смешиваясь с не- и инорелигиозными элементами. Таким образом, размывание канонических смыслов религиозной традиции происходит в диффузной зоне ее соприкосновения с другими религиями и нерелигиозным культурным полем [19].

Результаты и их обсуждение

Для анализа религиозности белорусских татар-мусульман, принявших участие в исследовании, и ее взаимосвязи с их психосоциальными характеристиками были использованы два ключевых тезиса:

1) ислам – это традиция, обращенная к своим последователям в большей степени через рассудок и рациональные аргументы. Принципы веры и предписания образа жизни последователей ислама опираются на рациональные выводы из положений священных книг (Коран и Сунна);

2) последователи ислама в большей степени склонны к регламентированности образа жизни, чем последователи, например, христианских конфессий, особенно православия [20; 21]. Эти тезисы могут указывать на большу́ю приверженность последователей ислама к рациональному способу вовлеченности.

Для операционализации данных тезисов и анализа специфики религиозности белорусских татар-мусульман используются сведения республиканского исследования религиозности об обстоятельствах обращения к религии, в данном случае – к исламу. В рамках исследования определены следующие факторы обращения к исламу: 1) социальное окружение; 2) экзистенциальные искания; 3) неблагоприятные обстоятельства; 4) чудесные события. Методологическое допущение исследования заключалось в том, что обращение через социальное окружение в большей степени соотносится с рациональными аспектами сознания, тогда как экзистенциальные искания, неблагоприятные обстоятельства и чудесные события преимущественно связаны с эмоционально-аффективной и иррациональной сферой человеческой психики.

Сравнение данных об обстоятельствах религиозного обращения татар-мусульман и всех религиозных респондентов показывает, что под влиянием именно социального окружения в религию приходят 83 % белорусских последователей ислама, тогда как среди всех религиозных белорусов этот показатель составляет 68 %, что подтверждает исходное методологическое допущение. Более детальное сопоставление данных об обстоятельствах религиозного обращения (социальное окружение, экзистенциальные искания, неблагоприятные обстоятельства, чудесные события) белорусских татар-мусульман и всех религиозных респондентов не только углубляет выявленный разрыв по доминирующему фактору, но и демонстрирует значительно меньшую представленность эмоционально-аффективных мотивов среди мусульман, что подтверждает исходное допущение еще раз. Так, тестовый вопрос о способе религиозного обращения под влиянием социального окружения в анкете республиканского исследования религиозности содержал три варианта ответа: 1) семейное воспитание; 2) особенная встреча с религиозным (верующим) человеком; 3) постоянное близкое общение с верующими (религиозными) людьми (родственниками, друзьями, коллегами и др.). Из этих трех вариантов ответа первый и третий очевидно теснее связаны с рациональными формами обращения к религии, чем второй. Анализ полученных данных показывает, что обратились к религии под влиянием семейного воспитания 57,6 % мусульман и 41,2 % всех верующих, под влиянием особенной встречи – 5,1 % мусульман и 9,0 % всех верующих, а под влиянием постоянного близкого взаимодействия с религиозной средой – 20,3 % мусульман и 17,9 % всех верующих.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что выдвинутое предположение о связи психологических особенностей восприятия с характером религиозной вовлеченности является состоятельным и методологически продуктивным. В рамках настоящего исследования эта связь была успешно проиллюстрирована на примере ключевого параметра – обстоятельств религиозного обращения, который выступил репрезентативным индикатором. Полученные результаты обусловливают целесообразность дальнейшего исследования религиозности и ее психологических аспектов. Развитие данных тезисов предполагается продолжить на следующем этапе исследования путем привлечения и сравнительного анализа более широкого числа параметров, таких как особенности религиозной практики, структура религиозных представлений и специфика переживания сакрального.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что религиозная идентичность белорусских татар-мусульман формируется под влиянием сложного взаимодействия социально-психологических факторов и особенностей религиозного восприятия. Теоретический анализ позволил предположить, что структура человеческого восприятия, включающая взаимодействие сфер сознательного и бессознательного, оказывает существенное влияние на характер религиозности. Эмпирически установлено, что дихотомия сакрального и профанного в религиозной практике характеризуется высокой степенью условности и проницаемости, что способствует внедрению инорелигиозных элементов в периферийные области религиозного сознания. Важным аспектом является роль культурных и исторических факторов, которые формируют уникальные особенности религиозной идентичности белорусских татар-мусульман. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении выборки, включении дополнительных параметров религиозности, а также в проведении сравнительного анализа с другими конфессиональными группами для выявления общих и специфических характеристик религиозной идентичности в контексте многоэтничества и религиозного разнообразия Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Двойнин АМ. Проблема веры в психологии: историко-теоретический обзор. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология.* 2013;3:113–128. EDN: RSXISF.

2. Зенько ЮМ. Психология религии: основные проблемы и перспективы развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2009;27(3):196–210. EDN: PHYKJT.

3. Фолиева Т, Малевич Т. Психология религии в XX веке: основные вехи развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2016;4:68–91.

4. Джеймс У. *Воля к вере.* Блинников ЛВ, Поляков АП, переводчики. Москва: Республика; 1997. 431 с. (Мыслители XX века).

5. Оллпорт Г. *Личность в психологии.* Шпионский ЛМ, редактор; Авидон ИЮ, переводчик. Москва: КСП+; 1998. 345 с.

6. Флурнуа Т. Принципы религиозной психологии. В: Московское релиоведческое общество. *RELIGO. Альманах Московского религиоведческого общества. Выпуск 1, 2004–2007.* Москва: Прогресс-Традиция; 2008. с. 203–222.

7. Маслоу А. *Мотивация и личность.* Гутман Т, Мухин Н, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 351 с.

8. Маслоу А. *По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пик-переживания.* Рачкова Е, переводчик. Москва: Эксмо-Пресс; 2002. 270 с.

9. Степин ВС. *Философская антропология и философия науки.* Москва: Высшая школа; 1992. 191 с.

10. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии.* Брушлинский АВ, Абульханова-Славская КА, составители. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 720 с.

11. Хьелл Л, Зиглер Д. *Теории личности.* Санкт-Петербург: Питер; 2008. 607 с. (Мастера психологии).

12. Майерс Д. *Социальная психология.* Гаврилов В, Шпак С, Меленевская С, Викторова Д, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 794 с.

13. Фрейд З. *Основные психологические теории в психоанализе.* Вульф М, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 400 с.

14. Stark R, Bainbridge WS. *A theory of religion.* New York: Lang; 1987. 812 p.

15. Фолкнер Д, де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ. *Социологические исследования.* 2011;12:69–76. EDN: ONGKFL.

16. Карасёва СГ. *Типология религиозности в современной Беларуси.* Минск: БГУ; 2018. 219 с.

17. Тейлор Ч. *Секулярный век.* Васильев А, переводчик. Москва: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея; 2017. 967 с. (Философия и богословие).

18. Элиаде М. *Священное и мирское.* Гарбовский НК, переводчик. Москва: Московский университет; 1994. 143 с.

19. Карасёва СГ. Социально-антропологическая обусловленность религии. *Наука и инновации.* 2023;4:25–27. EDN: RIHDKO.

20. Карасёва СГ, Шкурова ЕВ. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности: актуальность и концептуализация. *Социология.* 2012;3:123–132.

21. Карасёва СГ, Шкурова ЕВ, Шатравский СИ. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015). *Философия и социальные науки.* 2016;1:82–91.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2025.
Received by editorial board 03.09.2025.

УДК 316.334.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

О. Н. ГАВРИЛИК[1)]

[1)]*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

Аннотация. Отмечено, что для социологической оценки эффективности реализуемых реформ необходимо понимать, в какой степени существующая экономическая культура населения соответствует модели экономического развития и приоритетам государственной политики. Рассмотрена экономическая культура жителей Республики Беларусь, осуществлено сравнение нормативно закрепленных, желательных характеристик экономической культуры населения с ее актуальными особенностями на современном этапе общественного развития. Проанализированы научная литература, нормативно-правовые документы, данные эмпирических социологических исследований, статистические сведения. Сделаны выводы о степени соответствия актуального состояния экономической культуры жителей Республики Беларусь нормативным представлениям.

Ключевые слова: нормативные представления; социально-экономическое развитие; финансовая грамотность; экономическая культура.

ECONOMIC CULTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS POPULATION: NORMATIVE MODEL AND CURRENT STATE

A. N. HAURYLIK[a]

[a]*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street, Grodna 230023, Belarus*

Abstract. It is noted that a sociological assessment of the effectiveness of ongoing reforms requires understanding the extent to which the current economic culture of the population corresponds to the economic development model and state policy priorities. The economic culture of residents of the Republic of Belarus is examined, and the normatively established and desirable characteristics of the population's economic culture are compared with its current characteristics at the current stage of social development. Scientific literature, regulatory documents, empirical sociological research data, and statistical data are analysed. Conclusions are drawn regarding the degree to which the current state of the economic culture of residents of the Republic of Belarus corresponds to normative concepts.

Keywords: normative ideas; socio-economic development; financial literacy; economic culture.

Введение

Трансформация социально-экономической среды требует изменений в экономической культуре населения. Наряду с отражением накопленного опыта, устоявшихся ценностей и представлений в рамках экономической культуры производится отбор актуальных характеристик и создаются новые принципы

Образец цитирования:
Гаврилик ОН. Экономическая культура населения Республики Беларусь: нормативная модель и актуальное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:31–36.
EDN: KWJPQI

For citation:
Haurylik AN. Economic culture of the Republic of Belarus population: normative model and current state. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025; 3:31–36. Russian.
EDN: KWJPQI

Автор:
Оксана Николаевна Гаврилик – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры политологии и социологии факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:
Aksana N. Haurylik, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of political science and sociology, faculty of history, communication and tourism.
gavrilik_on@grsu.by
https://orcid.org/0000-0002-6465-5394

CC BY NC

действий и ориентации субъектов, которые позволяют им адаптироваться к меняющимся условиям.

Для социологической оценки эффективности реализуемых реформ необходимо понимать, в какой степени существующая экономическая культура населения соответствует требованиям объективной реальности, модели экономического развития и приоритетам государственной политики. Цель настоящего исследования – осуществить сравнение нормативно закрепленных, желательных характеристик экономической культуры населения Республики Беларусь с ее актуальными особенностями на современном этапе общественного развития. Компаративный анализ должного и реального состояния экономической культуры жителей страны позволит выявить наличие в ее содержании противоречий, а также выделить направления, требующие дополнительного внимания при реализации программы социально-экономического развития страны.

Теоретические основы и методы исследования

Концептуальная разработка понятия экономической культуры представлена в работах российских и белорусских ученых – Н. Н. Зарубиной, А. Ю. Архипова, О. В. Евграфовой, Т. А. Зотовой, В. К. Королева, Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, В. М. Доброштана, И. Г. Минервина, В. В. Радаева, Г. Н. Соколовой, О. В. Кобяка и др. Основатель белорусской экономико-социологической школы Г. Н. Соколова определила экономическую культуру как систему созданных в ходе научно-технического прогресса социальных механизмов, благодаря которым регулируется включенность хозяйствующих субъектов в экономическую деятельность и степень их самореализации в тех или иных типах экономического поведения. Экономическая культура включает в себя экономическое сознание и экономическое мышление и является механизмом регулирования экономического поведения индивида [1, с. 114–118]. Существующие определения экономической культуры имеют общие черты и отличительные особенности, зачастую в данные определения включаются такие компоненты экономической культуры, как экономические знания, ценности, интересы, нормы, традиции и убеждения. Согласно деятельностному подходу в содержание экономической культуры входит поведенческий аспект, а она сама скорее рассматривается как способ деятельности, поскольку даже при наличии экономических знаний, интересов человек может не совершать определенные действия, соответствующие этим знаниям и интересам [2, с. 6].

Экономическая культура населения изменяется в соответствии с реальными экономическими условиями. Для Республики Беларусь характерна социально ориентированная рыночная модель экономики, основными принципами которой являются опора на законность, наличие института частной собственности, содействие занятости населения, несение ответственности государством за регулирование экономических отношений и социальную защиту граждан, социальное партнерство между государством, работодателями и профсоюзами [3, с. 90]. В то же время осуществляется целенаправленное воздействие на экономическую культуру для приведения ее компонентов в соответствие с задачами общественного развития. Для определения этих задач следует обратиться к официальным документам, а именно к программе социально-экономического развития страны, в которой закреплены нормативные параметры экономической активности населения.

Согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 292 от 29 июля 2021 г. (далее – Программа), целью развития страны на указанный период объявлено «обеспечение стабильности в обществе и рост благосостояния граждан за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации человека»[1]. В документе определены приоритеты развития на пятилетку (счастливая семья, сильные регионы, интеллектуальная страна, государство-партнер)[2]. В контексте предмета настоящего исследования важно отметить, что в Программе заявлены следующие направления государственной политики:

1) содействие эффективной занятости, максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, использование гибких и инклюзивных форм занятости;

2) обеспечение роста благосостояния граждан, достойной оплаты эффективного труда, покупательской способности населения, стимулирование внутреннего потребления, рост сбережений населения;

3) создание благоприятных условий для развития частного сектора экономики;

4) укрепление диалога и взаимного доверия между обществом, бизнесом и государством;

5) повышение качества образования в соответствии с потребностями экономики, развитие актуальных профессиональных компетенций граждан, которое позволит им быть востребованными на рынке труда;

[1]Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292 (дата обращения: 12.11.2024).

[2]Там же.

6) стимулирование экономической активности семьи, семейного предпринимательства, вовлечения женщин в трудовую деятельность;

7) повышение финансовой грамотности населения, расширение пользования финансовыми инструментами;

8) обеспечение высоких гарантий социальной защиты населения.

Данные направления социально-экономического развития напрямую связаны с индивидуальными усилиями граждан и их отношением к установленным нормам. В связи с этим достижение поставленных задач в немалой степени зависит от экономической культуры жителей страны. Для осуществления компаративного анализа и характеристики актуального состояния экономической культуры населения по указанным направлениям обратимся к статистическим данным и результатам социологических исследований, полученным в период с 2018 г. по 2024 г. («Ценностный мир современного человека: проект “Исследование европейских ценностей”», «Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект», отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь»).

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ нормативных представлений и существующих особенностей экономической культуры проведен по ранее обозначенным направлениям государственной политики.

Содействие эффективной занятости, максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, использование гибких и инклюзивных форм занятости. Отношение населения к трудовой деятельности, конкуренции, различным формам собственности, социальной защите и иные представления и установки, касающиеся экономической сферы, отражены в результатах научного труда «Ценностный мир современного человека: проект “Исследование европейских ценностей”», реализованного Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Работа является гарантом достойного уровня жизни, самореализации человека и занимает высокую позицию в иерархии базовых ценностей жителей Республики Беларусь (второе место после семьи) [4, с. 12]. Более половины населения (54,6 %) согласны с утверждением, что деньги нужно зарабатывать, однако молодое поколение в меньшей степени придерживается такого мнения [4, с. 70]. В будущем представление молодежи о том, что деньги обязательно нужно зарабатывать, может негативно отразиться на вовлечении молодежи в трудовую деятельность. Распространение в данной возрастной группе ориентации на максимилизацию потребления, быстрое достижение успеха без приложения больших усилий завышенных ожиданий от жизни и государства подтверждаются различными исследованиями [5].

Почти две трети населения считают, что люди прежде всего должны сами заботиться о себе, а не ждать помощи от государства [4, с. 83]. Согласно выводам исследователей в массовом сознании доминируют ценности рыночной экономики [4, с. 84]. Доминирование ценностей рыночной экономики проявляется в трансляции значимых ценностей молодому поколению. Среди важных качеств, которые необходимо воспитывать в детях, белорусы отмечают трудолюбие и ответственность, каждый третий житель страны относит к ним бережливость и экономность, каждый пятый – бескорыстие [4, с. 174].

Большинство жителей страны считают профессиональную деятельность источником дохода, способом самореализации, продвижения своих инициатив, поддержания социальных связей. Хорошая работа – это гарантия стабильности, благополучия семьи, достойного уровня жизни. Активное использование гражданами гибких форм занятости способствует их адаптации к новым требованиям экономической среды, а трудоустройство лиц с ограниченными возможностями позволяет использовать их потенциал в народном хозяйстве.

Обеспечение роста благосостояния граждан, достойной оплаты эффективного труда, покупательской способности населения, стимулирование внутреннего потребления, рост сбережений населения. Важнейшей целью развития страны на ближайшие годы белорусы считают достижение высокого уровня экономического роста [4, с. 177], который должен привести к улучшению качества жизни граждан. Главной характеристикой работы для населения остается высокая заработная плата. По результатам исследований, увеличивается значимость удобного рабочего графика, возможности профессионального роста и проявления инициативы [4, с. 76]. По мнению большинства жителей страны (95,5 %), люди должны получать вознаграждение по заслугам [4, с. 188]. Многие граждане рассматривают получение государственных льгот, пособий, на которые люди не имеют права, взяток, уклонение от уплаты налогов как неправомерные действия [4, с. 79]. Каждый второй житель страны (57,1 %) отмечает необходимость наличия стимулов для приложения индивидуальных усилий, чуть меньше белорусов (48,3 %) отметили, что доходы должны быть равными [4, с. 82–83]. Социально-экономическая справедливость понимается как соответствие вознаграждения затраченным усилиям.

Что касается сбережения, то наиболее распространенной среди населения является стратегия остаточного сбережения, при которой сначала осуществляются потребительские траты, а оставшиеся денежные средства откладываются. Как показывают результаты исследования финансовой грамотности населения Республики Беларусь за 2024 г., данной стратегии придерживаются более 40 % жителей страны. Примерно каждый четвертый гражданин регулярно откладывает часть своего дохода, а остальную часть тратит, тогда как 28 % населения все свои средства тратят и ничего не откладывают[3]. В то же время большинство сберегательных стратегий имеют краткосрочный характер.

Создание благоприятных условий для развития частного сектора экономики. Как отмечают ученые, для экономического развития страны большое значение имеет не столько увеличение числа приватизированных предприятий, сколько создание конкурентной среды [6, с. 50]. Конкуренция является неизбежной составляющей рыночной экономики. Более 80 % жителей Республики Беларусь позитивно оценивают конкуренцию как явление, которое стимулирует внедрение инноваций и совершенствование технологий [4, с. 78].

За последние три десятилетия в Республике Беларусь сформирована необходимая институциональная среда для осуществления предпринимательской деятельности. Изменились и представления населения о предпринимателях, доверие людей к ним повысилось. В белорусском обществе сложилось позитивное отношение к институту частной собственности, а также к собственникам бизнеса. В 2018 г. почти 70 % участников республиканского проекта «Исследование европейских ценностей» согласились с утверждением о том, что доля частной собственности в бизнесе и промышленности должна быть существенно больше [4, с. 80]. Значительная часть жителей страны поддерживают предпринимаемые государством шаги по улучшению условий осуществления предпринимательской деятельности. В то же время ведение бизнеса связано с инициативой, риском и ответственностью. По результатам мониторинговых замеров, ответственная работа всегда остается на последнем месте в списке трудовых ценностей населения страны [4, с. 77].

Укрепление диалога и взаимного доверия между обществом, бизнесом и государством. Для успешной адаптации институциональной системы к происходящим изменениям необходимо обеспечить качественную обратную связь и своевременно реагировать на поступающие сигналы [6, с. 32]. В современном обществе информация выступает важнейшим ресурсом, обеспечивающим согласованное функционирование всех подсистем. Со стороны населения поступает запрос на эффективную мобильную коммуникацию между обществом и государством [5, с. 20].

Активную роль в диалоге бизнеса и государства должны играть бизнес-ассоциации. Однако белорусские предприниматели недостаточно широко используют ресурс бизнес-ассоциаций для защиты своих интересов в процессе взаимодействия с органами власти, что затрудняет развитие государственно-частного партнерства [7, с. 98]. Повышение уровня доверия к государственным институтам со стороны предпринимателей является важным условием стимулирования деловой активности и продуктивного сотрудничества бизнеса и государства.

Повышение качества образования в соответствии с потребностями экономики, развитие актуальных профессиональных компетенций граждан, которое позволит им быть востребованными на рынке труда. В Республике Беларусь реализуются программы переподготовки и обучения безработных по направлению комитетов или управлений по труду, занятости и социальной защите. Профессиональная подготовка осуществляется по востребованным на рынке труда специальностям в целях последующего трудоустройства. Планирующие открыть свое дело граждане могут пройти обучающие курсы по основам предпринимательской деятельности. Такие программы пользуются спросом, так как позволяют получить необходимые профессиональные знания и навыки, финансовую поддержку, устроиться на работу, а период обучения засчитывается в общий трудовой стаж.

Повышение качества образования, его практико-ориентированность являются одними из приоритетов государственной политики. Расширяются возможности для целевой подготовки специалистов и их подготовки за счет бюджетных средств по профилям обучения, которые наиболее востребованы в народном хозяйстве. В то же время наблюдается необходимость в повышении престижа рабочих профессий и развитии системы среднего специального образования.

Стимулирование экономической активности семьи, семейного предпринимательства, вовлечения женщин в трудовую деятельность. Современные женщины все меньше хотят ограничивать сферу своей деятельности исполнением семейных обязанностей, они рассматривают профессию не только как источник дохода, но и как способ самореализации. Вместе с тем, по данным «Исследования европейских ценностей», реализованного в 2018 г., сохраняется представление о негативном влиянии полной занятости женщины на семейную жизнь, которая остается в приоритете [4, с. 51].

[3]Отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/issledovanie_obschie_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

В целом и мужчины, и женщины разделяют мнение о равноправном вкладе в благополучие семьи [4, с. 53], что связано с высоким уровнем вовлечения женщин в трудовую деятельность. Так, в 2023 г. 50,3 % занятого населения являлись женщины; уровень занятости населения трудоспособного возраста составил 83,6 %, уровень занятости женщин трудоспособного возраста – 84,3 % [8, с. 58–59]. Имеет место и семейное предпринимательство. В целом белорусское общество одобряет профессиональную занятость женщин, о чем свидетельствует и увеличение спроса на участие женщин в трудовой деятельности.

Повышение финансовой грамотности населения, расширение пользования финансовыми инструментами. Важнейшим фактором экономической активности граждан и рационального хозяйствования выступает уровень финансовой грамотности. В стране реализуется целый комплекс мероприятий, направленных на формирование экономических знаний населения, при этом особое внимание уделяется работе с детьми и молодежью. С 2013 г. осуществляется социологический мониторинг финансовой грамотности населения по заказу Национального банка Республики Беларусь, реализуемый сотрудниками Института социологии НАН Беларуси. Проведенное в 2024 г. исследование финансовой грамотности населения (n = 1500) показывает, что для большинства белорусов характерны финансовая дисциплина, рациональное поведение, ориентация на долгосрочные цели[4]. Наблюдается постепенное повышение финансовой грамотности жителей страны, однако требуется продолжение планомерной работы в данном направлении[5]. Средний уровень владения финансовыми знаниями и компетенциями составляет 43,2 %[6]. Показатель использования различных финансовых продуктов и услуг среди белорусов остается довольно низким. Наиболее популярным финансовым продуктом выступает банковская карточка, самыми востребованными финансовыми услугами являются обмен и покупка валюты, денежные переводы, рассрочка, кредиты, депозиты. Рост востребованности финансовых инструментов ожидается среди молодежи и работающего населения[7].

Обеспечение высоких гарантий социальной защиты населения. Почти две трети населения Республики Беларусь считают, что работа – это долг каждого перед обществом [4, с. 71]. Граждане осознают значимость официальной трудовой занятости как важного источника государственных доходов, используемых в целях социальной поддержки. По сравнению с молодежью в старших возрастных группах наблюдается более четкое понимание объективных обязательств личности перед обществом.

Подавляющее большинство населения (96,5 %) считают, что всем членам общества должно быть гарантировано удовлетворение основных потребностей [4, с. 188]. Более половины участников республиканского опроса отметили важность поддержки малоимущих за счет налогов, взимаемых с более обеспеченных граждан, получения безработными государственного пособия, обеспечения государством равенства доходов [4, с. 179]. Сохраняется ценность традиционной материальной помощи членов семьи. Большинство респондентов (89,2 %) выразили согласие с утверждением, что взрослые дети должны заботиться о своих родителях [4, с. 174]. Понятие социально-экономического равенства главным образом связано с устранением большого разрыва в доходах граждан, за что выступают 74,4 % опрошенных [4, с. 188].

Вместе с тем ответственность за свое материальное благополучие 39,3 % белорусов возлагают в большей степени на себя. Треть жителей страны возлагают эту ответственность в равной степени на государство и на себя. Некоторые белорусы (8,5 %) имеют патерналистские установки, в последние годы данный показатель существенно снизился[8]. Данная тенденция свидетельствует об осознании гражданами значимости приложения индивидуальных усилий для обеспечения своего благосостояния.

Заключение

Сравнение нормативных представлений об экономической культуре жителей страны, закрепленных в Программе, с актуальным состоянием их экономического сознания, мышления, хозяйственного поведения позволяет сделать следующие выводы. Экономическое сознание населения Республики Беларусь остается противоречивым [4, с. 85–86]. Наряду с трудолюбием, бережливостью, инициативностью белорусам свойственны потребительские и патерналистские ориентации, желание добиться быстрого успеха, не прилагая больших усилий. Перечисленные черты характерны для культуры общества потребления, которая распространяется в результате глобализации.

[4]Отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/issledovanie_obschie_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).
[5]Там же.
[6]Там же.
[7]Там же.
[8]Там же.

В экономической культуре жителей Республики Беларусь преобладает позитивное отношение к конкуренции и предпринимательской деятельности. Возрастают потребности в эффективной коммуникации между обществом, бизнесом и государством, что является важным условием повышения взаимного доверия. В обществе сохраняется запрос на обеспечение социальных гарантий со стороны государства, поддержку уязвимых категорий населения. Социально-экономическая справедливость воспринимается как наличие стимулов для экономической активности и получение доходов в соответствии с затраченными усилиями.

Повышение финансовой грамотности сочетается с инертностью финансового поведения, что свидетельствует о том, что знания и установки населения еще не в полной мере реализуются на практике[9]. Отмечается заинтересованность со стороны населения в расширении познаний в области финансов, что должно в будущем дать положительный эффект. Проведенное исследование подтверждает необходимость разработки комплексного подхода к изучению экономической культуры различных социальных групп, что поможет определить направления совершенствования применяемых средств регулирования экономического поведения населения.

Библиографические ссылки

1. Соколова ГН. *Экономическая социология*. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 255 с.
2. Гаврилик ОН. Структурно-функциональный подход к анализу экономической культуры: теоретико-методологический аспект. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. 2024;14(2):74–82. EDN: HAGNGD.
3. Данильченко АВ, Данильченко ТВ. Основные направления социально-экономической модели развития Беларуси. В: Фонд имени Фридриха Эберта. *Социально-ориентированная модель экономического развития: опыт Германии и Беларуси. Материалы Международной научно-практической конференции; 18 мая 2011 г.; Минск, Беларусь.* Минск: И. П. Логвинов; 2011. с. 89–95.
4. Булынко ДМ, Ротмана ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018.* Минск: БГУ; 2019. 191 с.
5. Алейникова СМ, Богомаз ОВ, Надточаева НВ, Стариченок ВВ, Сухотский НН. *Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект.* Алейникова СМ, редактор; Самоукин ОО, переводчик. Минск: Друк-С; 2021. 56 с.
6. Лученок АИ. *Институты правят экономикой.* Минск: Беларуская навука; 2018. 279 с.
7. Смирнова РА, Смирнов ВЭ, Кузьменко ТВ, Балакирева ТС. *Развитие предпринимательства и факторы деловой активности в Беларуси (социологический анализ).* Минск: Беларуская навука; 2021. 210 с.
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. *Статистический ежегодник 2024.* Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2024. 317 с.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2025.
Received by editorial board 05.02.2025.

[9]Отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/issledovanie_obschie_2024.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

УДК 141

ТРАДИЦИИ КОНФУЦИАНСТВА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

ВАН СИНЬ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Изучается смыслоопределяющая роль конфуцианской традиции в китайской культуре и образовании. Обосновываются методологические принципы анализа конфуцианской традиции как важнейшего компонента китайской системы современного высшего образования. Эксплицируются основные понятия и ценности конфуцианской философии образования. Рассматриваются различные интерпретации роли и статуса конфуцианства в практической реализации стратегии модернизации китайского университетского образования. Подчеркивается мировоззренческий и аксиологический потенциал этой образовательной традиции. Анализируются социальные и образовательные проблемы внедрения конфуцианских практик в современное китайское общество, а также обсуждаются некоторые предложения по сохранению и усилению влияния конфуцианства в системе китайского университетского образования.

Ключевые слова: конфуцианство; китайское образование; высшее образование; философия образования; основные ценности и понятия конфуцианской философии образования.

TRADITIONS OF CONFUCIANISM IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF MODERN CHINA

WANG XIN[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The paper examines the meaning-defining role of the Confucian tradition in Chinese culture and education. It substantiates the methodological principles of analysing the Confucian tradition as an essential component of the Chinese system of modern higher education. The paper explicates the main concepts and values of the Confucian philosophy of education. It also explores various interpretations of the role and status of Confucianism in the practical implementation of the strategy for modernising Chinese university education. The paper emphasises the ideological and axiological potential of this educational tradition. The article analyses the social and educational challenges of incorporating Confucian practices into modern Chinese society and discusses some suggestions for preserving and strengthening the influence of Confucianism in the Chinese university education system.

Keywords: Confucianism; Chinese education; higher education; educational philosophy; core values and basic concepts of Confucian philosophy of education.

Образец цитирования:
Ван Синь. Традиции конфуцианства в системе высшего образования современного Китая. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:37–43 (на англ.).
EDN: LUYWXJ

For citation:
Wang Xin. Traditions of Confucianism in the higher education system of modern China. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:37–43.
EDN: LUYWXJ

Автор:
Ван Синь – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:
Wang Xin, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
846351598@qq.com
https://orcid.org/0009-0002-5938-7927

CC BY NC

Introduction

Since the founding of Confucianism by Confucius, Confucian culture has become an important part of Chinese national culture. Its educational ideas, moral ethics, and political philosophy have profoundly influenced China's historical processes, social development, and cultural inheritance. However, with the changes in modern society and the impact of Western culture, China's traditional education system is facing unprecedented challenges and transformations. In this context, the status and function of the Confucian tradition, as an important carrier of Chinese traditional culture, have undergone complex and profound changes.

Since modern times, China has experienced a transformation from a feudal society to a modern one, and the education system has evolved from the traditional imperial examination system to the modern school system. Although the Confucian tradition faces challenges and impacts from Western culture in this transition, its profound cultural heritage and broad social foundation still allow it to occupy an important position in the Chinese education system.

The modern Chinese education system, while absorbing Western scientific knowledge and educational ideas, has also sought to integrate Confucian tradition in an effort to achieve a synthesis of tradition and modernity. In this process, traditional Confucian educational concepts, morals, and ethics have been endowed with new connotations reflective of the times, becoming an important force in promoting the modernisation of Chinese education.

However, the evolution of the Confucian tradition within the modern Chinese education system has not been smooth. On one hand, with the strong influence of Western culture, some individuals have begun to question the value and significance of the Confucian tradition, viewing it as an obstacle to the modernisation of Chinese education. On the other hand, the Confucian tradition itself faces the challenge of adapting to the developments of modern society.

Therefore, an in-depth discussion of the performance, influence, and future development trends of the Confucian tradition in the modern Chinese education system will not only enhance our understanding of the historical process of China's educational modernisation but also aid in the inheritance and promotion of excellent traditional Chinese culture and the sustainable development of China's educational initiatives. This paper will conduct a thorough study of the status and function of the Confucian tradition in the modern Chinese education system, focusing on its historical background, performance, influence, and future development trends.

The generalise of traditional Confucian education

The role of Confucianism in Chinese culture. Confucian traditional education plays a significant role in Chinese culture, with far-reaching and lasting influence. Confucianism, which originated in the Spring and Autumn Period, was founded by Confucius. During this time, Confucius lectured in the State of Lu and laid the foundation of Confucianism with the five classics: «Poems», «Books», «Rites», «Changes», and «Spring and Autumn». Through the inheritance and development across various dynasties, a complete system of moral ethics and education was formed [1].

Confucianism emphasises moral cultivation, focusing on the development of virtues such as benevolence, righteousness, propriety, wisdom and trust. Xunzi once stated: «Ritual is the major part of law and the main principle of discipline. Without ritual, people cannot survive, things cannot be accomplished, and the country cannot be peaceful» [2, p. 11–12]. This suggests that when dealing with people and situations, one should respect the laws of nature and act reasonably and sensibly. Respecting the laws of nature involves studying objective truths and aligning actions accordingly. In education, Confucianism advocates promoting personal morality through inner cultivation and self-improvement. This focus on moral cultivation profoundly influenced the ethical norms of ancient Chinese society, establishing love, loyalty, respect, and other virtues as traditional values of the Chinese nation.

Confucian thought promotes the inheritance of education. It emphasises the importance of education as the key to achieving social progress and developing talent. Influenced by Confucianism, the education system in ancient China evolved continuously, forming a comprehensive structure that included private schools, government schools, and imperial school supervisors. In the fifth year of Emperor Wu of Han's Jianyuan reign (136 BC), the five classics doctorate was established, with Confucian classics such as «Poetry», «Books», «Rites», «Changes», and «Spring and Autumn» becoming the core content of education. The rites and music, or the six arts, represented basic skills that ancient Confucian scholars were expected to master. Confucianism also emphasises the importance of the mentor-mentee relationship, ensuring that Confucian culture is passed down through generations.

Confucianism has had a profound impact on shaping educational philosophies [3]. It holds that the purpose of education is to cultivate junzi – individuals of high moral character and extensive knowledge. In the educational process, Confucianism stresses the principles of teaching students according to their aptitude and step by step, focusing on individual differences and the personality development of students.

In summary, Confucianism plays a vital role in Chinese culture. In the realm of education, it not only guides moral cultivation and promotes the continuity of educational practices but also shapes a distinctive educational philosophy.

Understanding the integration of Confucian principles in modern higher education. The Confucian tradition in the modern Chinese education system, particularly the integration of Confucian thought in contemporary higher education, is a topic worthy of further discussion. This integration not only reflects the continuation and development of traditional Chinese culture in modern society but also underscores the important mission of education in cultural inheritance and innovation [4].

With the rapid development of society and the advancement of globalisation, the collision and integration of traditional culture and modern civilization have become inevitable trends. In this process, Confucianism, as a significant part of traditional Chinese culture, requires re-examination and evaluation of its value and significance. When Cai Yuanpei served as president of Peking University, one of his philosophies was that «the university should not only be committed to introducing Western civilization but also to creating a new Chinese culture; not only to preserving the national quintessence but also to reevaluating it with scientific methods» [5]. This illustrates Cai Yuanpei's emphasis on learning from and referencing global knowledge while conducting in-depth research and discussions on Confucianism. Studying the integration of Confucianism in modern higher education can help us better understand its applicability and limitations in modern society, allowing for a reassessment of its value and providing new ideas for the inheritance and development of traditional culture.

While pursuing knowledge dissemination and skill training, the modern education system increasingly prioritises the all-round development of students and the cultivation of humanistic qualities. The educational concepts of benevolence, honesty, propriety, and righteousness emphasised by Confucianism share much in common with those of modern education. By studying the integration of Confucianism in contemporary higher education, we can draw from its excellent educational ideas, thereby providing new educational perspectives and methods for modern higher education and further enriching and perfecting the education system.

The study of Confucianism encompasses philosophy, history, literature, education, and other disciplines. Investigating the integration of Confucianism in modern higher education necessitates in-depth research across multiple subjects. This approach can not only promote the development of interdisciplinary research but also enhance communication and integration between different fields, offering new perspectives and methodologies for academic inquiry [6].

In summary, studying the integration of Confucianism in modern higher education holds significant academic value and practical importance. This research can enhance our understanding and inheritance of traditional Chinese culture while providing new ideas and directions for the development of modern higher education. It also promotes the advancement of interdisciplinary research, offering strong support for the construction of a modern education system with Chinese characteristics [7].

Approaches to analysing the influence of Confucianism to the modern Chinese education system. When analysing the role of Confucian tradition in the modern Chinese education system, we need to adopt a series of methods. We will describe these methods.

1. Literature review and sorting. First of all, we need to review the literature on Confucianism and its historical development in the field of education. This includes reading and studying ancient Confucian classics, such as «Analects», «Mencius», and the «University», as well as academic literature on Confucianism and the education system from modern times [8]. Through literature review, we can understand the core values and educational concepts of Confucianism, as well as the changes and development of these concepts in the historical evolution.

2. Case study method. The case study method can help us concretely understand the practical application and influence of Confucianism in the modern Chinese education system [9]. We can choose representative educational institutions or educational practices as cases for in-depth research and analysis. For example, we can study the curriculum, teaching philosophy and campus culture of famous universities in modern times, and explore the embodiment and influence of Confucianism in them. Through the case study method, we can more intuitively understand the specific role of Confucianism in the modern Chinese education system.

3. Quantitative and qualitative research methods. When analysing the influence of Confucianism on modern Chinese education system, we can also use quantitative and qualitative research methods. Quantitative research can collect objective data on the influence degree and expression form of Confucianism in the education system through questionnaire survey and data analysis. Qualitative research can be conducted through in-depth interviews, observation records and other ways to deeply understand people's cognition, attitude and emotion towards Confucianism. Through the combination of quantitative and qualitative research methods, we can evaluate the influence of Confucianism in modern Chinese education system more comprehensively and accurately [10].

In a word, when analysing the role of Confucian tradition in modern Chinese education system, we need to comprehensively use a variety of methodologies, such as literature review and combing, historical analysis, case study, interdisciplinary research, quantitative and qualitative research, to comprehensively and deeply discuss the influence of Confucianism on the education system.

Theoretical and practical integration of Confucianism to the system of education

Core concepts and values of Confucian educational philosophy. The Confucian tradition in the modern Chinese education system, especially the integration of Confucian theory and practice, embodies a profound cultural heritage and educational wisdom. At its core, the Confucian educational concept not only shapes the unique educational philosophy of the Chinese nation but also provides valuable insights for the modern education system.

One of the central ideas of Confucian education is benevolence. Confucianism posits that the primary goal of education is to cultivate benevolence in individuals, enabling them to care for others, respect life, and contribute to society. This educational concept emphasises harmony and symbiosis among people, highlighting the unity between individuals and society.

Confucian education stresses both virtue and knowledge. According to Confucian thought, a person's virtue and knowledge complement each other. As stated in the work of «Analects»: «The Master obtained it by being gentle, kind, respectful, frugal, and modest. Is the Master's pursuit different from that of others?» [11, p. 4]. This reflects the five virtues of gentleness, kindness, respect, frugality, and modesty. Good virtue can guide individuals toward goodness, while deep learning can foster wisdom. Thus, Confucian education emphasises not only the impartation of knowledge but also the cultivation of students' moral character.

Additionally, Confucian education prioritises teaching students according to their aptitude, meaning that education should be tailored to the characteristics of each student's personality, interests, and abilities. This philosophy emphasises the individuality and differentiation of education, recognising that each student is unique and should be educated according to their specific traits.

Confucian education also underscores the importance of self-cultivation, believing that only through continuous learning and personal growth can one become a true gentleman. In the work «The Great Learning», Confucius states: «To cultivate the person is to cultivate one's virtue» [12, p. 22–23]. This emphasises the crucial role of self-cultivation and indicates that the key to this process is nurturing a benevolent heart. Throughout education, Confucianism focuses on developing students' abilities for self-cultivation, encouraging them to pursue noble moral qualities and a higher spiritual realm consciously.

In summary, the core ideas and values of Confucian education provide valuable inspiration for the modern Chinese education system [13, p. 174–176]. In contemporary society, we should inherit and promote the fine traditions of Confucian education, emphasising the cultivation of students' benevolence, moral character, and practical skills. This approach aims to develop more individuals with noble qualities and well-rounded capabilities for the construction of a harmonious society.

How Confucian principles are implemented in higher education classrooms. To implement Confucianism in higher education classrooms, it is necessary to combine its core ideas and values with modern teaching methods to achieve better results. We will describe the process of introducing Confucianism in higher education institutions:

1. Course design and teaching objectives. In course design, select key texts from Confucian classics, such as «Analects» and «The Great Learning», to be integrated into the course outline. This allows students to engage directly with the original texts of Confucianism during their learning process.

Teaching objectives should reflect the core ideas of Confucianism, including the cultivation of students' benevolence, moral integrity, and social responsibility [14]. Confucianism should be implemented into relevant professional courses. For example, in philosophy, literature, history, sociology, and other majors, students can explore the embodiment and influence of Confucianism in their respective fields through case studies and thematic discussions. Additionally, focus on the overall development of students, encompassing knowledge, skills, emotional attitudes, and values.

2. Teaching methods and means. Use lectures to introduce students to the basic content and historical background of Confucianism. Combine this with real-life cases to guide students in in-depth discussions. During discussions, encourage students to express their views and promote the exchange of ideas.

Incorporate role-playing or simulation activities related to Confucianism, allowing students to experience its concepts firsthand. For example, simulate ancient etiquette scenes so that students can participate in and appreciate the solemnity and norms of Confucian rituals.

Select typical cases related to Confucianism, such as historical celebrity stories or contemporary societal issues, for students to analyse and discuss. Establish practical courses or activities focused on Confucianism, such as Confucian cultural experiences, readings of Confucian classics, and ethical debates. These activities allow students to experience the richness of Confucian culture and deepen their understanding and appreciation of its principles.

Encourage students to conduct course theses or project research to explore themes within Confucianism in-depth. By writing papers or research reports, students can develop their research skills and critical thinking while enhancing their understanding and application of Confucian concepts.

3. Evaluation and feedback. Implement various evaluation techniques, including assessments of classroom performance, discussion participation, homework quality, and course papers. A comprehensive evaluation approach effectively reflects students' learning progress and ability levels.

Provide timely feedback to students, highlighting their strengths and areas for improvement in learning and discussions. Offer specific suggestions and guidance to help them progress. Additionally, encourage students to evaluate and communicate with one another to promote collective growth.

In summary, the implementation of Confucianism in higher education institution requires a comprehensive consideration of curriculum design, teaching methods, and evaluation practices. Through thoughtful arrangement and effective execution, students can gain a deep understanding of the core concepts and values of Confucianism during the learning process, applying them to practical life and future work [15].

Examples of the Confucian traditions in modern higher education settings. We will consider the following two cases:

1) modern Confucian business education. With the rapid development of commercial activities, combining Confucianism with business practice and cultivating well-rounded individuals with both traditional cultural heritage and business skills has become an important topic in modern education. It is in response to this demand that modern Confucian business education has developed.

The curriculum not only covers fundamental courses such as business management and marketing but also includes courses on Confucianism and traditional culture. This implementation allows students to gain an in-depth understanding of Confucianism while learning essential business knowledge.

Through case analysis, business simulations, and enterprise internships, students can experience the application of Confucian principles in business activities. For example, the principle of «integrity» in Confucianism is applied in business relations. E-commerce company *Shennan Juxin* exemplifies this by clearly marking product information, including materials, sizes, production dates, and shelf lives, to avoid exaggeration or misleading consumers. Additionally, the company has established a strict return and exchange policy, publicly promising «seven days without reason to return or exchange» on its website. In practice, as long as customers meet the regulations, the company responds promptly to ensure compliance with its commitments. This honest business model has garnered widespread praise from consumers and enhanced the brand's image. The welfare of employees is also attended to with a focus on benevolence.

The programme employs instructors with rich business experience and a profound understanding of Confucian culture to ensure the quality and effectiveness of teaching. Modern Confucian business education not only improves students' business skills and competitiveness but also enhances their cultural self-confidence and national identity. Many graduates have achieved remarkable success in the business world, becoming outstanding entrepreneurs who embody both traditional cultural values and a modern business spirit;

2) Quzhou University and the Southern Confucius thought and culture festival. Quzhou University regularly holds the Southern Confucius thought and culture festival, which features rich and diverse cultural activities for college students. The cultural festival is integrated with ideological and political courses for students, including a welcome party each term. This event combines performances by teachers and students, including dance, recitation, preaching, chorus, instrumental music, and fashion shows, effectively implementing southern Confucius culture into the practice of ideological education.

During the party, students at Quzhou University wrote a poem «Ode to the southern migration of Confucius' great clan», which recounts the historical story of Confucius' 48th-generation grandson, Kong Duanyou, who migrated south and settled in Quzhou. Additionally, 20 students recited chapters from «Analects», expressing the mission of young people to learn from the wisdom of the sages. Students from the school radio station recited «Entering the southern clan ancestral temple of Confucius» with deep emotion, illustrating the historical legacy of the descendants of the southern clan of Confucius in Quzhou.

Students also performed the dance «Quiet Orchid» and the song-and-dance routine «There are etiquette all over the world», showcasing the noble character of the sages who maintained cultural continuity while having a global perspective. This performance resonated deeply with both teachers and students present. Representatives from Chinese and foreign student groups showcased various traditional and modern clothing, allowing attendees to experience the unique charm of the fusion of ancient and modern cultures.

Following the welcome party, Quzhou University organised a series of activities, including the Nan Kong culture lecture hall, debate about «Analects», Quzhou University etiquette practice, and teacher ethics theme education. These initiatives further enrich the connotation of the school's Nan Kong culture brand. Such activities not only allow teachers and students at Quzhou University to experience the allure of Confucian culture more intuitively but also promote the inheritance and innovation of Confucius' thoughts and culture in the south, making respecting benevolence and respecting etiquette a common value pursued by both teachers and students.

The challenges, impact, and the future of Confucian education

Social and educational challenges in integrating Confucian practices. Modern society is pluralistic, where different cultures, values, and ways of life intertwine. As an essential part of traditional Chinese culture, maintaining the uniqueness and influence of Confucianism in such a diverse society presents significant challenges. Additionally, effectively spreading and promoting Confucianism while respecting other cultures is a critical issue that requires thoughtful consideration.

The modern education system often focuses on knowledge transfer and examination results, frequently overlooking the importance of moral education. Confucian education emphasises equal importance on moral and intellectual development, yet integrating Confucian moral education into the school curriculum and teaching practices remains an urgent issue. Moreover, ensuring quality education while reducing costs and improving efficiency is another challenge we face in this integration [16].

The rapidly changing social environment increases competitive pressure, and teenagers encounter various challenges during their development. Thus, implementing Confucian education to cultivate students' moral qualities and social responsibilities in this context is essential. Furthermore, guiding students to understand and apply Confucian principles amid the influences of modern technology and media presents additional challenges.

The impact of Confucianism on student outcomes in universities. In recent years, with a renewed appreciation for traditional culture, Confucianism has gained attention in higher education. The core values of Confucianism – such as benevolence, integrity, and moderation, – positively influence the academic performance of college students.

Confucianism emphasises harmony and symbiosis among people, advocating for benevolence [17]. This mindset helps college students develop a positive attitude towards life and foster good interpersonal relationships, enabling them to face academic pressures and challenges with confidence, ultimately enhancing their performance.

Confucianism asserts that «people cannot stand without trust», highlighting the importance of integrity. College students who adhere to principles of good faith in their studies and lives earn the trust and respect of others, fostering a positive academic atmosphere and interpersonal relationships. This integrity helps students maintain a rigorous approach to academic research, improving both their academic standards and performance.

The doctrine of the mean in Confucianism emphasises balance and reconciliation, advising against excessive or biased behaviour in the pursuit of academic success. College students are encouraged to follow the golden mean in their studies, maintaining a calm mindset and steady pace to avoid issues stemming from a blind pursuit of high grades or excessive anxiety.

To verify the influence of Confucianism on college students' academic performance, this paper employs questionnaire surveys and data analysis.

The study examines the positive impact of Confucianism on university students' academic performance. Questionnaire surveys revealed that recognition of Confucian values (such as benevolence, integrity, and the Doctrine of the Mean) is positively correlated with academic achievement. Further analysis indicated that students who actively practice Confucianism in daily life demonstrate better academic performance. The conclusion emphasises the importance of strengthening Confucian education in higher education. In conclusion, Confucianism positively influences college students' academic performance, underscoring the importance of strengthening the education and inheritance of Confucian principles within higher education.

Strategies for sustaining and enhancing Confucian influence in higher education. To maintain and enhance the influence of Confucianism in higher education, the following strategies can be adopted:

1) strengthening Confucian culture courses. Colleges and universities should offer more courses on Confucian culture, including the interpretation of classics, ideological research, and cultural inheritance. This will allow students to gain a deeper understanding of the connotations and values of Confucian culture. Additionally, integrating Confucian culture with other disciplines, such as philosophy, literature, and history, can broaden students' learning horizons;

2) creating a Confucian cultural atmosphere. Institutions can foster a strong Confucian cultural atmosphere by organising cultural activities, constructing cultural landscapes, and conducting lectures. For instance, hosting Confucian culture week or cultural month, with activities like reading Confucian classics, calligraphy competitions, and tea art performances, enables students to experience the charm of Confucian culture firsthand;

3) strengthening teacher training. Colleges and universities should focus on training teachers with a deep understanding of Confucian culture. This can be achieved by offering relevant courses, organising training sessions, and inviting experts to give lectures. Additionally, teachers should be encouraged to integrate Confucian culture into their classroom instruction, subtly influencing students;

4) conducting Confucian cultural practice activities. Institutions can organise students to participate in Confucian cultural practice activities, such as volunteer services and social practices, allowing them to apply Confucian principles in real-life contexts. Through personal engagement, students can better understand the

connotations and values of Confucian culture, internalising them into their behaviour;

5) strengthening international exchanges and cooperation. In the context of globalisation, universities should enhance international exchanges and cooperation to promote Confucian culture. Collaborative studies with foreign scholars and institutions, through international academic conferences and cooperative projects, can facilitate the global dissemination and exchange of Confucian principles.

In summary, maintaining and enhancing the influence of Confucianism in higher education requires concerted efforts. By implementing strategies such as strengthening Confucian culture courses, creating a supportive cultural atmosphere, enhancing teacher training, conducting practical activities, and promoting international cooperation, we can better inherit and promote Confucian culture, contributing to the development of college students with high moral character and academic excellence in the new era.

Conclusions

The Confucian tradition still maintains its influence in the modern Chinese education system, after thousands of years of development and evolution. Through an in-depth study and exploration of Confucian traditional education, we can clearly recognise the core position of Confucianism in Chinese culture and the necessity and importance of implementing Confucian principles into modern higher education.

The profound Confucian tradition in the modern Chinese education system continues to hold significant value and enduring relevance. We should therefore fully explore and strategically utilise the essence of Confucianism, systematically implementing it within contemporary higher education to collectively make greater contributions to cultivating talents with a global vision and a strong sense of national identity in the new era.

References

1. Tang Yao, Cheng Yang , Zhou Yajun. Confucian sports thought: combining sports with education. *World Journal of Educational Research.* 2023;2(3):185–186. Chinese.

2. Xu Dantong. Reflections on etiquette education in secondary vocational schools. *China Out-of-school Education.* 2009;5:11–12. Chinese.

3. Kang Jian, Zhang Yajun. Confucianism and the education of young people's outlook on life. *SHS Web of Conferences*. 2021;2(1):17–19. Chinese.

4. Ji Jianhua, Zhang Wei. Experts suggest that Confucianism be incorporated into the national education system. *Yunnan Education (Vision Comprehensive Edition).* 2012;1(2):154–165. Chinese.

5. Xiang Xianming. Cai Yuanpei's thoughts on higher education management and its inspiration. *Higher Education Research.* 2001;22(2):4–6. Chinese.

6. Lu Youzhi. *In the study of Confucian political education theory* [dissertation]. Jilin: Northeast Normal University; 2016. 132 p. Chinese.

7. Xing Lifan. *Research on Confucianism and its effectiveness* [dissertation]. Tianjin: Nankai University. 2014. 218 p. Chinese.

8. Wang Canglong, Billioud S. Reinventing Confucian education in contemporary China: new ethnographic explorations. *China Perspectives.* 2022;2:3–6. DOI: 10.4000/chinaperspectives.13630.

9. Qu Xiao. Confucianism and human rights – exploring the philosophical base for inclusive education for children with disabilities in China. *Disability & Society.* 2022;39(2):143–146. Chinese. DOI: 10.1080/09687599.2022.2143324.

10. Cheng Chen. Analysis of the influence path of Confucianism in the civic education of contemporary college students in the context of big data. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences.* 2024;9(1):88–96.

11. Peng Jieming. Wen Liang, Gong Jing and Rang. *Children's Chinese studies.* 2019;3(19):4. Chinese.

12. Xiong Qingcheng. *On the symbiotic orientation of pre-qin Confucian aesthetic education thought* [dissertation]. Guilin: Guangxi Normal University; 2025. 79 p. Chinese.

13. Tang Guojun. «Self-cultivation» and «education»: the theory of Confucian ideological and political education system – one of the theoretical models of Confucian traditional ideological and political education. *Social Sciences of Guangxi.* 2007;2(5):174–178. Chinese.

14. Zhu Na. *Mencius's moral education thought and contemporary value* [dissertation]. Taiyuan: Taiyuan University of Science and Technology; 2024. 164 p. Chinese.

15. Kuznetsova EV. Sources of Chinese mentality. *Bulletin of Kemerovo State University.* 2014;1(1):187–190. Russian.

16. Yang Meiyu. *A study on education in the middle Jin Dynasty under the Confucian thought* [dissertation]. Tongliao: Mongolian University for Nationalities; 2022. 155 p. Chinese.

17. Fan Ruijing. *Research on Confucian benevolence and its contemporary value*. Lanzhou: Lanzhou University; 2017. 51 p. Chinese.

Received by editorial board 07.01.2025.

УДК 378.6:796

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

ЦЗИМАО ГО[1)]

[1)]*Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Выявлены и проанализированы мировоззренческие и социальные основания интернационализации высшего спортивного образования в Китае, что является фундаментом для построения современной модели китайского спортивного образования. В контексте специфики восприятия физкультуры и спорта в национальной традиции исследованы социально-философские идеи и установки традиционной китайской философии, ценностные предпочтения современного китайского общества, акцентирована важность продвижения национальных видов спорта как значимого элемента высшего спортивного образования и физической культуры в целом. На основании изучения теоретических источников и практической работы проанализирована стратегия повышения репутации национального китайского спорта и высшего спортивного образования на международной арене. Рассмотрена роль массовизации физкультуры и спорта как социального основания интернационализации высшего спортивного образования в Китае.

Ключевые слова: интернационализация; высшее спортивное образование; физкультура и спорт; китайская философская традиция; массовизация спорта.

PHILOSOPHICAL AND SOCIAL FOUNDATIONS OF THE INTERNATIONALISATION OF HIGHER SPORTS EDUCATION IN CHINA

JIMAO GUO[a]

[a]*Institute of Philosophy, National Academy of Science of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. The article identifies and analyses the ideological and social foundations of the internationalisation of higher sports education in China, which is the basis for building a modern model of Chinese sports education. In the context of the specifics of the perception of physical education and sports in the national tradition, the article explores the socio-philosophical ideas and attitudes of traditional Chinese philosophy, value preferences of modern Chinese society, emphasises the importance of promoting national sports as an significant element of higher sports education and physical education in general. Based on the study of theoretical sources and practical work the strategy for enhancing the reputation of national Chinese sports and higher sports education in the international arena is analysed. The role of the massification of physical education and sports as a social basis for the internationalisation of higher sports education in China is considered.

Keywords: internationalisation; higher sports education; physical education and sports; Chinese philosophical tradition; massification of sports.

Образец цитирования:
Цзимао Го. Мировоззренческие и социальные основания интернационализации высшего спортивного образования в Китае. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:44–50.
EDN: PLGCUR

For citation:
Jimao Guo. Philosophical and social foundations of the internationalisation of higher sports education in China. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:44–50. Russian.
EDN: PLGCUR

Автор:
Цзимао Го – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества. Научный руководитель – кандидат философских наук Д. А. Смоляков.

Author:
Jimao Guo, postgraduate student at the Institute of globalisation, regionalisation and sociocultural cooperation research department.
940259062@qq.com
https://orcid.org/0000-0001-8130-9509

Введение

В XXI в. человечество оказалось перед лицом целого комплекса новых вызовов, среди которых особое место занимают глобальные проблемы, включая такие актуальные опасности, как пандемии, вооруженные конфликты, неконтролируемое распространение технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта. Ответом на обозначенные вызовы в современном мире является тенденция усиления национальной идентичности, которая выражается в пересмотре приоритетов внутренней и внешней политики государств и ведет к существенным трансформациям общественного сознания, переосмыслению форм взаимодействия в различных сферах социальной жизни.

Процесс глобализации, широко обсуждавшийся в XX – начале XXI в. и характеризующийся прежде всего усилением взаимосвязи между странами и культурами, имел тенденцию к универсализации общественного бытия, т. е. стандартизации национального разнообразия. Вместе с тем в последнее десятилетие данная тенденция переосмысливается и все большую популярность набирает концепт интернационализации, который отражает стремление государства гармонично интегрировать международный опыт и инновации на национальном уровне, сохраняя при этом культурную уникальность локального. В отличие от глобализации, интернационализация не исходит из принципа стандартизации культуры в рамках одной выбранной модели, а опирается на идеи взаимного уважения, диалога и культурного самосовершенствования. Белорусский философ Д. А. Смоляков характеризует интернационализацию как «равнонаправленный процесс в пространстве дихотомии интеграция – качество», подчеркивая важность гуманитарного осмысления данного явления, в рамках которого международная интеграция обеспечивает новое качество локальной культуры, а не замену ее на иностранный образец [1, с. 82].

Процессы интернационализации явно проявляются в китайском обществе, охватывая все основные сферы его жизни. В Китае сохраняется приоритет национальных ценностей и мировоззренческих установок, наблюдается тенденция к интеграции передовых международных практик, их синергетическому взаимодействию с национальными социокультурными традициями и потребностями. Одной из наиболее ярких сфер проявления интернационализации в стране является спорт, изначально сочетающий в себе элементы национального и международного, индивидуального и коллективного. С одной стороны, спорт укрепляет национальные ценности, связанные со здоровым образом жизни, сбалансированным физическим и духовным развитием, что соответствует положениям целостной концепции развития физической культуры и укрепления здоровья нации. С другой стороны, в основе спорта лежит принцип состязательности, побуждающий активно перенимать наиболее эффективные методы достижения победы в соревнованиях и подходы к нему. Обозначенные тенденции требуют тщательного анализа в контексте высшего спортивного образования (ВСО) как с точки зрения учета особенностей профессионального развития ВСО, так и с точки зрения эволюции социального бытия в целом, в рамках которой возникает потребность в экспликации значения физкультуры и спорта для повседневной жизни современного человека. Цель настоящей статьи – раскрыть сущность и социально-философские основания интернационализации высшего спортивного образования в Китае, что послужит базой для формирования современной модели китайского ВСО.

Материалы и методы исследования

Анализируя феномен интернационализации ВСО в Китае, прежде всего автор настоящей статьи обращается к изучению историко-философской традиции китайской культуры для экспликации базовых ценностей и методологических оснований развития физической культуры и спорта, а также их анализа и оценки влияния на современные мировоззренческие установки китайского общества. Значимым становится не только углубленный ретроспективный анализ источников, но и использование компаративного метода, позволяющего сопоставить современные практики спортивного образования в разных странах, соотнести традиционные китайские и международные приоритеты в развитии физической культуры, подчеркнуть важность международного взаимодействия в сфере спорта и спортивного образования. Автором данной работы изучены и апробированы на практике тактики развития современного спортивного образования в странах Европы, Америки, Азии, в частности в Китае и Беларуси, что позволяет, во-первых, выявить и осмыслить лучшие мировые тенденции интернационализации спортивного образования для их применения в реалиях китайского спорта, и, во-вторых, определить мировоззренческо-методологические основы для построения практикоориентированной модели интернационализации ВСО в Китае.

Результаты и их обсуждение

Интернационализация ВСО в Китае началась в конце XIX в., когда традиционные подходы к спорту и его организации проникли и эффективно закрепились на китайской почве, сформировав «прозападную» модель модернизации национальной физической культуры и спортивного образования [2].

На протяжении XX в. этнокультурное использование многообразных игр и практик в рамках физической культуры ускоренно редуцировалось к универсальному восприятию спортивной модели как институционализированного соревнования (Олимпийские игры, универсиады, всемирные игры, чемпионаты мира, континента, страны, города и др.) [3]. Такая ускоренная универсализация глобального контекста спорта привела к появлению в Китае специализированных учреждений ВСО, которые, несмотря на разнообразие языковых и национальных контекстов, работали, ориентируясь исключительно на универсальные общемировые стандарты и программы.

В XXI в. такая модель организации ВСО подвергается системной философско-критической рефлексии [2; 4; 5]. В этот период в китайской спортивной культуре инициировались процессы локализации, которые, с одной стороны, обусловливают критику глобализации ВСО, а с другой стороны, усиливают академический интерес к концепту интернационализации. Естественным решением стало изучение национальной традиции физической культуры и спорта, процесса ее адаптации к идеям массовизации спорта с акцентом на тех оздоровительных практиках, которые могли бы распространяться не только среди профессиональных спортсменов, но и среди всего населения страны в целом. Таким образом, в системе ВСО Китая был заложен вектор связи спортивного образования с национальной традицией и ценностями, а также нацеленности ВСО на продвижение идей развития массовой физической культуры и спорта.

На выстраивание Международных моделей развития спорта высших достижений и ВСО, как правило, влияют следующие факторы: 1) стабильность финансирования отрасли; 2) развитие спортивной инфраструктуры; 3) стратегическое управление и координация образовательных и спортивных учреждений; 4) повышение уровня подготовки спортсменов и всесторонняя их поддержка; 5) интенсификация спортивных соревнований; 6) вовлечение широких слоев населения в занятия физической культурой в целях выявления талантливой молодежи; 7) организация научных исследований и внедрение инноваций [5; 6]. Вместе с тем предложенное видение, несмотря на его концептуальную основательность, не учитывает ряда важных факторов, релевантных для локального контекста национальных государств, в том числе для Китая. Во-первых, в основе таких моделей лежит соревновательный принцип, соответственно, в их рамках целью развития спортивной инфраструктуры, массового спорта и ВСО по-прежнему является победа на международных соревнованиях. Следовательно, исключительно соревновательный акцент редуцирует духовный потенциал национального спорта и спортивного образования до уровня состязательности. Во-вторых, репутация и стратегические цели национального спорта и спортивного образования по-прежнему зависят от достижений на международных аренах, в то время как национальная историческая традиция развития физкультуры и спорта совершенно не берется в расчет. В-третьих, глобальное спортивное гражданство понимается как концепт универсализации, иными словами, спортсмены воспринимают себя как участников международных соревнований, а не как представителей уникальной национальной культуры. В-четвертых, упускается философская составляющая идеи массовизации физической культуры и спорта, которая вне парадигмы соревнований как раз и обеспечивает подлинный интерес к развитию спорта и ВСО в обществе.

Для любой национальной культуры философское и духовное наследие являются важнейшей основой социальной стабильности и условием дальнейшего национального прогресса. Для Китая как страны с тысячелетними традициями философское наследие представляется не только одним из столпов идентичности, но и национальным достоянием, элементом широкого социокультурного концепта китайской цивилизации, построенной на принципе гармонии. Поэтому, рассматривая основы развития ВСО в Китае, следует избегать акцента только на количественных индикаторах, таких как международный рейтинг или число полученных медалей, необходимо обратится к ценностно-мировоззренческим основаниям китайской философии.

Ценностно-мировоззренческие установки китайского менталитета как основа интернационализации ВСО. Прежде чем обратиться к практикам интернационализации ВСО в Китае, необходимо осмыслить ценностно-мировоззренческие установки национального менталитета, основы которых заложены в китайской социально-философской традиции. В национальной философии Китая мысли осмысляются фундаментальные принципы и нормативные установки, определяющие не только специфику социального действия в обществе, но и особенности моделей его развития, включая модели развития спортивной и образовательной сфер общественной жизни.

В классической китайской философии, в первую очередь в конфуцианстве, предлагается системная антропо- и социоцентричная картина мира, в которой идеи гармонии, иерархии, самосовершенствования и коллективной ответственности выступают в качестве основ социальной этики. Принцип «совершенствуй себя, управляй семьей, государством и миром» [7], лежащий в основе конфуцианской этики, находит свое продолжение в спортивной культуре через такие ценности, как самодисциплина, уважение к наставнику, культ внутреннего роста и командной работы. В современной стратегической концепции сообщества единой судьбы человечества идеи конфуцианской гармонии приобретают значение

философско-политической основы международного взаимодействия, с их помощью совершенствуются современные подходы международной дипломатии и преобразуются задачи интернационализации образования.

Социально-философская парадигма даосизма, представленная прежде всего в учении Лао-цзы, также оказывает существенное влияние на формирование мировоззренческих установок китайского социума. Концепты естественности (цзыжань) и недеяния (у-вэй) становятся метафизической основой отношения человека к миру и самому себе [7]. В спортивной культуре идеи даосизма стали основой феномена традиционных китайских боевых искусств, ориентированных на духовные приоритеты внутренней энергии, ментального равновесия, мягкой силы и универсальной адаптивности. В рамках даосского мировоззрения не только формируется образ спортсмена как культурного посредника между Западом и Востоком, но и предопределяется характер реформ в системе ВСО, где сопрягаются западные технологичные подходы и китайская философия телесности. Сохранение и развитие ушу, других традиционных видов спорта в рамках современных образовательных программ способствуют не только укреплению китайской культурной идентичности, но и гармонизации личности спортсмена, формированию уникальной интегративной модели китайского спортивного образования.

Не менее значимым компонентом для формирования менталитета китайского общества остается легизм – социально-философская школа, ориентированная на строгость нормативного регулирования эффективных социальных практик [7]. Принципы легизма проявляются в приоритетах централизованного управления государством, строгой стандартизации и жесткой институциональной дисциплине спортивных практик, а также в образовании, ориентированном на внутреннюю трансформацию, обеспечение эффективности и устойчивости.

Значимое влияние идей конфуцианства, даосизма и легизма на современное китайское общество остается краеугольным камнем национальной идентичности, в частности в контексте отношения к ценностям спорта и спортивного образования. Так, согласно национальному опросу, проведенному в 2022 г., более 68 % респондентов связывают свое увлечение спортом с традиционными добродетелями, такими как дисциплина (礼, ли) и гармония (和, хэ). Главное управление спорта Китая в своих резолюциях также отмечает, что коллективные тренировки в университетах непосредственно отражают легистские принципы общественного порядка, а даосские концепции естественного движения (自然, цзыжань) лежат в основе популярных практик тайцзи, которым ежедневно занимаются около 120 млн граждан. В целом рассмотренные ценностно-мировоззренческие основания китайской культуры, заложенные в идеях традиционной философии, формируют идеологический базис Национальной программы физической культуры на 2021–2025 гг.

Понимание ценностно-мировоззренческих оснований китайской культуры позволяет также объяснить феномен социальной инерции, проявляющейся в китайском обществе и выражающейся в сопротивлении западным стратегиям модернизации, в том числе в области спортивного образования. Можно выделить следующие социально-психологические барьеры западно ориентированной модернизации ВСО в Китае:

1) консерватизм образовательных моделей, преодоление которого требует значительных временных и ресурсных затрат для внедрения более гибких западных подходов;

2) осторожное отношение к культурной экспансии, формирующее установки на сохранение национально-культурной уникальности как главного приоритета модернизации;

3) преобладание коллективистских установок, препятствующих индивидуализму как приоритету западных спортивных практик и затрудняющих внедрение персонализированных стратегий подготовки спортсменов.

Анализируя вышеназванные барьеры построения западноориентированного ВСО в Китае, можно обратиться к опыту интернационализации спортивного образования в странах Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии, где также доминируют коллективистские ценности. Такие социокультурные установки коррелируют с ценностными приоритетами китайского общества, они полезны для разработки национальных моделей ВСО. Важно отметить, что преодоление обозначенных барьеров не может быть обеспечено исключительно административными средствами или институциональными инновациями, оно требует переосмысления классических идей китайской социально-философской мысли для экспликации социально-философских и методологических основ интернационализации ВСО в Китае. Соответственно, построение практико-ориентированной модели интернационализации ВСО должно методологически опираться на стратегию модернизации китайского спорта и спортивного образования, оно должно осуществляться с учетом реализации национальных ценностно-мировоззренческих приоритетов и установок.

Таким образом, любые концепции и стратегии интернационализации ВСО должны разрабатываться исходя из приоритетов национального социального развития, служить усилению, а не ослаблению национальной устойчивости. Только при объединении философской рефлексии над ценностными основаниями национальной философии и культуры

и практической реализации современных тенденций развития физкультуры и спорта возможно формирование устойчивой органичной модели интернационализации ВСО в Китае.

Улучшение международной репутации китайского образования и спорта как основание и фактор интернационализации. В контексте осмысления социальных и мировоззренческих оснований интернационализации ВСО в Китае важным методологическим ориентиром выступают идеи китайского философа и педагога Вэй Вэя. В своей работе, посвященной стратегическим основаниям интернационализации ВСО в Китае [8], он подчеркивает значимость формирования международного имиджа китайского спорта, расширения его глобального присутствия и усиления символической узнаваемости китайских спортсменов в мировом пространстве. Вэй Вэй выделяет следующие первоочередные направления, реализация которых способна задать стратегический вектор развития интернационализации в сфере спорта и спортивного образования:

1) расширение международного влияния крупных китайских спортивных событий и профессиональных лиг, повышение привлекательности китайских спортивных мероприятий для глобального сообщества;

2) укрепление позиций китайских спортивных медиа на международной арене, а также стимулирование развития гуманитарных исследований, посвященных китайскому спорту;

3) повышение культурной притягательности китайской спортивной традиции за счет продвижения национальных видов спорта (например, преподавание ушу в институтах Конфуция, организация фестивалей ушу и мастер-классов по этому виду спорта в Европе, включение изучения китайской спортивной культуры в программы международных культурных центров и др.);

4) формирование позитивного и дружественного имиджа китайского спорта посредством современных коммуникативных стратегий;

5) усиление убедительности китайского спортивного дискурса через активное участие в работе международных спортивных организаций;

6) актуализация скрытых потенциалов китайского спорта, в частности, за счет использования инструментов мягкой силы и спортивной дипломатии;

7) развитие символического капитала китайского спорта через конструирование образов и визуальной символики, отражающих спортивные достижения Китая [8].

Реализация предложенной Вэй Вэем стратегии, наряду с опорой на традиционные ценностно-мировоззренческие установки китайского общества, требует глубокого анализа зарубежного опыта интернационализации ВСО и продвижения национальных спортивных моделей. В современном мире феномен культурной дифференциации в сфере спортивного образования, основанный на национальных ментальных и социокультурных различиях, является универсальным, он распространен практически во всех регионах мира.

Даже в странах с близкими культурными традициями (например, государства Западной Европы) можно наблюдать существенные расхождения в понимании природы спорта, философии телесности и сущности спортивных образовательных стратегий. Так, бельгийские и нидерландские исследователи И. ван Хилвуде, Я. Ворстенбош и И. Девиш [9] обращают внимание на специфику осмысления спорта в бельгийско-нидерландской культурной традиции, противопоставляя ее англосаксонским моделям. В свою очередь, норвежский философ спорта Г. Бревик указывает на скандинавскую традицию, в которой спорт интерпретируется не только как физическая практика, но и как форма этической рефлексии, самопознания и социальной философии [10]. Американский исследователь К. Когисо [11] анализирует распространение в Калифорнии традиционного мексиканского спорта как инструмента культурной политики и средства сохранения этнокультурной идентичности в условиях глобального мультикультурализма. Эти исследования подтверждают, что интернационализация спорта и спортивного образования не означает устранения традиций и социокультурных различий, а напротив, предполагает активное включение национальных элементов в глобальное культурное пространство.

Изучение международных стратегий продвижения национальных видов спорта демонстрирует, что стратегия глобальной узнаваемости традиций, о которой пишет Вэй Вэй [8], является ключевым условием успешной и устойчивой интернационализации ВСО. Несмотря на объективные процессы унификации и стандартизации, происходящие в сфере образования, сохранение и продвижение национальной специфики спорта остается необходимым условием для поддержания мирового культурного баланса и цивилизационного диалога.

Сегодня спорт (и, соответственно, ВСО) приобретает статус не только инструмента физического воспитания, но и роль культурного медиатора («посланника мира»). Сохраняя и отражая культурную идентичность, он становится средством коммуникации народов [12–15]. Укрепление и распространение национальных традиций в сфере физической культуры, спорта и ВСО, диссеминация опыта национальных моделей спортивного образования способствуют не только расширению международных связей, но и углубленному философскому осмыслению интернационализации как процесса, тесно связанного с диалогом культур и цивилизационно-ценностных систем.

Массовизации спорта и распространение спортивного образования как основа интернационализации ВСО. Одним из ключевых направлений, определяющих вектор развития интернационали-

зации ВСО, является массовый спорт, т. е. широкое распространение физической культуры в обществе, или концептуальная установка «спорт для всех». Массовый спорт выступает ориентиром интернационализации ВСО, так как непосредственно влияет на социальную динамику спортивного образования, он тесно связан с приоритетами работы современных педагогических университетов. Так, по мнению китайского ученого Люй Шутина, физическая культура – это не только инструмент оздоровления нации, но и важный социальный механизм, способный трансформировать и модернизировать общественное бытие [16].

Смещение акцента со спорта высоких достижений на область массового спорта, доступного широким слоям населения, способствует формированию горизонтальных социальных связей, основанных на участии людей в коллективных физкультурно-оздоровительных мероприятиях. В таком ракурсе спорт выступает как инструмент построения общественной солидарности, сокращения социокультурных барьеров и развития передовых социальных практик.

Таким образом, массовый спорт становится одним из ведущих элементов интернационализации, он способствует консолидации социума, развитию гражданской активности, повышению вовлеченности людей в общественную жизнь. Следует отметить, что полноценная реализация потенциала массового спорта невозможна без формирования профессионально подготовленных педагогов, являющихся важным элементом продвижения интернационализации ВСО в Китае, который должен стать смыслообразующим для развития педагогических университетов.

Историческая динамика спортивного образования в Китае демонстрирует поступательное расширение его институциональной базы. Если в 1950-х гг. соответствующую подготовку осуществляли лишь шесть специализированных спортивных колледжей и ряд педагогических университетов, то к 2000 г. число таких учреждений возросло до тридцати. В период с 2000 по 2010 г. наблюдалось экспоненциальное развитие ВСО: более 200 институтов и университетов начали предлагать программы подготовки по спортивным специальностям, включая направления, связанные со спортивной реабилитацией, адаптивной физической культурой и спортивным менеджментом. К 2023 г. в рамках государственной стратегии «Здоровый Китай» более 300 университетов осуществили подготовку в области физического воспитания, а общее число студентов, обучающихся на спортивных специальностях, достигло 600 тыс. (по сравнению с 15 тыс. в 1980-х гг.).

Такие изменения отражают не только эволюцию системы ВСО, но и стратегическую переориентацию государственной политики. Закон Китайской Народной Республики об обязательном образовании (1986), Национальный стандарт физической подготовки учащихся (2007), а также программа «Здоровый Китай 2030» закрепили приоритет физического воспитания как части образовательного процесса и как элемента профилактики общественного здоровья. Увеличение числа спортивных секций, рост популярности физической культуры среди молодежи, и, как следствие, повышение спроса на квалифицированных специалистов непосредственно связаны с развитием ВСО в Китае.

Важной составляющей ВСО является совершенствование качества образования. Как подчеркивает китайский ученый Ву Селин, современная система ВСО КНР постепенно уходит от узкопрофессиональной модели подготовки и переориентируется на удовлетворение более широких социально-экономических запросов, в том числе развитие человеческого потенциала, обеспечение устойчивого образа жизни и общественного здоровья [17]. Таким образом, можно говорить о формировании цепочки взаимосвязанных процессов: массовизация спорта предполагает увеличение числа профессиональных педагогов, что, в свою очередь, обусловливает развитие системы ВСО, а развитие ВСО способствует дальнейшей массовизации спорта как инструмента социальной динамики.

Китайский исследователь Ли Фэнвэй отмечает, что степень массовизации спорта может рассматриваться как индикатор уровня внедрения спортивной культуры, знаний и навыков в повседневную практику широких слоев населения [18]. Следовательно, интернационализация ВСО в Китае неразрывно связана с социальными трансформациями, развивающимися как в образовательной системе, так и в китайском обществе в целом.

Заключение

Таким образом, интернационализация ВСО в Китае выступает важным компонентом современных социальных преобразований китайского общества и индикатором его цивилизационной динамики. Экспликация социальных и мировоззренческих оснований интернационализации ВСО чрезвычайно важна не только для теоретического осмысления стратегий развития национального спортивного образования, но и для формирования эффективной практико-ориентированной модели интернационализации ВСО как в Китае, так и в других странах, нацеленных на социальный прогресс в сфере спорта и спортивного образования.

Проведенный анализ показывает, что успешная реализация интернационализации ВСО в КНР невозможна без учета ценностно-мировоззренческих установок и социокультурной специфики китайского общества. Важнейшими факторами, определяющими

национальную модель интернационализации, выступают национальная философская традиция, формирующая ментальные паттерны и ценности китайского общества, мировоззренческие установки в отношении физической культуры и спорта, специфику их восприятия; процессы массовизации спорта, способствующие демократизации социальной структуры, развитию системы ВСО и модернизации общества в целом.

Сочетание данных факторов позволит разработать обоснованные программы и стратегические ориентиры для формирования эффективной социальной политики в области физической культуры и спорта, а также ВСО. В долгосрочной перспективе на основе предложенного подхода в Китае возможно создание уникальной национальной модели спортивного образования, интегрирующей лучшие международные практики и национальные традиции, обеспечивающей при этом как сохранение культурной идентичности Китая, так и укрепление его глобальной конкурентоспособности.

Библиографические ссылки

1. Смоляков ДА. *Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы*. Минск: Беларуская навука; 2020. 223 с.

2. Morris A. «To make the four hundred million move»: the late Qing Dynasty origins of modern Chinese sport and physical culture. *Comparative Studies in Society and History*. 2000;42(4):876–906. DOI:10.1017/S0010417500003340.

3. Кыласов АВ. Методология и терминология этноспорта. *Вестник спортивной науки.* 2011;5:41–43.

4. 李根. 文化帝国主义理论的现代体育运动传播与全球化探析. 体育学刊. 2017;24(2);8–12 = Ли Ген. Анализ современной спортивной коммуникации и глобализации на основе теории культурного империализма. *Журнал спортивной науки*. 2017; 24(2);8–12.

5. 邓星华, 黄彦军. 体育全球化的西方化倾向. 广州体育学院学报. 2003;4:5–9 = Дэн Синхуа, Хуан Яньцзюнь. Тенденция к вестернизации спортивной глобализации. *Журнал Гуанчжоуского спортивного университета*. 2003;4:5–9. DOI: 10.3969/j.issn.1007-323X.2003.04.002.

6. de Bosscher V, de Knop P, van Bottenburg M, Shibli S. A conceptual framework for analysing sports policy factors leading to international sporting success. *European sport management quarterly*. 2006;6(2):185–215. DOI: 10.1080/16184740600955087.

7. 李泽厚. 中国古代思想史论. 北京: 三联; 2008. 344 页 = Ли Цзэхоу. *К истории древнекитайской мысли.* Пекин: Саньлянь; 2008. 344 с.

8. 魏伟. 提升中国体育国际传播«五力»的路径. 成都体育学院学报. 2022;48(1):21–25 = Вэй Вэй. Пути укрепления «пяти сил» международной спортивной коммуникации Китая. *Журнал Чэндуского спортивного университета.* 2022;48(1):21–25. DOI: 10.15942/j.jcsu.2022.01.004.

9. van Hilvoorde I, Vorstenbosch J, Devisch I. Philosophy of sport in Belgium and the Netherlands: history and characteristics. *Journal of the Philosophy of Sport.* 2010;37(2):225–236. DOI: 10.1080/00948705.2010.9714778.

10. Breivik G. Philosophy of sport in the Nordic countries. *Journal of the Philosophy of Sport.* 2010;37(2):194–214. DOI: 10.1080/00948705.2010.9714776.

11. 小木曽 航平. 無形文化遺産に関するスポーツ人類学的研究の可能性: メキシコ先住民伝統スポーツ (「ペロタミシュテカ」) の伝播を事例として. *J-STAGE.* 2017;62(1):115–131 = Кохей Огисо. Потенциал спортивно-антропологических исследований нематериального культурного наследия: случай распространения традиционного вида спорта коренных народов Мексики («пелота миштека»). *J-STAGE*. 2017;62(1):115–131. DOI: 10.5432/jjpehss.16088.

12. Burston D. *In-depth sport psychology*. London: Routledge; 2019. The Greek legacy of sport [M]; p. 20–36.

13. da Gama DRN, de Castro JBP, do Espírito Santo WR, de Souza Vale RG, da Costa LP. Philosophy of physical education and sports in Brazil: an analysis of the philosophical foundations in the work of Inezil Penna Marinho. *Journal of Physical Education*. 2022;33(1):2–14. DOI: 10.4025/jphyseduc.v33i1.3302.

14. Umeakuka OA. «Think-home»: a philosophical framework for moving sports management in Africa into new frontiers. *International Journal of Human Kinetics, Health and Education.* 2023;1:11–16.

15. Levinsen A. Inter-ethnic football in the balkans: reconciliation and diversity. *Sport, Ethics and Philosophy.* 2009;3(3): 346–359. DOI: 10.1080/17511320902982600.

16. 吕树庭. 社会结构分层视野下的体育大众化. 天津体育学院学报. 2006;21(2):93–98 = Люй Шутин. Массовизации спорта с точки зрения социальной структурной стратификации. *Журнал Тяньцзиньского института физического воспитания*. 2006;21(2):93–98.

17. 吴谢玲. 高等教育大众化背景下的体育院校人才培养模式改革探讨. 成都体育学院学报. 2012;38(9):88–90 = У Селин. О реформировании модели подготовки талантов в спортивных колледжах в контексте массового высшего образования. *Журнал Чэндуского спортивного университета*. 2012;38(9):88–90. DOI: 10.3969/j.issn.1001-9154.2012.09.021.

18. 李凤梅. 新中国成立初期«新体育»杂志的体育«化大众»与体育«大众化»实践及启示. 首都体育学院学报. 2020;32(4):316–320 = Ли Фэнмэй. Практика и просвещение «популяризации» и «массовизации» спорта в журнале «Новый спорт» в первые дни основания КНР. *Журнал Столичного института физического воспитания*. 2020;32(4):316–320. DOI: 10.14036/j.cnki.cn11-4513.2020.04.006.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2025.
Received by editorial board 05.05.2025.

Психологические исследования

Psychological researches

УДК 159.923

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ НА СИТУАЦИЮ ПРОВОКАЦИИ РЕВНОСТИ ПРИ ОДНОПОЛОЙ И РАЗНОПОЛОЙ ДРУЖБЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

И. А. ФУРМАНОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Обсуждаются результаты эмпирического исследования различий в коммуникационных реакциях на ситуацию провокации ревности при однополой и разнополой дружбе. Отмечается, что независимо от типа дружбы доминирующими стратегиями как у мужчин, так и у женщин являются интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия и компенсация (замещение). У мужчин при однополой дружбе такие коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности, как активное дистанцирование, избегание (отрицание), дистрибутивная коммуникация, контроль (ограничение), компенсация (замещение), манипуляция, менее выражены, чем при разнополой дружбе. Для женщин при однополой дружбе по сравнению с разнополой более характерны такие коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности, как активное дистанцирование и компенсация (замещение), но менее свойственен контакт с соперником. Выделяются и описываются четыре паттерна коммукационных реакций на ситуацию провокации ревности: 1) деструктивный паттерн; 2) конструктивный паттерн; 3) паттерн избегания; 4) паттерн угодничества.

Ключевые слова: дружеская ревность; коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности; однополая и разнополая дружба.

Образец цитирования:
Фурманов ИА. Коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности при однополой и разнополой дружбе: сравнительный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:51–60.
EDN: OTRJJB

For citation:
Fourmanov IA. Communication reactions to the situation of provocation of jealousy in same-sex and opposite-sex friendship: a comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:51–60. Russian.
EDN: OTRJJB

Автор:
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fourmigor@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1931-9751

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;3:51–60
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2025;3:51–60

COMMUNICATION REACTIONS TO THE SITUATION OF PROVOCATION OF JEALOUSY IN SAME-SEX AND OPPOSITE-SEX FRIENDSHIP: A COMPARATIVE ANALYSIS

I. A. FOURMANOV[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article discusses the results of an empirical study of differences in communication reactions to the situation of provocation of jealousy in same-sex and opposite-sex friendships. It is noted, that regardless of the type of friendship, the dominant strategies for both men and women are integrative communication, negative affective expression, and compensation (restoration). In men in same-sex friendships, communicative reactions to the situation of provocation of jealousy such as active distancing, avoidance (denial), distributive communication, control (restriction), compensation (substitution), and manipulation are less pronounced than in opposite-sex friendships. For women in same-sex friendships, compared to opposite-sex friendships, communicative reactions to the situation of provocation of jealousy such as active distancing and compensation (substitution) are more typical, but contact with the rival is less common. Four patterns of communication reactions to the situation of provocation of jealousy are identified and described: 1) destructive pattern; 2) constructive pattern; 3) avoidance pattern; 4) servility pattern.

Keywords: friendly jealousy; reactions to the situation of provocation of jealousy; same-sex and opposite-sex friendship.

Введение

Взаимоотношения, особенно близкие, входят в число самых важных явлений в жизни человека. Одной из значимых разновидностей близких взаимоотношений являются дружеские отношения. Эти отношения имеют первостепенное значение на протяжении всей жизни каждого человека, поскольку позволяют удовлетворять такие базовые нужды, как потребности в любви, внимании, заботе и близости.

Дружеские отношения – это добровольные межличностные отношения между двумя людьми, которые обычно являются равными между собой и взаимно влияют друг на друга, характеризуемые состоянием стойкой привязанности, уважением, близостью и доверием. Отмечают пять конкретных характеристик дружбы, которые отличают ее от других типов близких отношений: добровольность (дружба основана на свободном выборе человека), персональность (люди завязывают дружеские отношения с людьми, договариваясь с ними о том, как будут выглядеть эти отношения), равенство (дружба предполагает наличие баланса, который делает ее равноправной), вовлеченность (обе стороны должны быть взаимно вовлечены в отношения) и аффективность (дружба имеет эмоциональные характеристики, отличные от других типов отношений, например она не предполагает наличия элементов романтических и сексуальных отношений) [1]. Выделяют два типа дружеских отношений – однополая и разнополая дружба.

Однополая дружба. Однополые дружеские отношения отличаются от разнополых отношений, характерных для гетеросексуальных индивидов, тем, что они обычно не осложняются в первую очередь чувствами романтического или сексуального влечения, являются социально приемлемыми, эти отношения в большей степени подвержены давлению, связанному с совместно разделяемой гендерной ролью дружеских партнеров. Иными словами, друзья одного пола испытывают одинаковое давление со стороны общества, что может повлиять на то, как эта гендерная роль реализуется в отношениях.

Следует отметить, что существует три характеристики, которые отличают мужскую однополую дружбу от женской однополой дружбы: большая ценность инструментальных или агентных характеристик друзей, высокий риск возникновения некачественных дружеских отношений и сильная гомофобия. Для мужчин дружба часто является средством достижения цели, она связана с тем, что мужчина имеет или может предоставить своим друзьям. Эта агентная ориентация на дружбу, как правило, благоприятствует мужчинам, поскольку они больше, чем женщины, хотят иметь идеального друга, который был бы спортивным, богатым и физически привлекательным и имел бы хорошие связи [2]. С эволюционной точки зрения существуют несколько причин, по которым это может быть действительно так. Социальные связи мужчин уравновешиваются сотрудничеством и конкуренцией. Когда конкуренция между самцами устранена, внутри всего сообщества возникает статичная и стабильная социальная структура [3]. В рамках статусной иерархии сотрудничество группы необходимо для ее дальнейшего

функционирования, а дружба служит средством стабилизации иерархии. В силу нормы взаимности дружба с мужчиной с высоким статусом обеспечивает большой доступ к ресурсам и защите, поэтому высоко ценятся работоспособные друзья, имеющие хорошие связи и широкие возможности.

По сравнению с женщинами мужчины имеют более низкие ожидания в отношении своих друзей, прилагают меньше усилий для продолжения дружбы и отличаются отсутствием навыков поддержания дружеских отношений. Хотя большинство мужчин и женщин имеют примерно равное стремление к дружбе и способности, мужчин, которые ожидают меньшего от своих друзей и делают меньше для них, гораздо больше, чем женщин.

Кроме того, на однополую дружбу мужчин чаще, чем на однополую дружбу женщин, влияют лежащие в ее основе гомофобные установки, которые препятствуют развитию близости из-за снижения уровня самораскрытия и предоставления эмоциональной поддержки. Несмотря на то что дружба предполагает интимность и закрытость, мужчины предпочитают не сближаться [4]. Гомофобия, независимо от того, определяется ли она как общее негативное отношение к гомосексуалистам или как желание не быть принятым за гомосексуалиста, является препятствием для большей мужской близости. В компании однополых друзей мужчины склонны вести себя в соответствии с гендерной ролью, а их стремление не считаться гомосексуалистами связано с социальной идентичностью мужчин. Вероятно, именно в связи с этим гомофобия представляет собой уникальный и значимый риск снижения интимности в однополых дружеских отношениях мужчин [5].

Разнополая дружба. Разнополая дружба является необычной формой дружбы, противоречащей нормам идеальных отношений между мужчиной и женщиной. Из-за доминирующей гетеросексуальной романтической идеологии события и информация, касающиеся отношений между мужчинами и женщинами, интерпретируются на гендерной основе в соответствии с культурными ожиданиями и результатами гендерно-ролевой социализации. Таким образом, существует общее мнение о том, что разнополая дружба должна иметь если не явную, то хотя бы скрытую романтическую или сексуальную природу [6].

Исследователь Д. О'Мира [7] определял разнополую дружбу как неромантические несемейные личные отношения между мужчиной и женщиной. Также утверждалось, что дружба между представителями разных полов характеризуется такими качествами, как избегание романтики, преуменьшение значения сексуальности в пользу дружеских отношений, подчеркивание равенства и избегание эксклюзивности [8]. Такая точка зрения на первый взгляд может привести к выводу о том, что дружба между представителями разного пола относительно проста и свободна от романтической или сексуальной динамики. Однако В. К. Роулинс [9] и другие авторы отмечали, что романтические и сексуальные проблемы могут создавать трудности в отношениях между представителями разного пола. Кроме того, при разнополой дружбе могут наблюдаться такие формы сексуального поведения, как флирт и половой акт, что ставит под сомнение прямолинейное сугубо платоническое понимание разнополой дружбы.

Существуют свидетельства того, что мужчины и женщины могут по-разному относиться к разнополой дружбе. В частности, К. Веркинг [10] обнаружила, что женщины склонны рассматривать разнополую дружбу как нечто похожее на дружбу однополых людей, в то время как мужчины часто проводят различие между однополой и разнополой дружбой. Мужчины считают, что разнополая дружба позволяет им развивать новый стиль взаимоотношений и получать от него удовольствие, что в ней больше внимания уделяется близости и эмоциональному вовлечению, чем в однополой дружбе. Вместе с тем отмечается, что женщины склонны рассматривать любую дружбу, будь то однополая или разнополая, как сходную, в то время как мужчины часто видят в разнополой дружбе больше романтического и сексуального потенциала, чем женщины [8]. Таким образом, оказывается, что мужчины проводят более четкое различие между разнополой и однополой дружбой, чем женщины. Вероятно, для женщин разнополый друг может являться «просто другом», однако для мужчин разнополая дружба скорее всего будет рассматриваться как ступенька к тому, чтобы стать «чем-то большим, чем друзья».

Ревность в дружеских отношениях. В рамках исследований дружеских отношений почти всегда изучались явления диадического уровня. Безусловно, такая диадическая направленность исследований имеет смысл. Как правило, дружеские отношения рассматриваются именно с помощью диадических терминов. Тем не менее следует уделить больше внимания концептуализации наддиадических отношений, а именно триадических отношений, которые принципиально отличаются от диадических отношений.

К одному из феноменов, который возникает именно в рамках триадических отношений, относится ревность. Феномен ревности присутствует в любых взаимоотношениях (например, между супругами, романтическими или дружескими партнерами), которые характеризуются большой силой, частотой, взаимозависимостью и устойчивостью во времени.

В соответствии с триадической моделью ревность (интеграция эмоций, мыслей и действий) в дружеских отношениях понимается как психический феномен, аттитюд, возникающий в ситуациях, когда активность партнера (близкого друга или подруги) связана с вовлеченностью в отношения с другим индивидом, который воспринимается как угрожающий конкурент [11].

С одной стороны, ревнивое поведение широко исследовалось только в рамках супружеских и романтических связей [12–14], тогда как ревнивое поведение в сфере дружеских отношений остается малоизученным [15]. С другой стороны, проблема различий в реакциях на ситуацию провокации ревности при однополой и разнополой дружбе не была должным образом изучена.

Материалы и методы исследования

Для исследования ревности при однополой и разнополой дружбе использовалась методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях», разработанная и валидизированная И. А. Фурмановым и Л. А. Шостак [11]. Эта методика позволила измерить степень выраженности десяти тактик поведения ревнующего и ревнуемого индивидов по 7-балльной шкале Ликерта. Оценивались следующие коммуникативные реакции:

1) интегративная коммуникация – прямая просоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие;

2) негативная аффективная экспрессия – демонстрация негативных эмоций;

3) активное дистанцирование – выражение непринятия, уменьшение привязанности к партнеру, его игнорирование;

4) избегание (отрицание) – непрямые действия, предпринимаемые для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью;

5) насильственное взаимодействие (угрозы) – прямые агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером;

6) дистрибутивная коммуникация – прямая асоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие;

7) контроль (ограничение) – действия, используемые для того, чтобы контролировать поведение партнера и ограничить доступ к конкурентам;

8) компенсация (замещение) – попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, стать более близким другом;

9) манипуляция – действия, предназначенные для того, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и (или) возложить на него ответственность за изменение ситуации;

10) контакт с соперником – активная коммуникация с конкурентом, попытки противостоять ему [5].

В исследовании приняли участие 360 респондентов (женщины, $n = 193$; мужчины, $n = 167$), находящихся в однополых и разнополых дружеских отношениях; средний возраст 18,64 ± 2,44. Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы *SPSS Statistics v. 13*. Рассчитывались среднее отклонение (M), стандартное отклонение (SD), t-критерий Стьюдента, размер эффекта Коэна (d).

Результаты и их обсуждение

Мужчины. Вне зависимости от типа дружбы доминирующими стратегиями коммуникационных реакций на ситуацию провокации ревности у мужчин являются интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия, а также компенсация (замещение). Вместе с тем в результате сравнительного анализа было установлено (рис. 1), что у мужчин при однополой дружбе такие коммуникационные реакции, как активное дистанцирование (M = 1,97, SD = 0,93 против M = 2,42, SD = 1,40, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}38$), избегание (отрицание) (M = 2,30, SD = 1,24 против M = 2,60, SD = 1,46, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}22$), дистрибутивная коммуникация (M = 1,60, SD = 0,93 против M = 2,04, SD = 1,30, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}39$), контроль (ограничение) (M = 1,58, SD = 0,89 против M = 2,01, SD = 1,35, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}37$), компенсация (замещение) (M = 2,65, SD = 1,37 против M = 2,91, SD = 1,64, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}17$), манипуляция (M = 1,64, SD = 0,98 против M = 1,89, SD = 1,27, $p < 0{,}001$, $d = 0{,}22$), менее выражены, чем при разнополой дружбе.

Таким образом, учитывая размер эффекта Коэна, можно констатировать, что мужчины при разнополой дружбе в ситуациях провокации ревности существенно чаще, чем при однополой дружбе, выражают непринятие, игнорируют партнера, предпринимают попытки уменьшить привязанность к нему; используют прямую асоциальную коммуникацию с партнером, осуществляют попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие; прибегают к действиям, используемым для контроля поведения партнера и ограничения его доступа к конкурентам.

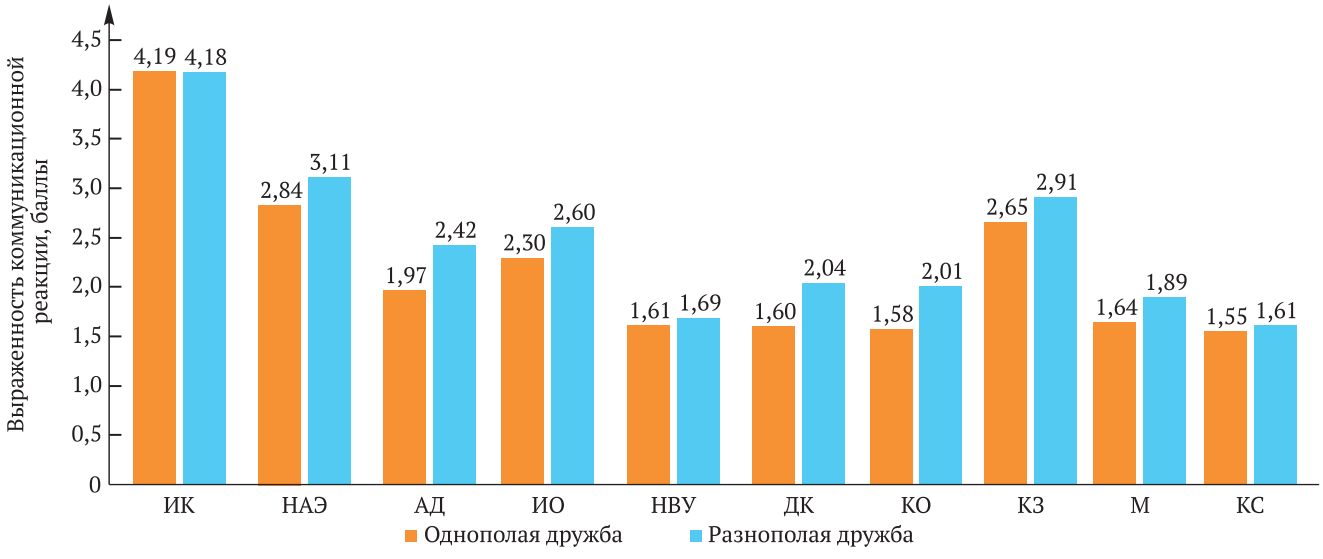

Рис. 1. Различия в коммуникационных реакциях на ситуацию провокации ревности мужчин при однополой и разнополой дружбе:
ИК – интегративная коммуникация; НАЭ – негативная аффективная экспрессия; АД – активное дистанцирование; ИО – избегание (отрицание); НВУ – насильственное взаимодействие (угрозы); ДК – дистрибутивная коммуникация; КО – контроль (ограничение); КЗ – компенсация (замещение); М – манипуляция; КС – контакт с соперником

Fig. 1. Differences in communication reactions to the situation of provocation of jealousy in men in same-sex and opposite-sex friendships:
ИК – integrative communication; НАЭ – negative affective expression; АД – active distancing; ИО – avoidance (denial); НВУ – violent interaction (threats); ДК – distributive communication; КО – control (restriction); КЗ – compensation (substitution); М – manipulation; КС – contact with a rival

Структура мужских коммуникационных реакций. Дендрограмма коммуникационных реакций мужчин при однополой дружбе показывает, что переменные группируются в четыре кластера (рис. 2). В первый кластер объединяются коммуникационные реакции, которые имеют короткое расстояние между собой: насильственное взаимодействие (угрозы), дистрибутивная коммуникация (54,0), контроль (ограничение) (67,4), контакт с соперником (73,6) и манипуляция (87,5). К ним примыкают активное дистанцирование (150,0), избегание (отрицание) (222,7), образующие единый второй кластер. Затем к перечисленным коммуникационным реакциям присоединяются компенсация (замещение) (487,6), негативная аффективная экспрессия (501,0), которые формируют единый третий кластер. Интегративная коммуникация, присоединяясь к другим объектам в последнюю очередь (1404,5), образует четвертый самостоятельный кластер.

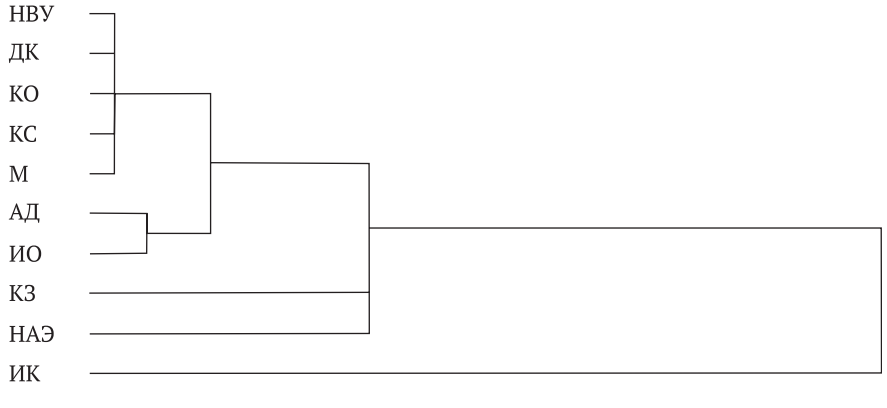

Рис. 2. Дендрограмма коммуникационных реакций на ревность мужчин при однополой дружбе. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 2. Dendrogram of communication reactions to the situation of provocation of jealousy in men in same-sex friendship. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

Дендрограмма коммуникационных реакций мужчин при разнополой дружбе демонстрирует, что переменные также группируются в четыре кластера (рис. 3). В первый кластер объединяются коммуникационные реакции, которые имеют самое короткое расстояние между собой: насильственное

взаимодействие (угрозы), контакт с соперником (74,0) и манипуляция (106,5). К ним присоединяются дистрибутивная коммуникация (134,5) и контроль (ограничение) (172,9). В дальнейшем к этим коммуникационным реакциям примыкает второй кластер, включающий активное дистанцирование и избегание (отрицание) (109,2), к которым присоединяется негативная аффективная экспрессия (292,1). Затем к ним примыкают компенсация (замещение) (547,1), которую можно рассматривать как самостоятельный третий кластер. Интегративная коммуникация, присоединяясь к другим объектам в последнюю очередь (1070,2), образует четвертый самостоятельный кластер.

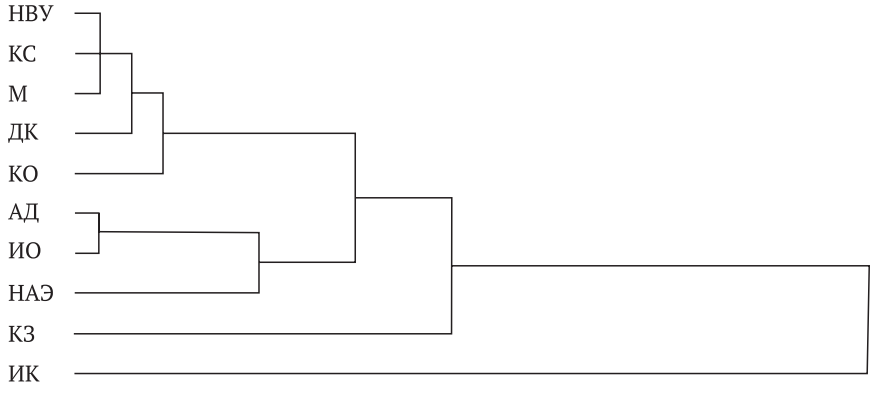

Рис. 3. Дендрограмма коммуникационных реакций мужчин на ситуацию провокации ревности при разнополой дружбе. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 3. Dendrogram of communication reactions to the situation of provocation of jealousy in men in opposite-sex friendship. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

Женщины. Так же, как и у мужчин, у женщин независимо от типа дружбы доминирующими стратегиями коммуникационных реакций на ситуацию провокации ревности являются интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия и компенсация (замещение).

Вместе с тем в результате сравнительного анализа было установлено (рис. 4), что для женщин при однополой дружбе по сравнению с разнополой более характерны такие коммуникационные реакции, как активное дистанцирование (M = 5,17, SD = 1,41 против M = 4,89, SD = 1,41, $p = 0{,}001$, $d = 0{,}20$) и компенсация (замещение) (M = 2,80, SD = 1,72 против M = 2,55, SD = 1,75, $p = 0{,}003$, $d = 0{,}14$), но менее свойственен контакт с соперником (M = 1,15, SD = 0,35 против M = 1,24, SD = 0,46, $p = 0{,}011$, $d = 0{,}22$).

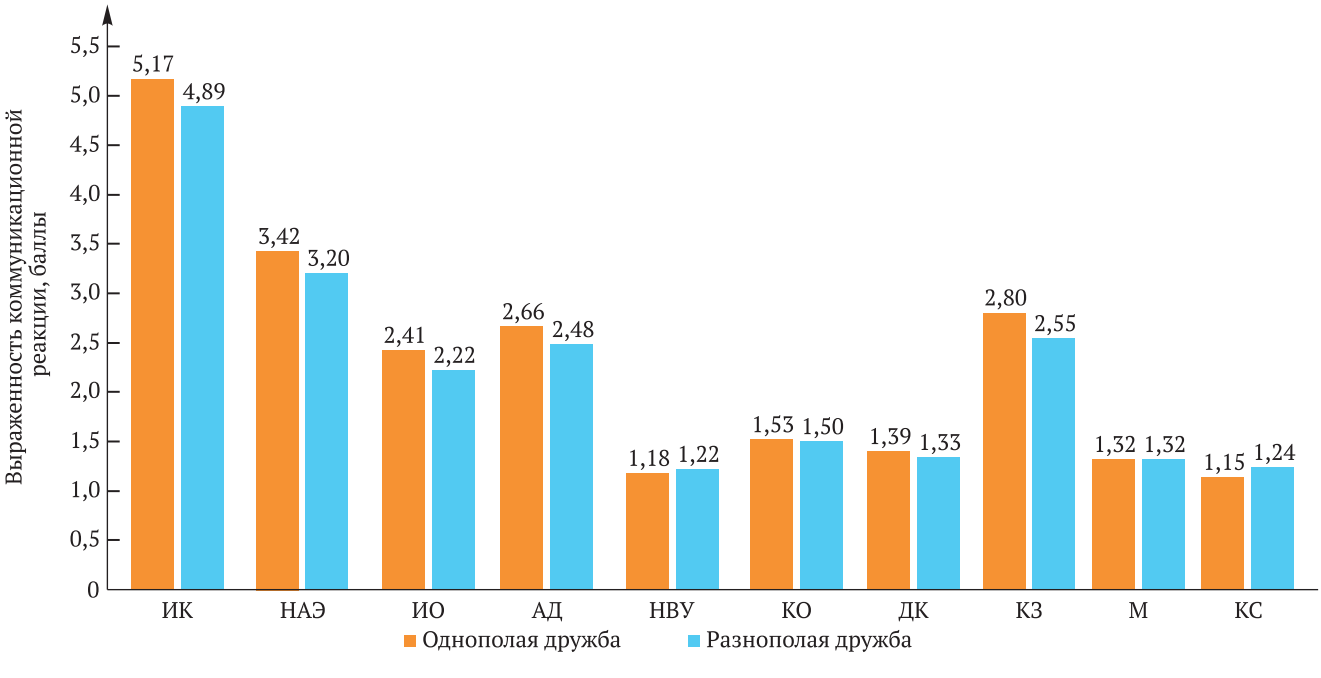

Рис. 4. Различия в коммуникационных реакциях на ситуацию провокации ревности женщин при однополой и разнополой дружбе. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 4. Differences in communication reactions to the situation of provocation of jealousy in women in same-sex and opposite-sex friendships. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

Полученные данные, исходя из размера эффекта Коэна, могут свидетельствовать о том, что женщины при разнополой дружбе в ситуациях ревности существенно чаще, чем при однополой дружбе, вступают в активную коммуникацию с конкурентом и совершают попытки противостоять сопернику. При однополой дружбе для поведения женщин характерна некоторая противоречивость: по сравнению с разнополой дружбой они чаще, с одной стороны, прибегают к выражению непринятия, игнорированию подруги, предпринимают попытки уменьшить привязанность к ней (физически отдаляются, становятся менее разговорчивыми или устраивают «молчаливый бойкот») и, с другой стороны, стремятся угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, стать более близкой подругой.

Структура женских коммуникационных реакций. Дендрограмма коммуникационных реакций женщин при однополой дружбе показывает, что переменные группируются в четыре кластера (рис. 5). В первый кластер объединяются коммуникационные реакции, которые имеют самые короткие расстояния между собой: насильственное взаимодействие (угрозы), контакт с соперником (30,2), манипуляция (63,5), контроль (ограничение) (109,7), к которым в последующем присоединяется дистрибутивная коммуникация (144,7). К ним примыкают активное дистанцирование, избегание (отрицание) (194,5), негативная аффективная экспрессия (591,3), формирующие единый второй кластер. Компенсация (замещение) (1039,8) рассматривается как самостоятельный третий кластер. Интегративная коммуникация, присоединяясь к другим объектам в последнюю очередь (2798,4), образует четвертый самостоятельный кластер.

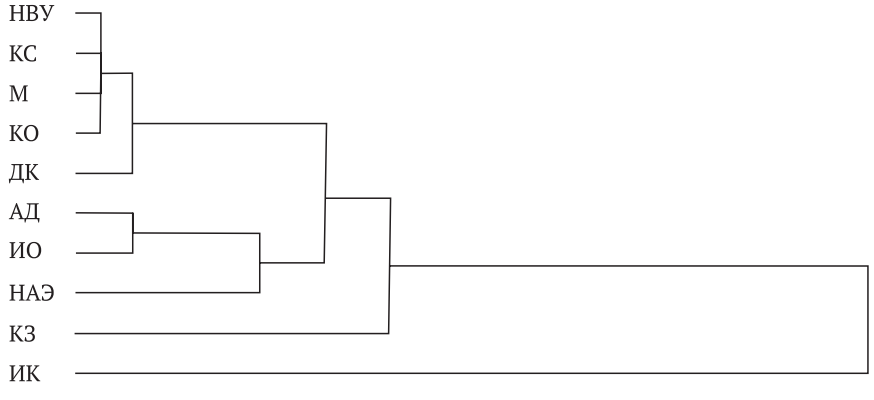

Рис. 5. Дендрограмма коммуникационных реакций на ситуацию провокации ревности женщин при однополой дружбе. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 5. Dendrogram of communication reactions to the situation of provocation of jealousy in women in same-sex friendship. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

Дендрограмма коммуникационных реакций женщин при разнополой дружбе показывает, что переменные также группируются в четыре кластера (рис. 6). В первый кластер объединяются коммуникационные реакции, которые имеют самое короткое расстояние между собой: манипуляция, контакт с соперником (42,6), насильственное взаимодействие (угрозы) (48,0), контроль (ограничение) (73,5), дистрибутивная коммуникация (90,1). К ним примыкает активное дистанцирование, избегание (отрицание) (301,0), негативная аффективная экспрессия (444,7), формирующие единый второй кластер. Компенсация (замещение) (849,1) составляет единый третий кластер. Интегративная коммуникация, присоединяясь к другим объектам в последнюю очередь (2196,8), образует четвертый самостоятельный кластер.

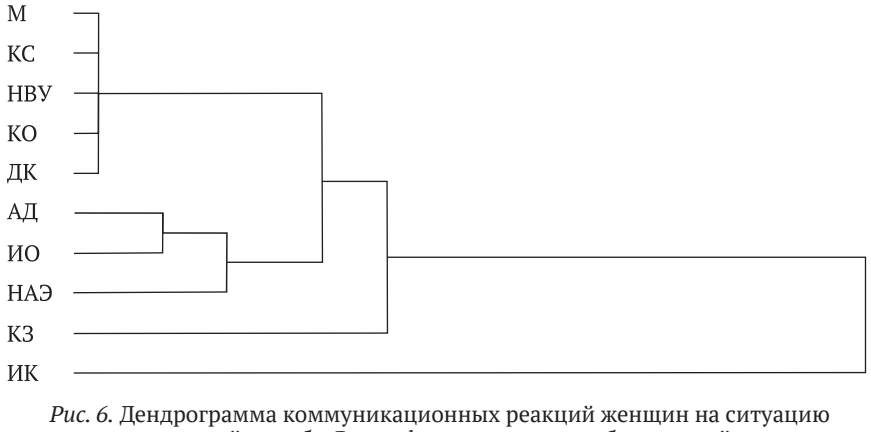

Рис. 6. Дендрограмма коммуникационных реакций женщин на ситуацию провокации ревности при разнополой дружбе. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 6. Dendrogram of communication reactions to the situation of provocation of jealousy in women in opposite-sex friendships. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

Анализ иерархий коммуникационных реакций на провокацию ревности показал, что независимо от типа дружбы доминирующими стратегиями как у мужчин, так и у женщин являются интегративная коммуникация – попытки решения проблемы через взаимодействие с партнером; негативная аффективная экспрессия – выражение своих чувств партнеру; компенсация (замещение) – попытки угодить партнеру, сделать что-то приятное ему. Поскольку дружеская ревность – это психологическая программа, помогающая смягчить угрозы для сохранения дружбы, с которыми периодически сталкиваются как мужчины, так и женщины, вполне ожидаемо, что существуют некоторые сходства в проявлении этого эмоционального состояния между мужчинами и женщинами.

Результаты исследований показывают, что ревность в дружеских отношениях вызывается не только страхом потерять друга, но и реальными или предполагаемыми угрозами третьих лиц в адрес дружеских отношений, и зависит как от ценности дружбы, находящейся под угрозой, так и от степени заменимости индивида в дружбе, что мотивирует поведение, направленное на противодействие [16; 17] и сохранение дружеских отношений. Исходя из этого, предпочтительное использование стратегии интегративной коммуникации, которая направлена на сохранение дружеских отношений, становится вполне очевидным. В частности, отмечается, что в ситуации провокации ревности (т. е. друг ведет себя слишком дружелюбно или кокетничает с третьей стороной), партнер по его отношениям может вступить в интегративное или позитивное общение, чтобы обсудить проблемы и сохранить отношения. Это поведение может свидетельствовать о том, что, несмотря на чувство ревности, партнер понимает, что отношения стоит сохранить, и выбирает тактику общения, которая, вероятно, поможет это сделать [18]. Таким образом, дружеская ревность объясняет поведение, направленное на поддержание дружбы, находящейся под угрозой, то, что называется «защитой друга». В некоторых исследованиях отмечается, что конструктивное выражение ревности не только часто используется, но и приводит к снижению количества негативных последствий и повышению уровня удовлетворенности отношениями [13; 14; 19; 20].

Вместе с тем было обнаружено, что ситуация угрозы дружеским отношениям со стороны третьих лиц приводит к возникновению ревности, которая представляет собой комбинацию эмоций гнева, печали и страха [21]. Как отмечали Дж. Л. Беван и П. Ж. Ланнутти [22], как только возникает ревность, она, скорее всего, в той или иной форме выражается партнеру. Стоит отметить, что переживание и выражение ревности в целом одинаковы и у мужчин, и у женщин.

Как уже говорилось, степень дружеской ревности зависит от ценности дружбы, находящейся под угрозой. Одной из наиболее значимых угроз для дружеских отношений являются угроза измены (предательства друга) или признаки того, что третья сторона может узурпировать место друга. Отмечается, что возможная потеря лучшего друга вызывает большую дружескую ревность, чем возможная потеря приятелей или знакомых [17]. В связи с этим индивидом могут предприниматься попытки доказывания другу своей и его ценности, выгоды и преимуществ этих дружеских отношений, возможно, при одновременном обесценивании третьей стороны.

Также следует отметить, что у мужчин частота проявления таких коммуникационных реакций, как активное дистанцирование, избегание (отрицание), дистрибутивная коммуникация, контроль (ограничение), компенсация (замещение), манипуляция при разнополой дружбе значительно выше, чем при однополой дружбе. В тоже время у женщин при однополой дружбе чаще всего возникают такие коммуникационные реакции, как активное дистанцирование, компенсация (замещение), реже всего они выбирают в качестве реакции контакт с соперником.

Таким образом, вероятно, тип дружбы оказывает разное влияние на особенности реагирования на ситуацию провокации ревности у мужчин и женщин. Учитывая интенсивность коммуникационных реакций, можно предположить, что ситуация провокации ревности при разнополой дружбе для мужчин является более фрустрирующей и эмоциогенной, чем для женщин. Это предположение согласуется с результатами ряда исследований, в которых отмечается, что для мужчин разнополая дружба являлась более важной как количественно, так и качественно, чем однополая, причем мужчины в разнополых женских отношениях демонстрировали более активное эмоциональное взаимодействие, чем женщины [23].

Анализируя данные кластерного анализа, можно отметить, что коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности как мужчин, так и женщин можно разделить на четыре группы паттернов:

1) деструктивный паттерн. Такой паттерн поведения включает асоциальную коммуникацию с партнером; прямые агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером; попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с конкурентом, противостояние сопернику; контроль поведения партнера и ограничение доступа к конкурентам, а также совершение поступков, направленных на вызов негативных переживаний у партнера и (или) возложение на него ответственности за изменение ситуации;

2) паттерн избегания. Этот паттерн поведения предполагает демонстрацию непринятия, выраже-

ние негативных эмоций; игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему; непрямые действия, предпринимаемые для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью;

3) паттерн угодничества. Такой паттерн поведения отражает попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, стать более близким другом;

4) конструктивный паттерн. Этот паттерн поведения включает прямую просоциальную коммуникацию с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие.

Стоит отметить, что данная классификация паттернов коммуникационных реакций на ситуацию провокации ревности отчасти согласуется с результатами, полученными при изучении романтических отношений. В таких исследованиях выделяются четыре категории реакций: деструктивная и конструктивная коммуникация, избегание и контакт с соперником [24].

Заключение

В результате сравнительного анализа коммуникационных реакций на ситуацию провокации ревности выявлены следующие различия:

1) при однополой и разнополой дружбе вне зависимости от пола индивидов доминирующими коммуникационными реакциями являются интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия, компенсация (замещение);

2) мужчины при однополой дружбе, по сравнению с разнополой, менее склонны к таким коммуникационным реакциям, как активное дистанцирование, избегание (отрицание), дистрибутивная коммуникация, контроль (ограничение), компенсация (замещение), манипуляция;

3) женщины при однополой дружбе по сравнению с разнополой чаще проявляют такие коммуникационные реакции, как активное дистанцирование, компенсация (замещение), реже выбирают в качестве реакции контакт с соперником.

В результате проведения кластерного анализа были выделены четыре паттерна коммукационных реакций на ситуацию провокации ревности: 1) деструктивный паттерн; 2) конструктивный паттерн; 3) паттерн избегания; 4) паттерн угодничества.

Библиографические ссылки

1. Rawlins WK. *Friendship matters: communication, dialectics and the life course, aldine de gruyter*. New York: Eldine de Gruyter; 1992. 320 p.

2. Hall J. A Sex differences in friendship expectations: a meta-analysis. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2011;28(6):723–747. DOI: 10.1177/0265407510386192.

3. Geary DC, Byrd-Craven J, Hoard MK, Vigil J, Numtee Ch. Evolution and development of boys' social behavior. *Developmental Review.* 2003;23(4):444–470. DOI: 10.1016/j.dr.2003.08.001.

4. Fehr B. Intimacy expectations in same-sex friendships: a prototypical interaction-pattern model. *Journal of Personality and Social Psychology.* 2004;86(2):265–284. DOI: 10.1037/0022-3514.86.2.265.

5. Hall JA. Same-sex friendships. In: Berger ChR, Roloff ME, editors. *The international encyclopedia of interpersonal communication* [Internet]. [S. l.]: Wiley-Blackwell; 2016 [2024 December 12]. p. 1007–1015. Available from: https://www.researchgate.net/publication/314826577_Same-Sex_Friendships.

6. Cingöz B. *Comparison of same-sex friendships, cross-sex friendships and romantic relationships. A thesis submitted to the graduate school of social sciences of Middle East Technical University* [Internet]. 2003 [2024 December 15]. Available from: https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/4/12604934/index.pdf.

7. O'Meara D. Cross-sex friendship: four basic challenges of an ignored relationship. *Sex Roles.* 1989;21:525–543. DOI: 10.1007/BF00289102.

8. Rawlins WK. Cross-sex friends and the communicative management of sex-role expectations. *Communication Quarterly*. 1982;30(4):343–352. DOI: 10.1080/01463378209369470.

9. Rawlins WK. Times, places and social spaces for cross-sex friendships. In: Arliss LP, Borisoff DJ, editors. *Women and men communicating: Challenges and changes*. Long Grove: Waveland Press; 2001. p. 93–114.

10. Werking K. *We're just good friends: Women and men in nonromantic relationships*. New York: Guilford Press; 1997. 193 p.

11. Фурманов ИА, Шостак ЛА. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях». У: Манастырны АП, рэдактар. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Выпуск 14.* Мінск: Акадэмія паслядыпломнай адукацыі; 2016. с. 464–477.

12. Фурманов ИА. Коммуникационные реакции в романтических и супружеских отношениях на ситуацию, вызывающую ревность. *Человеческий фактор: социальный психолог*. 2016;1:506–523. EDN: XSDIVB.

13. Guerrero LK, Andersen PA, Jorgensen PF, Spitzberg BH, Eloy SV. Coping with the green-eyed monster: conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy. *Western Journal of Communication*. 1995;59(4):270–304. DOI: 10.1080/10570319509374523.

14. Guerrero LK, Andersen PA. Jealousy experience and expression in romantic relationships. In: Guerrero LK, Andersen PA, editors. *Handbook of communication andemotion: theory, research, applications, and contexts*. San Diego: Academic Press; 1998. p. 155–188.

15. Шостак ЛА. Коммуникативные реакции на ревность в ситуациях дружеской триангуляции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;3:64–72. EDN: YSJLAT.

16. Krems JA, Williams KEG, Merrie LA, Kenrick, DT, Aktipis A. Sex (similarities and) differences in friendship jealousy. *Evolution and Human Behavior*. 2022;43(2):97–106. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2021.11.005.

17. Krems JA, Williams KEG, Aktipis A, Kenrick DT. Friendship jealousy: one tool for maintaining friendships in the face of third-party threats? *Journal of Personality and Social Psychology.* 2021;120(4):977–1012. DOI: 10.1037/pspi0000311.

18. Gilchrist-Petty E, Bennett LK. Cross-sex best friendships and the experience and expression of jealousy within romantic relationships. *Journal of Relationships Research*. 2019;10:e18. DOI: 10.1017/jrr.2019.16.

19. Andersen PA, Eloy SV, Guerrero LK, Spitzberg BH. Romantic jealousy and relational satisfaction: a look at the impact of jealousy experience and expression. *Communication Reports.* 1995;8(2):77–85. DOI: 10.1080/08934219509367613.

20. Yoshimura SM. Emotional and behavioral responses to romantic jealousy expressions. *Communication Reports*. 2004;17(2):85–101. DOI: 10.1080/08934210409389378.

21. Sharpsteen DJ. The organization of jealousy knowledge: romantic jealousy as a blended emotion. In: Salovey P, editor. *The psychology of jealousy and envy.* New York: Guilford Press; 1991. p. 31–51.

22. Bevan JL, Lannutti PJ. The experience and expression of romantic jealousy in same-sex and opposite-sex romantic relationships. *Communication Research Reports*. 2002;19(3):256–268. DOI: 10.1080/08824090209384854.

23. Bilbro KG. *Comparing relationships: same-sex friendships, cross-sex friendships, and romantic love* [Internet]. 1992. [2024 December 20]. Available from: https://scholarworks.wm.edu/items/a017073e-1f16-46c4-bee2-09e5c87c8887.

24. Guerrero LK, Hannawa AF, Babin EA. The communicative responses to jealousy scale: revision, empirical validation, and associations with relational satisfaction. *Communication Methods & Measures*. 2011;5(3):223–249. DOI: 10.1080/19312458.2011.596993.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2025.
Received by editorial board 16.06.2025.

УДК 159.92

КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ (ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ) ПСИХОТЕРАПИИ

И. Е. ВАЛИТОВА[1), 2)]***, Д. Г. ДЬЯКОВ***[2), 3)]

[1)]*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь*
[2)]*Белорусское общество когнитивно-поведенческой терапии, ул. М. Богдановича, 89, 220131, г. Минск, Беларусь*
[3)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Представлены сконструированные на основе методологических принципов конкретно-научного уровня программы психологической помощи детям младшего школьного возраста с проблемами поведения и общения. В структуре программ рассмотрены запрос на оказание помощи, анализ проблемы ребенка на основе биопсихосоциальной модели, процесс построения терапевтических отношений, блок целей и задач, описание поддерживающих проблему процессов, модули программы с характеристикой используемых комплексных методов работы с ребенком.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческая терапия; конкретно-научный уровень методологии; психологическая помощь детям; ППД; программы психологической помощи; доказательная психотерапия; дети младшего школьного возраста; экстернальные нарушения поведения; избирательный мутизм.

CONSTRUCTION AND IMPLEMENTATION OF CHILDREN'S PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE PROGRAMMES IN THE CONTEXT OF EVIDENCE-BASED PSYCHOTHERAPY

I. E. VALITOVA[a, b]***, D. G. DYAKOV***[b, c]

[a]*Brest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanawtaw Boulevard, Brest 224016, Belarus*
[b]*Belarusian Society of Cognitive Behavioural Therapy, 89 M. Bagdanovicha Street, Minsk 220131, Belarus*
[c]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: I. E. Valitova (irvalitova@yandex.ru)

Abstract. The article presents the programmes of psychological assistance to primary school children with behavioural and communication problems, which are designed on the basis of methodological principles of concrete-scientific level.

Образец цитирования:
Валитова ИЕ, Дьяков ДГ. Конструирование и реализация программ психологической помощи детям в контексте когнитивно-поведенческой (доказательной) психотерапии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:61–69.
EDN: QWMXIB

For citation:
Valitova IE, Dyakov DG. Construction and implementation of children's psychological assistance programmes in the context of evidence-based psychotherapy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025; 3:61–69. Russian.
EDN: QWMXIB

Авторы:
Ирина Евгеньевна Валитова – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии[1)], член правления[2)].
Дмитрий Григорьевич Дьяков – доктор психологических наук, доцент; профессор кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук[3)], председатель правления[2)].

Authors:
Irina E. Valitova, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of social pedagogy and psychology, faculty of pedagogy and psychology[a], member of the board[b].
irvalitova@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-0751-8534
Dmitry G. Dyakov, doctor of science (psychology), docent; professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences[c], chairman of the board[b].
dg_dkv@mail.ru

CC BY NC

The structure of the programme includes request for the assistance, analysis of the child's problem on the basis of biopsychosocial model, the process of building therapeutic relationship, block of goals and tasks, description of the processes supporting the problem, programme modules with characteristics of the used complex methods of work with the child.

Keywords: cognitive-behavioural therapy; concrete-scientific level of methodology; psychological assistance to children; psychological assistance programmes; evidence-based psychotherapy; elementary school children; externalising behavioural disorders; selective mutism.

Введение

Для оказания эффективной психологической помощи детям (ППД) с проблемами в развитии необходимо строить программы помощи в парадигме доказательной психотерапии. В нашей статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, были проанализированы основные методологические принципы, лежащие в основе разработки эффективных программ психологической помощи, которые представлены на философском и конкретно-научном уровнях. Было доказано, что принципы построения программ психологической помощи, обеспечивающие их доказательность, могут быть логически корректно апплицированы к решению задач помощи детям.

В предыдущей части исследования на конкретно-научном уровне обсуждались методологические принципы адаптивности к культурно-средовым условиям; диалектического единства модусов принятия и изменений; языка как фактора патологизации и инструмента психокоррекции; ориентации программы на овладение человеком собственным поведением и мышлением; учета контекста поведения и мышления; ориентации на процессы, поддерживающие проблему или расстройство; ориентации на интеграцию инструментов; интеграции когнитивного и метакогнитивного уровней работы с мышлением; ориентации на проверяемость эффективности программы и предсказуемость ее эффектов; нацеливания программы на решение конкретных задач; ориентации на осознанность; ориентации на эмпирически обоснованную модель психики; транспарентности эффектов психотехник; клиент-центрированности [1; 2]. В данной статье представлена попытка применения этих принципов к разработке программ помощи детям с отклонениями и проблемами в развитии. Цель статьи – теоретически и методологически обосновать содержание и структуру программ ППД.

Результаты и их обсуждение

В детской психологии традиционно под детством понимают период от рождения до поступления ребенка в школу, а в некоторых источниках – до наступления подросткового возраста[1]. Специфика детства как периода, отличного от взрослости, в наибольшей степени проявляется именно в дошкольном и младшем школьном возрасте, так как подростничество и ранняя юность относятся к периодам взросления человека. В данной статье рассматривается оказание ППД в период от рождения до завершения младшего школьного возраста. ППД направлена на выявление и преодоление психологических проблем ребенка. Психологические проблемы ребенка отражают процесс его психического и личностного развития, они возникают в тех случаях, когда нарушается процесс нормативного развития и результаты в виде закономерных психологических возрастных новообразований не достигаются. Эти проблемы обусловлены возрастными особенностями ребенка и нозологическими характеристиками его нарушений.

Наличие психологической проблемы у ребенка обусловлено по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, психологическая проблема отражает уровень развития ребенка, его видение объективной ситуации (на разных уровнях), переживания по поводу сложившихся жизненных отношений или внутреннюю сторону социальной ситуации развития. Во-вторых, психологическая проблема определяется отношениями ребенка со взрослыми, которые описываются как внешняя сторона социальной ситуации развития [3]. Учитывая то, что процесс психического развития может быть охарактеризован как приобретение ребенком все большей автономии, самостоятельности и независимости, можно сделать вывод о тесной связи ребенка со значимыми взрослыми и его психологической зависимости от них в детском возрасте. В связи с этим при анализе психологических проблем ребенка необходимо рассматривать роль в возникновении психологической проблемы не только самого ребенка, но и значимых взрослых.

Представим перечень проблем и нарушений психического развития детей, которые имплицированы в запросах на психологическую помощь и с которыми может работать психолог:

1) клинико-психологические проблемы: нарушения сна и питания (пищевого поведения), экстернальные и интернальные расстройства поведения

[1] *Сапогова Е. Е.* Психология развития человека : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2001. 460 с.

и эмоций, логоневроз и элективный мутизм, дисморфофобия, расстройство аутистического спектра (РАС), СДВГ, нарушения интеллектуального развития, нарушения двигательного развития, психосоматические расстройства и др.;

2) психологические проблемы: кризисные жизненные ситуации (развод родителей, смерть близких, госпитализация), проблемы во внутрисемейных отношениях (проблемы с родителями, сиблингами), сложности адаптации к детскому саду и к школе, проблемы в отношениях со взрослыми, сверстниками в детском саду и в школе, проблемы школьного обучения, в том числе мотивации учения, и др.

Дети как клиенты психолога. Характеристика детей как реципиентов психологической помощи неоднородна. Одним из главных факторов дифференциации детей как клиентов психолога выступает возраст. Дети проходят различные стадии физиологического, когнитивного и эмоционального развития. Для каждой стадии свойственны, с одной стороны, уникальные характеристики текущего состояния ребенка и, с другой стороны, особые средовые оптимумы, необходимые для здорового развития. Так, например, у детей младшего возраста преобладает конкретное мышление, что обусловливает определенную специфику когнитивной работы с ними [4]. Несформированная рефлексия, трудности с вербализацией предопределяют необходимость в переходе от разговорных методов к образному руслу, т. е. к работе с картинками, сказками, телесными ощущениями. В то же время формирование переходов между стадиями сопровождается характерными трудностями – кризисами [5]. Сами по себе кризисы могут являться «мишенями» работы психолога, но более трудным и проблемным полем выступает взаимодействие этих кризисов с различными факторами, создающими и поддерживающими проблему. Так, например, в характерный при тревожном расстройстве поддерживающий цикл избегающего поведения в разном возрасте ребенка будут добавляться различные элементы (зависимость от родительского мнения в дошкольном возрасте, успешность социализации в подростковом возрасте, начало самоидентификации в юношеском возрасте и др.).

В каком возрасте дети могут становиться клиентами психолога и какие проблемы они могут с ним решать? Клиент психолога способен осознать свою проблему (для чего необходимо развитие рефлексивности), самостоятельно обратиться за помощью – это доступно детям, находящимся на этапе перехода от младшего школьного возраста к подростничеству, когда достигается такой уровень развития, который позволяет им обращаться к своему внутреннему миру, фиксировать существование проблем и стремиться к их решению.

Наличие у ребенка каких-либо проблем может определить взрослый, который обеспокоен как трудностями самого ребенка, так и трудностями взаимодействия с ним. В связи с этим возникает несколько проблемных вопросов, которые должны быть проанализированы при конструировании и обосновании доказательных программ психологической помощи: 1) каковы мотивы обращения взрослых (родителей, педагогов) за помощью к психологу при возникновении проблем у детей? 2) насколько правильно (адекватно, точно) взрослые понимают проблему ребенка? 3) в какой степени образ ребенка у взрослого является реалистичным? 4) какова роль взрослых в порождении и разрешении психологических проблем ребенка?

Анализ психологической проблемы ребенка. Рассмотрим приложения категорий и теорий психического развития к анализу психологических проблем ребенка.

Биопсихосоциальная концепция первоначально была разработана для анализа происхождения психических расстройств [6]. В детской психологии биопсихосоциальная концепция является эффективной как для описания процесса и закономерностей психического развития ребенка, так и для изучения психологической проблемы ребенка, поскольку она предполагает рассмотрение системного действия биологического, психологического и социального факторов.

В контексте биологического фактора описываются те аспекты развития ребенка, которые характеризуют его как биологическое существо (телесные функции, питание и сон, режим дня, физическая активность); важной является характеристика врожденных черт темперамента, склонностей и задатков. Учитываются особенности функционирования нервной системы и головного мозга в детском возрасте, например созревание и работа функциональных блоков мозга.

При анализе биологического фактора необходимо выявить слабые звенья в развитии ребенка, которые могут выступить основой возникновения психологической проблемы; к таким звеньям относятся ослабленная соматическая система (например, частые простудные заболевания и аллергия способны привести к возникновению бронхиальной астмы как психосоматического расстройства; инертный тип нервной системы и темперамента может способствовать появлению у ребенка симптомов навязчивости, обсессивно-компульсивного расстройства; неадекватная нагрузка на слабый речедвигательный аппарат может вызвать появление заикания или элективного мутизма). При анализе проблемы ребенка также важно ориентироваться на возрастные уровни нервно-психического реагирования детей и подростков на различные вредности, описанные В. В. Ковалевым [7].

Психологические факторы определяют текущий уровень психического развития ребенка относительно

возрастных функциональных норм в разных областях, которые влияют на возникновение у него психологических проблем. Важно выявить устойчивые способы выражения ребенком своих потребностей, проанализировать когнитивные и эмоциональные процессы, оценить его возможности и ограничения в познании окружающей среды, которые определяют картину мира ребенка. При изучении психологической проблемы ребенка определяются стрессовые факторы, действующие на него в текущей ситуации.

Социальные факторы обусловливают влияние социокультурного контекста жизни ребенка (география, этнонациональные особенности, социоэкономический статус семьи). Особое внимание уделяется системе отношений ребенка со сверстниками и педагогами, системе внутрисемейных отношений. Возможности опоры на биопсихосоциальную концепцию при составлении программ психологической помощи обоснованы в ряде эмпирических исследований [8–12].

Примеры конструирования программ ППД, базирующихся на реализации конкретно-научных принципов. Программа 1 разработана для детей младшего школьного возраста с избирательным мутизмом [13], она относится к категории универсальных программ для данной категории детей. Данная программа может использоваться в работе с детьми старшего дошкольного возраста. Программа 2 разработана для конкретного ребенка, имеющего проблемы в отношениях с одноклассниками и демонстрирующего агрессивное поведение, поэтому она относится к категории индивидуализированных программ. Однако эта программа может быть использована для работы с детьми со сходными проблемами (экстернальные нарушения поведения).

Рассмотрим программу 1, предназначенную для детей с избирательным мутизмом. Запрос: ребенок (7 лет) владеет речью, но пользуется ею в ограниченных случаях (в определенном месте (дома), в общении с определенными людьми). Анализ проблемы на основе биопсихосоциального подхода предполагает построение концептуализации на основе сбора и изучение анамнеза, исследования истоков проблемы, этиологических факторов возникновения и развития мутизма у ребенка. Анализируются и учитываются семейная ситуация, детско-родительские отношения, понимание и объяснение родителями проблемы ребенка. Терапевтические отношения заключаются в реализации во взаимодействии с ребенком модели принимающего отношения с элементами эмпатической конфронтации, валидации реализуемой ребенком модели невербального общения с окружающими.

Цель терапии – увеличить число ситуаций, в которых ребенок использует речевое общение, и (или) количество лиц, с которыми он вступает в речевое общение. Задачи программы составлены на основе обследования и концептуализации, направлены на распад (деконструкцию) поддерживающих процессов, отражающих ранние дисфункциональные схемы; они основаны на понимании отсутствия у ребенка корригирующего опыта, ингибирующего использование избегающего дисфункционального поведения. На начальном этапе реализации программы психолог организует взаимодействие с ребенком без речевого общения, используя практические действия и изобразительную деятельность. К задачам относятся повышение уровня осознанности поведения ребенка, выявление и понимание поддерживающих его проблему процессов; коррекция дисфункциональных убеждений в составе ранних дисфункциональных схем, конституирующих проблемное поведение; формирование навыков адаптивного поведения по отношению к людям, включающего вербальные средства общения; ингибирование избегающего поведения на основе габитуации контекстуально дисфункциональной тревоги с использованием сформированных навыков общения. Поддерживающие проблему процессы представлены на рис. 1 и 2.

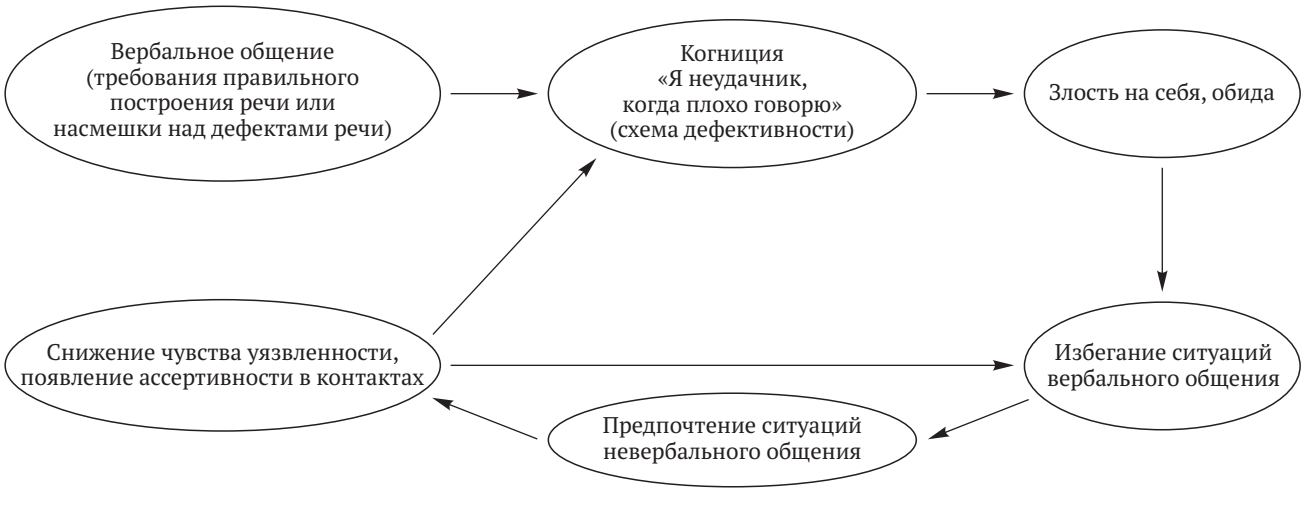

Рис. 1. Поддерживающий проблему процесс, 1 программа 1
Fig. 1. Problem-supportive process 1, programme 1

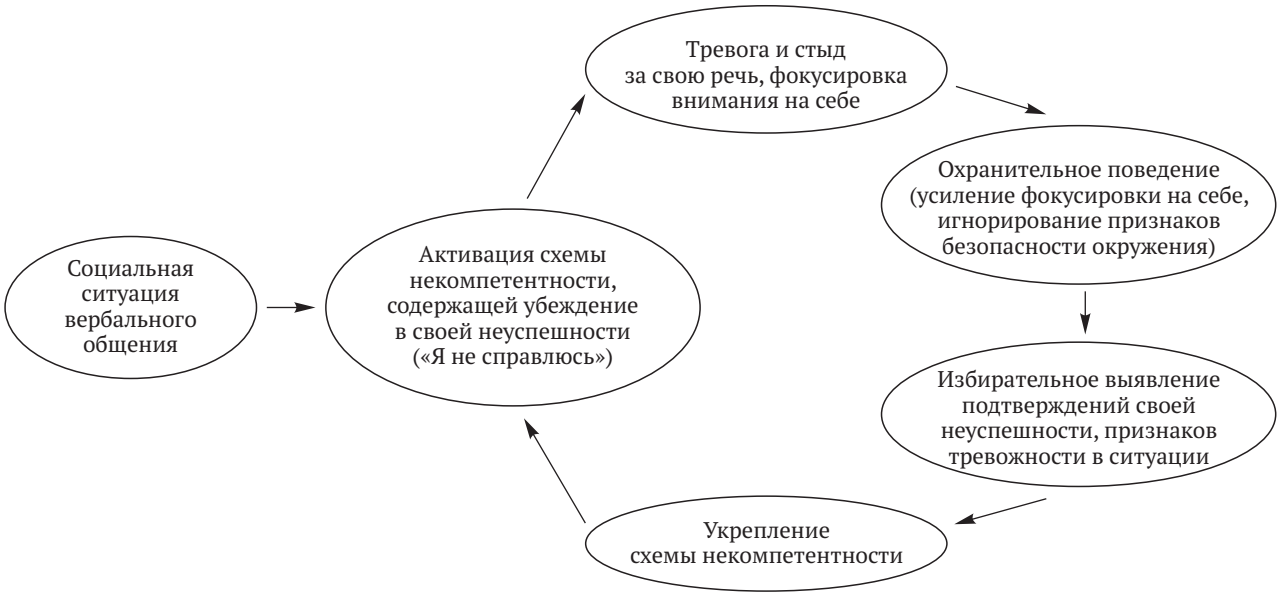

Рис. 2. Поддерживающий проблему процесс 2, программа 1
Fig. 2. Problem-supportive process 2, programme 1

Структура программы включает несколько модулей. Модуль 1 предполагает повышение уровня осознанности ребенка в отношении закономерностей функционирования его психики и в отношении проблемы (установление связей между требованиями к речи ребенка и его мыслями о своей неполноценности). Для реализации этой цели используются следующие методы: психообразование, сократический диалог, функциональный анализ ситуаций вербального и невербального общения (осознание связи когниций, эмоций и поведения, а также обратной связи со стороны среды, последствий поведения и их влияния на ребенка). Модуль 2 включает коррекцию и функционализацию дисфункциональных убеждений, конституирующих проблемное избегающее поведение («Я не справлюсь», «Я неудачник, если говорю плохо»), их влияния на эмоциональное состояние и поведение; формирование навыков когнитивного разделения. Для этого применяются следующие методы: когнитивная реструктуризация, поведенческий эксперимент, когнитивный континуум, практики когнитивного разделения (визуализирующие, майндфулнесс), работа с когнитивными искажениями по типу избирательного внимания. В рамках модуля 3 происходит обучение навыкам конструктивного вербального общения с людьми в условиях повышенной тревожности. Используются такие методы, как тренинг навыков, поведенческий эксперимент, ролевые игры, социальные истории, тренинг навыков пошаговой замены невербальных способов общения вербальными. Модуль 4 включает создание экспозиции к ситуациям вербального общения, контроль охранительного поведения (концентрация на себе и своих ощущениях).

Дополнительный модуль предполагает включение родителей и педагогов в процесс реализации программы. Его целью является обучение взрослых умениям оказания психологической помощи ребенку. Для реализации данной цели применяются следующие методы: психообразование; обучение родителей таким умениям, как валидирование потребности ребенка в любви и привязанности, признание его ценности вне зависимости от использования речевого общения; использование вербального общения в совместной деятельности; обучение педагогов организации конструктивного взаимодействия с ребенком с применением вербальных и невербальных средств.

Рассмотрим программу 2. Запрос: мальчик (9 лет), проблемное поведение в отношениях с одноклассниками (агрессия, негативизм). Анализ проблемы включает построение рабочей концептуализации на основе сбора и изучения анамнеза, описания ребенком проблемных ситуаций, семейной ситуации, детско-родительских отношений. Терапевтические отношения предполагают реализацию во взаимодействии с ребенком модели принимающего отношения с элементами эмпатической конфронтации, валидацию его стремления улучшить свое поведение и поддержку успехов ребенка в терапии.

Целью терапии является уменьшение количества проявлений проблемного поведения ребенка в отношениях с одноклассниками. Задачи составлены на основе обследования клиента и концептуализации. Они включают повышение уровня осознанности ребенка в отношении своего поведения, влияющих на него переменных, выявление и понимание поддерживающих проблему процессов; коррекцию дисфункциональных убеждений и правил жизни, конституирующих проблемное поведение; формирование ассертивного поведения в отношениях с одноклассниками; снижение уровня эмоциональной возбудимости и напряженности ребенка. Задачи направлены на деконструкцию поддерживающих проблему процессов. В соответствии с задачами и поддерживающими проблему процессами формируется структура коррекционной программы. Поддерживающие проблему процессы представлены на рис. 3, 4 и 5.

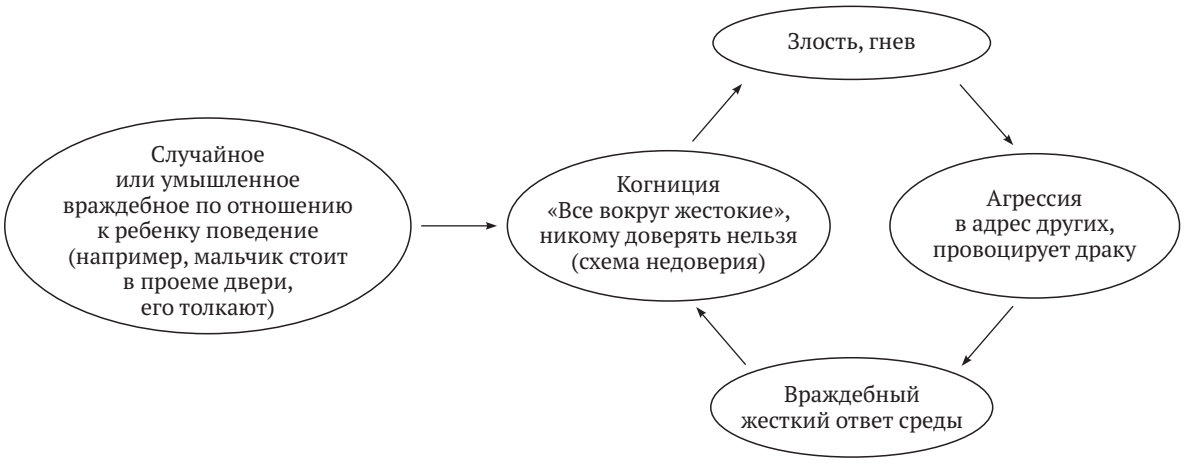

Рис. 3. Поддерживающий проблему процесс 1, программа 2
Fig. 3. Problem-supportive process 1, programme 2

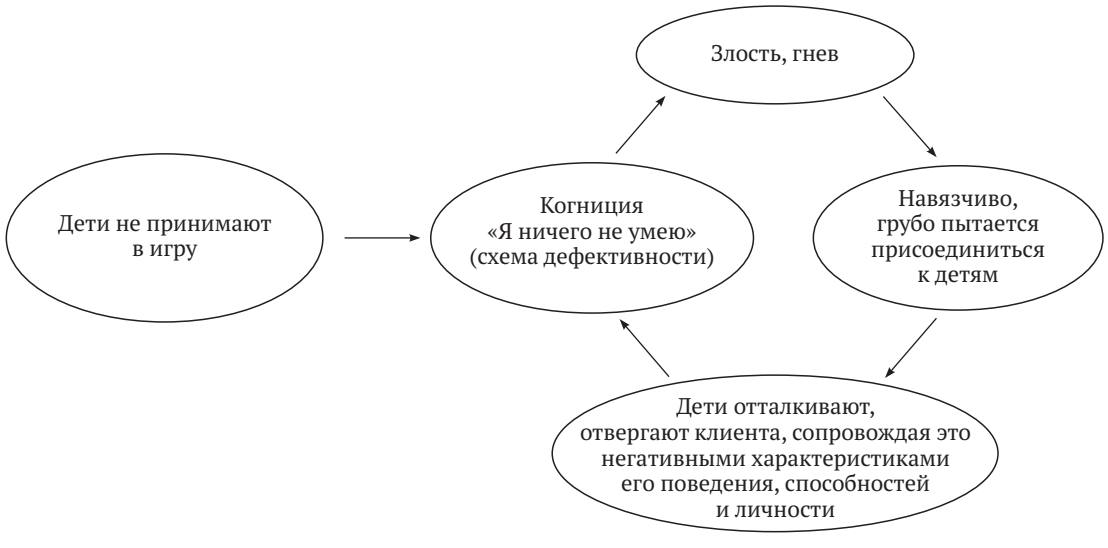

Рис. 4. Поддерживающий проблему процесс 2, программа 2
Fig. 4. Problem-supportive process 2, programme 2

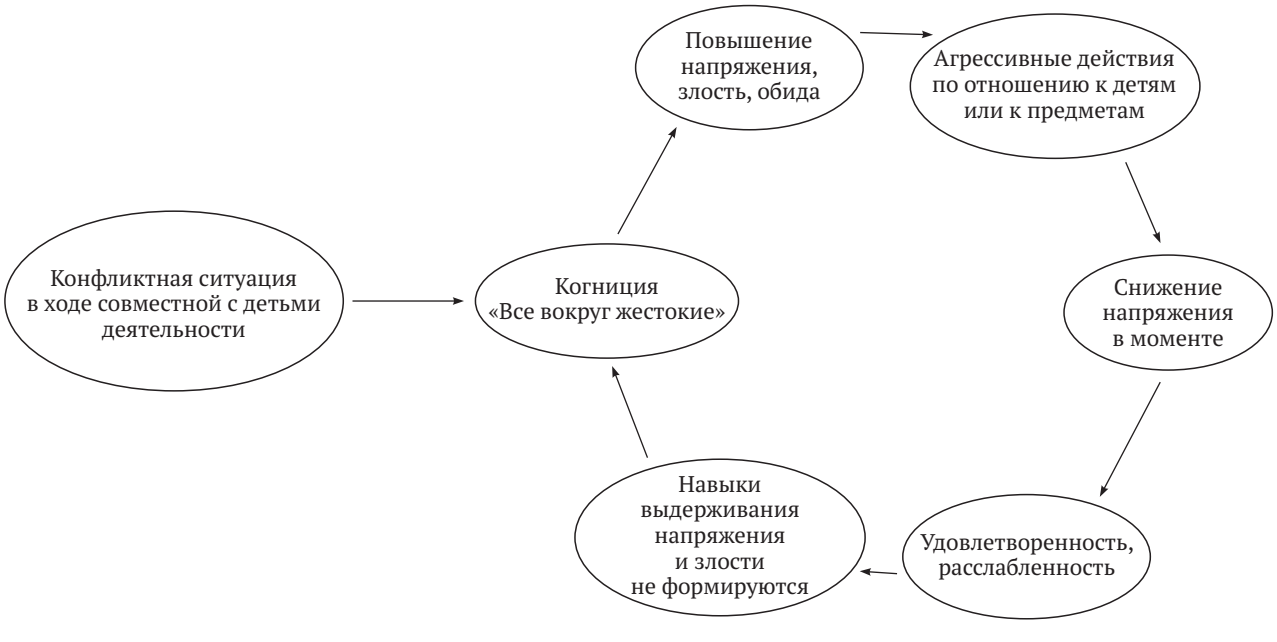

Рис. 5. Поддерживающий проблему процесс 3, программа 2
Fig. 5. Problem-supportive process 3, programme 2

Структура программы включает несколько модулей. Модуль 1 предполагает повышение уровня осознанности ребенка в отношении закономерностей функционирования его психики и в отношении проблемы. Для реализации этой цели используются такие методы, как психообразование, сократический диалог, функциональный анализ ситуаций ребенком, осознание связи когниций, эмоций и поведения, а также обратной связи со стороны среды (влияние последствий поведения ребенка на взгляды и убеждения, сочинение социальных историй). Модуль 2 включает коррекцию и функционализацию дисфункциональных убеждений и правил жизни, конституирующих проблемное поведение («Я ничего не умею»; «Все вокруг жестокие»), обучение методам работы с негативными автоматическими мыслями. Психолог применяет следующие методы: когнитивная реструктуризация, поведенческий эксперимент, когнитивный континуум, «пирог ответственности», практики когнитивного разделения и др. В рамках модуля 3 программы происходит обучение навыкам ассертивного общения со сверстниками и защиты своей позиции, способам конструктивного проявления инициативы. Ведущими методами выступают тренинг навыков, поведенческий эксперимент, ролевые игры. Модуль 4 включает обучение эффективным способам ослабления эмоциональной напряженности, толерирования напряжения без его немедленного снижения. Методами такого обучения выступают техники релаксации, практики осознанности.

Целью дополнительного модуля 1 выступает активизация учебной деятельности ребенка, развитие его умения учиться в целях повышения уровня успеваемости как основы формирования уверенности в себе. Дополнительный модуль 2 предполагает включение родителей и учителя в процесс реализации программы. Целью родителей выступает освоение приемов реализации ППД, психообразование. Целью педагога является овладение приемами взаимодействия с ребенком, способствующими более конструктивному поведению ребенка.

Таким образом, можно говорить о том, что эксплицированные нами ранее методологические принципы в целом применимы к разработке целенаправленных программ ППД. Анализ реализации принципов в вышеописанных программах представлен в таблице.

Реализация методологических принципов

Implementation of methodological principles

Методологические принципы	Реализация принципов в рамках программы 1	Реализация принципов в рамках программы 2
Адаптивность к культурно-средовым условиям	Учет социальных норм речевого общения. Ориентация на помощь ребенку в адаптации к среде	Учет школьных и социальных норм поведения. Формирование адаптивных способов взаимодействия с окружающими
Диалектическое единство модусов принятия и изменений	Принятие текущего состояния ребенка при одновременном мягком побуждении к расширению его речевых возможностей. Обучение клиента принятию себя и своего стремления адаптироваться к условиям среды. Аналогичное обучение родителей принятию ребенка, его особенностей и возможностей изменений	Принятие ребенка, его потребностей и стимулирование у него конструктивных изменений в поведении через осознание и корректировку дисфункциональных убеждений. Обучение клиента принятию себя, своих ценностей и стремления быть в коллективе, выявление факта несоответствия поведения ребенка ситуации
Язык как фактор патологизации и инструмент психокоррекции	Валидация роли речи ребенка в социальной адаптации, поэтапное введение вербальных элементов в безопасных условиях	Использование вербальных техник психокоррекции. Анализ автоматических мыслей и убеждений, связанных с агрессивным поведением, когнитивная реструктуризация дисфункциональных убеждений
Учет контекста поведения и мышления	Представление исходной проблемы как речевого поведения, не соответствующего контексту ситуации развития и социализации ребенка. Анализ факторов, поддерживающих мутизм, работа с родителями и педагогами, включение контекстуальных изменений в процесс терапии	Рассмотрение детско-родительских отношений, школьной среды, способов реагирования взрослых на агрессивное поведение, сопоставление их с поведением ребенка
Ориентация на процессы, поддерживающие проблему или расстройство	Проведение работы с поддерживающими циклами. Деконструкция избегания речевого общения, осознание последствий молчания, устранение поддерживающих факторов	Проведение работы с поддерживающими циклами, когнитивными схемами, создание условий для осознания роли эмоций и автоматических реакций в возникновении проблемного поведения

Окончание таблицы
Ending of the table

Методологические принципы	Реализация принципов в рамках программы 1	Реализация принципов в рамках программы 2
Ориентация на интеграцию инструментов, появившихся в рамках разных школ и подходов	Использование поведенческих и когнитивных техник, создание экспозиции к ситуациям вербального общения, функциональный анализ, когнитивная реструктуризация, проведение поведенческого тренинга и др.	Применение когнитивных и поведенческих техник, техник релаксации, стратегии эмоциональной регуляции, тренинга ассертивности, практик осознанности и др.
Интеграции когнитивного и метакогнитивного уровней работы с мышлением	Осознание ребенком своих убеждений о речи и молчании, анализ их влияния на эмоции и поведение	Формирование у ребенка способности анализировать свое поведение, осознавать причинно-следственные связи между мыслями и реакциями
Ориентация на проверяемость эффективности программы и предсказуемость ее эффектов	Формирование четко заданных критериев прогресса, расширение ситуаций речевого общения, уменьшение тревожности	Отслеживание динамики снижения агрессивных реакций, улучшение социальных взаимодействий
Нацеливание программы на решение конкретных задач	Увеличение числа ситуаций, в которых ребенок использует речь	Снижение проявлений агрессивного поведения, формирование ассертивности
Ориентация на осознанность	Освоение ребенком связи между его мыслями, эмоциями и поведением, понимание им механизмов своего молчания	Формирование у ребенка навыков самонаблюдения, осознание своих эмоций и автоматических реакций
Ориентация программы на овладение человеком собственным поведением и мышлением	Постепенное вовлечение ребенка в процесс осознанного выбора стратегий общения	Развитие способности контролировать агрессивные импульсы, применять новые стратегии взаимодействия
Ориентация на эмпирически обоснованную модель психики	Применение биопсихосоциального подхода к возникновению проблемы, когнитивной модели	Использование когнитивной модели
Транспарентность эффектов психотехник	Использование транспарентных с точки зрения психологической науки техник (психообразование, экспозиция, когнитивная реструктуризация, функциональный анализ, поведенческие эксперименты, когнитивное разделение и др.)	Применение транспарентных с точки зрения психологической науки техник (психообразование, когнитивная реструктуризация, техники релаксации, техники осознанности, поведенческие эксперименты, когнитивное разделение и др.)
Клиент-центрированность	Учет индивидуальных особенностей ребенка, его готовности к изменениям, включение родителей и педагогов в терапию	

Заключение

Программы ППД, построенные в парадигме доказательной психотерапии, включают разные виды профессиональной деятельности психолога (диагностическую, коррекционно-развивающую, терапевтическую, просветительскую, консультационную), что обеспечивает полноту реализации профессиональной позиции и профессиональных возможностей психолога. Программы ППД, построенные на основании апплицирования разработанных Д. Г. Дьяковым конкретно-научных методологических принципов, могут рассматриваться как эффективные. Модули предложенных программ ориентированы на фрагментацию процессов, поддерживающих проблему, функционализацию поведения ребенка и повышение его социальной адаптированности.

Библиографические ссылки

1. Дьяков ДГ, Валитова ИЕ. Теоретико-методологические основания конструирования программ психологической помощи детям в контексте когнитивно-поведенческой (доказательной) психотерапии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;2:64–71. EDN: LTOFPO.

2. Дьяков ДГ. Методологический схизис современной доказательной психотерапии: проблемы и пути выхода. Часть 1. *Консультативная психология и психотерапия.* 2025;33(2):9–30. DOI: 10.17759/cpp.2025330201.

3. Выготский ЛС. *Собрание сочинений. Том 4, Детская психология*. Москва: Педагогика; 1984. 432 с.
4. Флейвелл ДжХ. *Генетическая психология Жана Пиаже.* Москва: Просвещение; 1967. 623 с.
5. Эльконин ДБ. *Избранные психологические труды*. Москва: Педагогика, 1989. 560 с.
6. Холмогорова АБ, Рычкова ОВ. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? *Социальная психология и общество.* 2017;8(4):8–31. DOI: 10.17759/sps.2017080402.
7. Ковалев ВВ. *Психиатрия детского возраста.* Москва: Медицина; 1979. 608 с.
8. Ахутина ТВ, Пылаева НМ. Методология нейропсихологического сопровождения детей с неравномерностью развития высших психических функций. *Школа здоровья*. 2002;2:14–20.
9. Солнцева ЛИ. *Тифлопсихология детства*. Москва: Полиграф сервис; 2000. 250 с.
10. Ульенкова УВ. *Шестилетние дети с задержкой психического развития*. Москва: Педагогика; 1990.184 с.
11. Семаго ММ, Семаго НЯ. *Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога*. Москва: Аркти; 2001. 208 с.
12. Шматкова ИВ. Базовые потребности ребенка раннего возраста и его эмоциональное благополучие. *Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук*. 2008;3:105–112.
13. Раттер М. *Помощь трудным детям*. Спиваковская АС, редактор; Баженова ОВ, Гаузе ГГ, переводчики. Москва: Прогресс; 1987. 420 с.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2025.
Received by editorial board 05.03.2025.

УДК 159.92

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ РЕЗИЛИЕНТНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

О. Н. ВЕРБИЦКАЯ[1)]***, Г. А. ФОФАНОВА***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Представлены результаты анализа зарубежных научных исследований психологической резилиентности. Выделены четыре волны в изучении данного феномена. Первая волна носила феноменологический характер, ученые стремились выявить специфические особенности резилиентных индивидов. В рамках второй волны исследований ученые были сосредоточены на изучении влияния средовых факторов на резилиентность индивида. Третья волна – период интервенционных исследований и экспериментальных вмешательств в целях изучения способов повышения резилиентности. В ходе четвертой волны психологи исследовали резилиентность как многоуровневый феномен, изучение которого предполагает взаимодействие психологии с другими областями научного знания.

Ключевые слова: резилиентность; концепции резилиентности; четыре волны исследований резилиентности.

Благодарность. Авторы выражают благодарность доктору филологических наук, профессору Д. И. Ермоловичу за консультативную помощь в корректной транслитерации термина *resilience*.

THE DEVELOPMENT OF CONCEPTS OF THE RESILIENCE PHENOMENON IN FOREIGN PSYCHOLOGY

O. N. VERBITSKAYA[a]***, G. A. FOFANOVA***[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*
Corresponding author: O. N. Verbitskaya (verbitskaya.psy@gmail.com)

Abstract. The article presents the results of an analysis of international scientific research on psychological resilience. Four waves of research on this phenomenon are identified. The first wave was phenomenological in nature, with scientists seeking to identify the specific characteristics of resilient individuals. In the second wave of research, scientists focused on the influence of environmental factors on individual resilience. The third wave was a period of intervention studies and experimental interventions aimed at exploring ways to enhance resilience. During the fourth wave, psychologists examined resilience as a multi-layered phenomenon, the study of which involves interaction between psychology and other fields of scientific knowledge.

Keywords: resilience; resilience concepts; four waves of resilience research.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to doctor of science (philology), professor D. I. Ermolovich for his advisory assistance in the correct transliteration of the term *resilience*.

Образец цитирования:
Вербицкая ОН, Фофанова ГА. Развитие представлений о феномене резилиентности в зарубежной психологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;3:70–78.
EDN: SBISFN

For citation:
Verbitskaya ON, Fofanova GA. The development of concepts of the resilience phenomenon in foreign psychology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:70–78. Russian.
EDN: SBISFN

Авторы:
Ольга Николаевна Вербицкая – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.
Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
Olga N. Verbitskaya, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
verbitskaya.psy@gmail.com
Galina A. Fofanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fofanovaga@yandex.ru

Введение

Тренд на междисциплинарность в науке, научных исследованиях и подходах обусловливает закономерность и необходимость проникновения научных терминов и понятий из одних областей знания в другие. Так, термин *resilience*, согласно Оксфордскому словарю английского языка впервые употребленный Ф. Бэконом в 1626 г. как понятие из области естественных наук, в настоящее время становится все более востребованным в психологии, экономике, политологии, педагогике, истории и других научных сферах[1]. Считается, что широкое распространение этот термин получил после генеральной конференции Международной организации труда, созванной в Женеве в 2017 г.[2] И если до 2017 г. на ресурсе *elibrary.ru* за все время были размещены 22 русскоязычные публикации, посвященные феномену резилиентности, то к 2024 г. количество научных работ по рассматриваемой проблематике возросло до 561. Кроме того, тот факт, что в актуальном мире становление и развитие личности происходит в условиях молниеносного доступа к огромным объемам накопленной человечеством информации, не ограниченного ни расстояниями, ни языковым барьером, стимулирует активное пополнение вокабулярия современного *homo digital* (*homo informaticus)* новыми терминами и понятиями, заимствованными из иноязычных источников. По данным ресурса *wordstat.yandex.ru*, количество запросов русскоязычных интернет-пользователей по теме «резилиентность» возросло с 2481 в 2018 г. до 12 318 в 2024 г. Несмотря на бесспорный интерес к феномену резилиентности со стороны представителей житейской и научной психологии, в настоящее время ни в русскоязычной, ни в зарубежной научной среде нет единой дефиниции, понимания резилиентности и подхода к ее определению. Кроме того, до сих пор не достигнут консенсус в написании термина кириллицей, и в работах отечественных психологов встречаются варианты «резилиенс», «резилиантность», «резилентность», «резильентность». Таким образом, изучение, исследование и систематизация знаний по проблематике резилиентности является актуальной задачей.

Основная часть

В соответствии с этимологическим словарем термин *resilience* (лат. *re* – назад, *salire* – прыгать, скакать), означающий «акт отскока или отскакивания назад», вошел в обиход в физических науках с 1824 г. в значении «упругость, способность возвращаться в первоначальную форму после сжатия и т. п.»[3]. Мы разделяем точку зрения профессора лингвистики Д. И. Ермоловича, согласно которой корректным русскоязычным вариантом термина *resilience* является «резилиентность»[4].

В зарубежной психологии проблематика резилиентности интенсивно разрабатывается с 1960–70 гг. и остается одним из ключевых направлений исследований в медицинской и клинической психологии, психологии спорта, психологии развития, социальной, организационной психологии, психологии труда и др. Популярность темы обусловила появление множества концепций и дефиниций резилиентности. Так, одной из первых теорий резилиентности в психологии является концепция эго-резилиентности Джека и Джин Блок, разработанная в проблемном поле адаптивности индивида [1]. Авторы разводят понятия «приспособление к окружающей среде» и «адаптированность к окружающей среде», отмечая, что приспособленный человек, в отличие от адаптированного, может не быть психологически здоровым и благополучным. Концепция эго-резилиентности была создана как психологическая абстракция для описания способности человека к адаптации наряду с конструктами «метакогнитивные компоненты интеллекта» (А. Браун, Р. Стернберг), «социальный интеллект» (Н. Кантор, М. Форд, М. Тисак, Д. Китинг), «эмоциональный интеллект» (П. Сэловей, Дж. Мейер), «конструктивное мышление» (С. Эпштейн) и др. Используя терминологию З. Фрейда, под эго-резилиентностью Джек и Джин Блок подразумевают динамическую способность индивида изменять характерный уровень контроля *Эго* в любом направлении в зависимости от требований и особенностей контекста окружающей среды, чтобы сохранить или усилить равновесие системы. В зависимости от воздействующего психологического давления эго-резилиентность подразумевает способность изменяться, а также способность возвращаться к характерному для индивида уровню контроля *Эго* после того, как временное, требующее адаптации стрессовое воздействие больше остро не ощущается [1]. Таким образом, согласно рассматриваемой концепции эго-резилиентность – способность личности приводить в состояние равновесия управляющие ею принцип удовольствия и принцип реальности. Феномен резилиентности подразумевает обобщенное, характерологическое качество личности и не относится только к узкоспецифическому однократному поведению. Эго-резилиентность представлена в виде континуума, на одном конце которого располагаются

[1]Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.oed.com/dictionary/resilience_n?tl=true (date of access: 18.02.2025).
[2]Yermolovich.ru : сайт. URL: https://yermolovich.ru/board/1-1-0-2992 (дата доступа: 18.02.2025).
[3]Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.etymonline.com/word/resilience (date of access: 18.02.2025).
[4]Yermolovich.ru : сайт. URL: https://yermolovich.ru/board/1-1-0-2992 (дата доступа: 18.02.2025).

эго-резилиентные личности, а на другом – эго-хрупкие личности.

Начало становления науки о резилиентности, как называет эту область научного знания Э. С. Мастен, связано с выявлением исследователями этиологии психопатологий и нарушений развития особой группы индивидов, отнесенных к группе риска (жестокое обращение в детстве, психологическая травма в результате катастрофы или военных действий, нищета, насилие и др.), но неожиданно продемонстрировавших хорошую адаптивность, компетентность и хорошее здоровье [2]. Научный интерес к феномену резилиентности обозначил качественно новый этап в психологии и психопатологии, по сути, парадигмальный сдвиг: фокус внимания ученых сместился с исследования факторов риска психических расстройств, нарушений развития и адаптации на изучение предикторов психологического благополучия, здоровья и позитивного развития в неблагоприятных жизненных условиях; в центре исследовательского интереса оказалось психическое здоровье, а не болезнь.

В изучении проблематики резилиентности зарубежные психологи (Э. С. Мастен, М. Райт, А. Нараян и др.) выделяют четыре волны. Первая волна характеризуется феноменологическим подходом, в ее ходе исследователи решали задачу по выделению основных характеристик, базовых свойств и черт резилиентного индивида. В рамках второй волны исследований ученые сосредоточились на объяснении механизмов того, как эти обнаруженные качества обусловливают лучшую адаптивность, на изучении процессов резилиентности; они начали учитывать контекст развития индивида, т. е. микро- и макросреду, в которой происходит становление человека. Пионерами в этой отрасли психологического знания стали Э. Э. Вернер, М. Раттер и Н. Гармези [3].

Специалист в области психологии развития Э. Э. Вернер возглавила ставшее классическим тридцатилетнее лонгитюдное исследование резилиентности на выборке детей, рожденных в 1955 г. на о. Кауаи. Среди испытуемых была выделена группа риска (треть респондентов). К рискованным в дизайне исследования были отнесены следующие обстоятельства жизни детей: перинатальный стресс на уровне выше умеренного, бедность, низкий уровень образования матери, жизнь в ситуации перманентного семейного конфликта, покинутость, алкоголизм или психические заболевания в анамнезе родителей. По результатам исследования треть детей из группы риска (10 % от общего числа участников) были признаны резилиентными. Э. Э. Вернер и Р. С. Смит рассматривают резилиентность как «способность эффективно справляться с внутренними и внешними стрессорами»[5] [4, p. 59]. Под внутренними стрессорами подразумеваются индивидуальные уязвимости человека (лабильные паттерны автономной реактивности, дисбаланс развития, гиперчувствительность и др.), т. е. эндогенные факторы, под внешними стрессорами – травматичные события, такие как болезни, значимые потери, распад семьи и др., т. е. экзогенные факторы. Авторы дают резилиентным детям следующее описание: это дети, которые «хорошо работали, хорошо играли, хорошо любили и ожидали хорошего» [4, p. 59]. Э. Э. Вернер и Р. С. Смит сделали несколько ключевых выводов из исследования, которые стали постулатами их теории резилиентности.

1. В период младенчества резилиентные индивиды на уровне индивидуальных особенностей характеризуются активностью и отсутствием особенностей сна и привычек в еде, которые беспокоили бы их родителей; в период раннего детства – проявлением бдительности и автономии, поиском новых впечатлений, положительной социальной ориентацией, развитыми навыками общения, передвижения и самообслуживания; в период младшего школьного возраста – хорошими отношениями с одноклассниками, способностью читать и рассуждать, наличием множества интересов, хобби; в подростковый период – позитивной самооценкой, самоотношением, внутренним локусом контроля, заботливостью, ответственностью, ориентированностью на достижения, наличием одного, а обычно и нескольких близких друзей; в период взрослости – ориентацией на достижения, успех в карьере, на работе, личной компетентностью, решимостью, признанием ценности образования, семьи, супруга, веры.

2. На уровне семьи защитными факторами резилиентности являются малое количество сиблингов; небольшой опыт разлучения с родителями; отсутствие длительных разлук с родителями в течение первого года жизни; тесная связь с одним из воспитывающих взрослых, опекуном; наличие семейных правил и ежедневных домашних обязанностей.

3. На социальном уровне резилиентности способствуют наличие неформальных сетей поддержки (церковь, работа), а также авторитетного взрослого, не являющегося родителем (например, любимый учитель, тренер и др.) [5].

Автор множества исследований и самой цитируемой статьи по проблематике резилиентности, отец детской психиатрии М. Раттер определяет феномен резилиентности как «способность некоторых людей иметь относительно хороший психологический результат, несмотря на перенесенный рискованный опыт, который, как ожидалось, мог бы привести к серьезным последствиям» [6, p. 1]. Концепт «резилиентность» рассматривается в теории Раттера как интерактивный, сочетающий в себе опыт серьезного риска и положительный психологический результат, несмотря на этот опыт. М. Раттер подчеркивает,

[5]Здесь и далее перевод наш. – *О. В., Г. Ф.*

что резилиентность не должна рассматриваться как аналог таких понятий, как «социальная компетентность» или «хорошее психическое здоровье». В интерактивной теории резилиентности Раттера есть несколько ключевых положений.

1. Резилиентность может быть ответом не только на неблагоприятные ситуации, но и на события, которые являются нейтральными или положительными в одном контексте, но могли бы быть идентифицированы как негативные в другом контексте (например, развод родителей – травматичное, негативное для ребенка событие, но в случае продолжающегося в семье насилия над ним развод можно рассматривать как позитивные перемены в жизни ребенка. Таким образом, ситуация развода приобретает иную трактовку).

2. Резилиентность может формироваться как результат многократного успешного преодоления кратковременных негативных событий (аналогично механизму действия прививки). В таком случае наблюдается эффект закаливания – снижение чувствительности к стрессорам.

3. Предикторами резилиентности являются психологические особенности (планирование, самоконтроль, самоанализ (саморефлексия), чувство агентности, уверенность в себе, решимость), наличие гармоничных социальных отношений, поворотные моменты (отсечение прошлого и открытие новых возможностей), взаимодействие генотипа и окружающей среды (в зависимости от биологической предрасположенности индивиды различаются по степени восприимчивости как отрицательных, так и положительных стимулов окружающей среды) [7].

Специализирующийся в области психопатологии развития Н. Гармези известен своими работами по проблематике резилиентности, преодоления трудных жизненных ситуаций, риска и стресса. Он определяет резилиентность как способность индивида восстанавливать свое функционирование после воздействия невзгод, «способность снова вернуться к тем паттернам адаптации и компетенции, которые характеризовали индивидуума в дострессовый период» [8, p. 129]. Автор акцентирует важность различения понятия «неуязвимость», предполагающего неподверженность в принципе какому-либо физическому или психическому урону, и понятия «резилиентность», предусматривающего функциональную гибкость человека, который находится в травмирующей ситуации. Таким образом, резилиентный индивид в неблагоприятных жизненных обстоятельствах «может согнуться, потерять часть своей силы и способности, но затем восстановиться и вернуться к прежнему уровню адаптации» [8, p. 129]. Кроме того, резилиентный индивид способен поддерживать «компетентное функционирование, несмотря на мешающую эмоциональность» [9, p. 500]. Н. Гармези, используя в своих работах термины «резилиентное функционирование» и «компетентное функционирование» как синонимы, отождествляет феномен резилиентности с понятием «компетентность». Кроме того, автор обращает внимание на то, что резилиентность не является статической чертой индивида, а носит динамический характер и находится в постоянной взаимосвязи с его внешними и внутренними ресурсами, с одной стороны, и накапливающимися стрессовыми переживаниями, с другой стороны. Иными словами, резилиентность может снижаться под воздействием кумулятивного риска на протяжении жизни и повышаться в результате появления в жизни индивида большего числа защитных факторов. Согласно концепции Гармези существуют три группы защитных факторов: 1) индивидуальные факторы (диспозиционные черты, например, темперамент (уровень активности), способность справляться с новыми ситуациями (позитивная отзывчивость по отношению к другим) и когнитивные навыки); 2) семейные факторы (семейная сплоченность и теплота, несмотря на бедность или супружеские разногласия, наличие заботливого взрослого при отсутствии отзывчивых родителей (например, бабушки либо дедушки) или забота родителей о благополучии своих детей); 3) факторы поддержки (внешние по отношению к семье факторы, включающие доступность и возможность использования родителями и детьми внешних систем поддержки, наличие замещающей родительской фигуры, поддерживающий и заботливый учитель (институциональная структура), который обеспечивает связь с более широкой общиной (например, церковью)) [8].

Клинический психолог, автор книг и многочисленных исследовательских работ в области развития резилиентности, директор проекта *Competence Research on Risk and Resilience*, направленного на исследование психологической резилиентности с акцентом на процессы, которые ведут к позитивной адаптации молодых людей, чья жизнь находится под угрозой из-за невзгод, Э. С. Мастен занимается разработкой феномена резилиентности с 1990-х гг. В своих первых работах Э. С. Мастен определяла резилиентность как «процесс, способность или результат успешной адаптации, несмотря на сложные или угрожающие обстоятельства» [10, p. 426]. По мере накопления эмпирических данных, расширения и углубления теоретического понимания феномена резилиентности закономерно изменялись дефиниции термина. Так, в 2011 г. Э. С. Мастен определяет резилиентность как «способность динамической системы выдерживать значительные вызовы, угрожающие ее стабильности, жизнеспособности или развитию, либо восстанавливаться после них» [11, p. 494], а в 2014 г. – как «способность динамической системы успешно адаптироваться к нарушениям, угрожающим функционированию, жизнеспособности или развитию системы» [12, p. 6]. Таким образом, из

последнего определения Э. С. Мастен исключила понятие «выдерживать» и добавила термин «адаптироваться», что указывает на принципиально иной базовый механизм резилиентности и дает основания отличать феномен резилиентности от иных, ошибочно используемых как синонимичные, но не являющиеся таковыми (например, стрессоустойчивость, жизнестойкость, психологическая устойчивость, психологическая резистентность). Теория резилиентности, разработанная Э. С. Мастен и ее коллегами Дж. Дж. Кутули, Дж. Э. Херберс, М.-Г. Рид в рамках психологии развития, имеет несколько основных положений.

1. Резилиентность подразумевает, что «индивиды будут функционировать по крайней мере так же хорошо, как ожидает их культура и контекст, несмотря на значительные трудности или риски, угрожающие такому функционированию» [13, p. 174]. Таким образом, при изучении резилиентности исследователь должен дать определение двум ключевым понятиям: 1) критериям положительной адаптации или развития (ожидаемое поведение, обусловленное культурой и контекстом); 2) условиям, которое могут привести к нарушению положительной адаптации или нанести вред развитию, наблюдаемый в текущей ситуации или в прошлом.

2. Исследование резилиентности проводится с помощью двух подходов: 1) подхода, предполагающего ориентацию на переменные (изучение статистических связей между конкретными защитными факторами и определенными аспектами адаптации); 2) подхода, подразумевающего ориентацию на личность (выявление различий между резилиентными и нерезилиентными индивидами).

3. Защитные факторы, представляющие собой измеримые характеристики группы индивидов или их трудной жизненной ситуации, которые предсказывают положительный результат адаптации или развития в контексте риска или невзгод, действуют на трех уровнях: 1) на индивидуальном уровне (самоэффективность, самооценка, навык решения проблем, положительные отношения, вера или духовность, юмор); 2) семейном уровне (родительская любовь и поддержка, наличие высоких ожиданий и структуры воспитания, связи с другими значимыми взрослыми и просоциальными сверстниками, романтические отношения); 3) общественном уровне (социальные институты, обеспечивающие возможности для обучения и развития талантов, поддержку культурных и религиозных традиций и др.) [13, p. 182].

4. Факторы риска являются измеримыми характеристиками группы индивидов или их трудной жизненной ситуации и предсказывают определенный измеримый отрицательный результат. К основным факторам риска относятся преждевременные роды, развод, жестокое обращение, подверженность домашнему насилию, родительские болезни или психопатология, бедность, бездомность, детские болезни, такие как рак, и массовые (на уровне сообщества) травмы войны и стихийные бедствия. В то же время стрессовые жизненные события являются одним из факторов риска [13, p. 178]. Несколько факторов риска, в том числе хронических, часто возникают одновременно и накапливаются, т. е. носят кумулятивный характер. Накопительный риск оценивается с помощью индекса риска (сумма факторов риска, присутствующих в жизни индивида, обычно включая ряд переменных, обусловленных социодемографическим статусом индивида) и баллов стрессовых жизненных переживаний (сумма негативных жизненных событий или переживаний, с которыми столкнулся индивид в течение определенного периода времени).

Таким образом, в рамках второй волны исследования резилиентности проводились в своем большинстве в рамках психологии развития в тесном сотрудничестве с психопатологами и специалистами в области нарушения развития. Большое влияние на прогресс зарубежной науки о резилиентности в этот период оказали идеи общей теории систем, разработанной Л. фон Берталанфи. На передний план вышли проблемы изучения контекста формирования резилиентности, была выявлена динамическая природа феномена, подчеркнута необходимость учета биологического, социального и культурного контекстов, резилиентность стала рассматриваться как процесс или набор процессов.

Третья волна разработки проблематики резилиентности была периодом внедрения полученных исследовательских результатов в практику. Отмеченный на предыдущем этапе динамический характер резилиентности обусловил фокусировку внимания ученых на возможных интервенциях в целях содействия лучшей адаптации индивидов, находящихся в группе риска по развитию психопатологии; на путях формирования резилиентности через смягчение факторов риска, усиление воздействия защитных факторов или благоприятное изменение медиаторов риска (невзгод).

Так, С. Ваништендаль разработал практико-ориентированную модель *Casita*, представляющую собой инструмент формирования психологической резилиентности. Данная модель предполагает определение факторов резилиентности, защитных факторов, ресурсов личности; она может быть использована как в индивидуальной, так и в групповой работе, подходит для работы с индивидами, имеющими разный уровень образования, в том числе с детьми и неграмотными людьми. Цель применения модели *Casita* – «искать, помимо проблем, положительные стороны, которые позволят выстроить/перестроить жизнь» [14, с. 61]. С. Ваништендаль определяет резилиентность как «способность людей

или группы лиц позитивно развиваться в очень трудных условиях» [14, с. 25]. В работах автора акцент сделан не только на возврате к исходному психическому состоянию, но и на развитии индивида через преодоление трудных жизненных ситуаций. С. Ваништендаль сформировал такие критерии резилиентности, как определенная автономность, самостоятельность, способность жить в обществе, решать проблемы, обращаться за социальной поддержкой при необходимости; положительная реалистичная самооценка; способность строить планы, реализовывать свои проекты; умение поддерживать длительные социальные отношения; способность к самопожертвованию; умение применять позитивные знания и навыки, полученные ранее [14, с. 30].

Исследования резилиентности на третьем этапе представляют собой в основном рандомизированные контролируемые испытания и квазиэкспериментальные исследования, направленные на изучение потенциала трех стратегий: 1) интервенции, нацеленной на снижение влияния факторов риска; 2) вмешательства, заключающегося в усилении воздействия поддерживающих факторов; 3) влияния на формирование и развитие защитных факторов [15]. Так, группа ученых из Нидерландов провела метаанализ исследований, выполненных в рамках первой стратегии и направленных на изучение эффективности различных интервенций в области такого фактора риска, как жестокое обращение с ребенком [16]. В результате метаанализа авторы выделили следующие предикторы жестокого обращения с детьми: родительский опыт жестокого обращения в его собственном детстве (межпоколенческая передача жестокого обращения); низкий социально-экономический статус семьи; зависимая и агрессивная личность родителя; насилие со стороны интимного партнера родителя; более высокая базовая активность автономной нервной системы. Самыми эффективными оказались интервенции, осуществленные в рамках разработанных программ вмешательства, которые предполагают обучение родителей (например, «Мультисистемная терапия жестокого обращения с детьми и пренебрежения ими»), терапия взаимодействия родителей и детей, а также программы по сокращению потребления алкоголя во время беременности. Исследователи сделали акцент на недостаточности, а соответственно, на необходимости проведения исследований, направленных на выявление и изучение нейробиологических предпосылок возникновения факторов риска.

В рамках стратегии вмешательства, заключающегося в усилении воздействия поддерживающих факторов, проводятся исследования эффективности таких мероприятий, как обеспечение едой, водой, убежищем, медицинской и материальной помощью [17]; предоставление репетитора, медсестры или опекуна [18]; организация досуговых центров [18]; просвещение родителей и учителей о процессе развития ребенка, эффективных методах его воспитания и обучения [19]; восстановление инфраструктуры общественных услуг после катастроф, разрушений [18] и др.

Стратегия исследовательской активности по изучению эффективности способов влияния на формирование и развитие защитных факторов резилиентности индивида реализуется в виде различных мероприятий, тренингов, психотерапевтических интервенций, направленных на освоение и совершенствование навыков саморегуляции, самоэффективности, эмоционального интеллекта и др. Так, группа ученых из Бельгии разработала программу для улучшения навыков эмоциональной регуляции детей *Time-in* и исследовала ее эффективность в эксперименте с контрольной группой, проводившемся в течение 9 месяцев [20]. Авторы отметили значительное увеличение количества адаптивных стратегий эмоциональной регуляции у испытуемых из группы вмешательства, что позволило им сделать вывод о возможности и важности внедрения таких практик в школах для развития эмоциональных компетенций детей. Кроме того, результаты исследования показали эффективность применения данной программы для снижения вероятности использования неадаптивных стратегий эмоциональной регуляции и уменьшения выраженности симптомов депрессии.

Ученые из Великобритании исследовали эффективность программы *Bounce Forward*, основанной на терапии резилиентности Э. Харт [21; 22]. Основной целью программы было повышение резилиентности индивидов подросткового возраста в течение 10 сессий. Были изучены показатели резилиентности респондентов в трех временных точках: 1) до того, как они приняли участие в программе *Bounce Forward*; 2) в конце реализации программы; 3) через 3–5 месяцев после ее проведения. Ключевыми точками программы являлись базовые элементы, имеющие связь с резилиентностью (здоровый образ жизни, свежий воздух, физическая активность и др.); чувство принадлежности (формирование навыков взаимодействия с другими, построения и поддержания отношений); обучение навыкам планирования, постановки и достижения целей; развитие продуктивного копинг-поведения; ядро *Я* (фокус на мыслях и убеждениях, которые формируют чувство собственного достоинства, понимание себя, ориентация на будущее). Результаты исследования показали эффективность применения программы *Bounce Forward* для развития некоторых компонентов резилиентности подростков [22].

Итоги исследований, проведенных в рамках первых трех волн изучения резилиентности, позволили определить феномен как многоуровневый и выявить эффективность комбинирования подходов к формированию резилиентности на разных ярусах функционирования индивида (индивидуальном, микро- и макросоциальном). Полидисциплинарность, как магистральная тенденция в современном познании,

обусловила переход к четвертой волне исследований резилиентности. Ученые сосредоточились на комплексном изучении феномена резилиентности с привлечением специалистов, методов и инструментов из смежных областей. В настоящее время в фокусе внимания оказались нейроисследования, особый интерес у исследователей вызвали мультисистемные модели резилиентности.

Так, группа ученых из США провела рандомизированный контролируемый эксперимент, целью которого было изучение влияния интервенций, направленных на снижение уровня бедности, на мозговую активность в раннем детстве [20]. В исследовании приняли участие 1000 женщин со статусом «малообеспеченные», имевших здорового новорожденного ребенка. Респонденты были разделены на две группы. Испытуемые из группы 1 в течение первого года жизни ребенка получали ежемесячный перевод в размере 333 долл. США, в результате чего ежегодный доход домохозяйства каждого респондента увеличивался на 20 %. Испытуемые из группы 2 в течение первого года жизни ребенка получали ежемесячный перевод в размере 20 долл. США. В ходе эксперимента по достижению детьми возраста 1 год с помощью электроэнцефалографии в состоянии покоя была оценена активность их головного мозга. Результаты исследования показали, что у детей респондентов из группы 1 активность головного мозга в высокочастотных диапазонах была выше. Размеры эффекта, обнаруженные в этом эксперименте, были аналогичны размерам эффектов от масштабных образовательных интервенций. Авторы исследования резюмируют, что в ходе эксперимента была доказана возможность изменения активности головного мозга детей, отражающей нейропластичность, способность к адаптации и последующее развитие когнитивных навыков, посредством предоставления денежных переводов их матерям, испытывающим бедность [20].

Широкий интерес к феномену резилиентности был также стимулирован пандемией COVID-19, что привело к появлению множества новых исследований в контексте глобальной эпидемии. Т. Гатча провела метаобзор исследований, направленных на изучение интервенций, целью которых было повышение резилиентности индивидов во время пандемии. Для анализа были отобраны работы, в которых изучалась эффективность вмешательств, направленных на формирование психологической резилиентности как детей из общей популяции, так и детей с особенностями психофизического развития (РАС, СДВГ, аффективные расстройства). Согласно полученным результатам наиболее эффективными для повышения психологической резилиентности оказались практики, основанные на травматерапии; позитивное образование; обучение внимательности; развитие эмоционального интеллекта; формирование навыков эмоциональной регуляции и социальных навыков средствами когнитивно-поведенческой терапии онлайн; физическая активность в цифровых классах с одноклассниками; фитнес; развитие самоэффективности; онлайн арт-терапия. Для индивидов с РАС во время пандемии были разработаны новые методы поддержания резилиентности, например телетерапия (специфическая терапевтическая услуга для людей с РАС, предоставляемая им и их семьям посредством видеоконференции) [23].

Заключение

На современном этапе психологи, исследующие резилиентность, сосредоточены на изучении способности индивида (потенциальной или уже проявленной) эффективно реагировать на серьезные жизненные трудности, понимать механизмы процессов развития и поддержания этой способности. В ходе четырех волн исследований взгляды на психологическую резилиентность и стратегии ее изучения претерпели существенные изменения. В рамках первой волны ученые были сосредоточены на выявлении уникальных внутренних характеристик, присущих резилиентным индивидам. К таким качествам личности были отнесены внутренний локус контроля (уверенность в возможности влиять на свою жизнь, склонность приписывать себе ответственность за происходящее в своей жизни), самоэффективность (вера в свои силы, ориентация на успех собственной деятельности), умение решать проблемы, самоконтроль, планирование, позитивная самооценка, оптимизм, социальные навыки (способность выстраивать гармоничные отношения), духовность, юмор.

Предметом интереса в рамках второй волны исследований стало взаимодействие индивида с окружающей средой, т. е. внимание получил контекст формирования личности. Таким образом, резилиентность стала рассматриваться как динамическая способность или как процесс, потенциально развивающийся в системе сложных взаимоотношений между индивидуальными характеристиками человека и внешними факторами. Были определены предикторы психологической резилиентности, действующие как защитные факторы на семейном и общественном уровнях. Было установлено, что средовые факторы, такие как родительская любовь и поддержка, наличие высоких ожиданий и структуры воспитания в семье, позитивные социальные связи, доступ к образовательным, социальным ресурсам и организациям, обеспечивающим безопасность, играют важную роль в развитии резилиентности личности. Кроме того, результаты второй волны исследований подчеркнули чувствительность механизмов резилиентности к культурному контексту.

Ключевую роль в разработке практических методов развития психологической резилиентности играют результаты исследований третьей волны, в рамках которой на основе накопленных теоретических знаний разрабатывались, внедрялись и оценивались различные интервенции, направленные на укрепление резилиентности. Была продемонстрировала эффективность реализации практико-ориентированных моделей и программ (например, *Casita*, *Time-in*, *Bounce Forward*), нацеленных на развитие психологической резилиентности посредством обучения навыкам эмоциональной регуляции и планирования, повышения самооценки, самоэффективности и улучшения способности личности конструктивно преодолевать жизненные трудности.

Ученые в ходе актуальной четвертой волны исследований резилиентности, ключевой характеристикой которой является междисциплинарность, стремятся к интеграции методов и знаний из нейронауки, социологии, психологии, экологии, медицины и других областей для изучения резилиентности на разных уровнях (от клеточных процессов до общественных структур). На этом этапе особое внимание исследователи уделяют изучению нейробиологических основ резилиентности. Эмпирические исследования показывают, например, результативность целенаправленного влияния социально-экономических интервенций на резилиентность индивида, которая тесно связана с нейропластичностью и когнитивным развитием. Согласно современным изысканиям также была протестирована эффективность различных интервенций, направленных на развитие резилиентности нейроотличных индивидов (индивидов с СДВГ, РАС и др.).

Итак, современные ученые предполагают, что резилиентность формируется на основе множества процессов, протекающих на различных уровнях функционирования индивида (от биологических до экологических), она является динамичной и изменяется под воздействием опыта, контекста и актуальных мультисистемных взаимодействий. Многие взаимодействующие системы и процессы также поддаются изменениям, а соответственно, представляют собой потенциальные точки приложения усилий для повышения резилиентности индивида. Существуют как универсальные для различных культур, сообществ и индивидов, так и уникальные, свойственные отдельным культурам защитные факторы резилиентности. Между тем наряду с некоторыми общими взглядами на природу психологической резилиентности индивида в зарубежной науке до сих пор не сформирована единая концепция резилиентности, освоение данного феномена находится в активной фазе. Как отмечает Э. С. Мастен, в настоящее время в этой проблемной области теоретические разработки значительно опережают эмпирические данные.

Библиографические ссылки

1. Block J, Kremen AM. IQ and ego-resiliency: conceptual and empirical connections and separateness. *Journal of Personality and Social Psychology.* 1996;70(2):349–361. DOI: 10.1037/0022-3514.70.2.349.

2. Masten AS. Resilience of children in disasters: a multisystem perspective. *International Journal of Psychology.* 2021;56(1): 1–11. DOI: 10.1002/ijop.12737.

3. Masten AS, Cicchetti D. Resilience in development: progress and transformation. In: Cicchetti D, editor. *Developmental Psychopathology.* Hoboken: Wiley; 2016. p. 271–333. DOI: 10.1002/9781119125556.DEVPSY406.

4. Werner EE, Smith RS. Vulnerable but invincible: a longitudinal study of resilient children and youth. New York: McGraw-Hill; 1982. 264 p.

5. Werner EE. High-risk children in young adulthood: a longitudinal study from birth to 32 years. *American Journal of Orthopsychiatry.* 1989;59(1):72–81. DOI: 10.1111/j.1939-0025.1989.tb01636.x.

6. Rutter M. Implications of resilience concepts for scientific understanding. *Annals of the New York Academy of Sciences.* 2006;1094(1):1–12. DOI: 10.1196/annals.1376.002.

7. Rutter M. Annual research review: resilience – clinical implications. *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 2013;54(4):474–487. DOI: 10.1111/j.1469–7610.2012.02615.x.

8. Garmezy N. Children in poverty: resilience despite risk. *Psychiatry.* 1993;56(1):127–136. DOI: 10.1080/00332747.1993.11024627.

9. Cicchetti D, Garmezy N. Prospects and promises in the study of resilience. *Development and Psychopathology.* 1993;5(4): 497–502. DOI: 10.1017/S0954579400006118.

10. Masten AS, Best KM, Garmezy N. Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity. *Development and Psychopathology.* 1990;2(4):425–444. DOI: 10.1017/S0954579400005812.

11. Masten AS. Resilience in children threatened by extreme adversity: frameworks for research, practice, and translational synergy. *Development and Psychopathology.* 2011;23(2):493–506. DOI: 10.1017/S0954579411000198.

12. Masten AS. Global perspectives on resilience in children and youth. *Child Development.* 2014;85(1):6–20. DOI: 10.1111/cdev.12205.

13. Masten AS, Cutuli JJ, Herbers JE, Reed M-G. Resilience in development. In: Snyder CR, Lopez SJ, Edwards LM, Marques SC, editors. *The Oxford handbook of positive psychology.* New York: Oxford University Press; 2021; p. 171–188.

14. Ваништендаль С. *Резильентность на практике. Касита – простой инструмент работы для решения сложной задачи.* Герцик А, переводчик. Париж: Международное католическое бюро ребенка; 2018. 85 с.

15. Masten AS. Emergence and evolution of developmental resilience science over half a century. *Development and Psychopathology.* 2024;36(5):2542–2550. DOI: 10.1017/S0954579424000154.

16. van IJzendoorn MH, Bakermans-Kranenburg MJ, Coughlan B, Reijman S. Annual research review. Umbrella synthesis of met analyses on child maltreatment antecedents and interventions: differential susceptibility perspective on risk and resilience. *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 2020;61(3):272–290. DOI: 10.1111/jcpp.13147.

17. Troller-Renfree SV, Costanzo MA, Duncan GJ, Magnuson K, Gennetian LA, Yoshikawa H, ect. The impact of a poverty reduction intervention on infant brain activity. *PNAS.* 2022;1;119(5):e2115649119. DOI: 10.1073/pnas.2115649119.

18. Giordano F, Cipolla A, Ungar M. Tutor of resilience: a model for psychosocial care following experiences of adversity. *Frontiers in Psychiatry*. 2021;12:559154. DOI: 10.3389/fpsyt.2021.559154.

19. Elicker J, Wen X, Kwon KA, Sprague JB. Early head start relationships: association with program outcomes. *Early Education and Development.* 2013;24(4):491–516. DOI: 10.1080/10409289.2012.695519.

20. Weymeis H, van Leeuwen K, Braet C. The effects of Time-in on emotion regulation, externalizing, and internalizing problems in promoting school readiness. *Frontiers in Psychology.* 2021;12:579810. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.579810.

21. Hart A, Blincow D, Thomas H. Resilient therapy: strategic therapeutic engagement with children in crisis. *Child Care in Practice.* 2008;14(2):131–145. DOI: 10.1080/13575270701868744.

22. Kara B, Morris R, Brown A, Wigglesworth P, Kania J, Hart A, et al. Bounce Forward: a school-based prevention programme for building resilience in a socioeconomically disadvantaged context. *Frontiers in Psychiatry*. 2020;11:599669. DOI: 10.3389/fpsyt.2020.599669.

23. Gkatsa T. A systematic review of psychosocial resilience interventions for children and adolescents in the COVID-19 pandemic period. *Journal of School and Educational Psychology.* 2023;3(1):34–48. DOI: 10.47602/josep.v3i1.35.

Статья поступила в редколлегию 19.02.2025.
Received by editorial board 19.02.2025.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 1(075.8)+167/168(075.8)
Философия и методология науки : электрон. учеб.-метод. комплекс для всех специальностей углубл. высш. образования и спец. высш. образования / А. И. Зеленков [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 245 с. Библиогр.: с. 232–245. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/325994. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.12.2024, № 002217022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов, аспирантов, соискателей всех специальностей углубленного высшего образования и специального высшего образования. ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

УДК 141.319.8(075.8)
Курбачёва О. В. **Основы современной антропологии** : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 6-05-0223-01 «Философия» / О. В. Курбачёва, Т. Л. Гурбо, Ю. В. Дедолко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 116 с. Библиогр.: с. 106–114. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/331734. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.07.2025, № 009107072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия», изучающих дисциплину «Основы современной антропологии», которая входит в модуль «Общеобразовательные профессиональные дисциплины». ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

УДК 001:1(075.8)+62:1(075.8)
Кисель Н. К. **Наука и высокие технологии в информационную эру** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0223-01 «Философия» / Н. К. Кисель ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 89 с. Библиогр.: с. 85–89. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/331927. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.07.2025, № 009814072025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия» общего высшего образования. ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

УДК 001:1(075.8)
Кисель Н. К. **Постакадемическая наука как феномен информационного общества** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0223-01 «Философия» / Н. К. Кисель ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 90 с. Библиогр.: с. 86–90. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/335495. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.10.2025, № 010706102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 7-06-0223-01 «Философия» общего высшего образования. ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Екадумов А. И. Конфликтогенная ситуация глобального мира: несовместимость институтов вместо столкновения цивилизаций 4
Курбачёва О. В. Этнофолизмы и грани этнической толерантности 12

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Лойко Н. Н. Анализ проблемы полового диморфизма в контексте православной антропологии 17

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Карасёва С. Г., Реут Е. В. Социально-психологические аспекты религиозности (на примере белорусских татар-мусульман) 24
Гаврилик О. Н. Экономическая культура населения Республики Беларусь: нормативная модель и актуальное состояние 31
Ван Синь. Традиции конфуцианства в системе высшего образования современного Китая 37
Цзимао Го. Мировоззренческие и социальные основания интернационализации высшего спортивного образования в Китае 44

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фурманов И. А. Коммуникационные реакции на ситуацию провокации ревности при однополой и разнополой дружбе: сравнительный анализ 51
Валитова И. Е., Дьяков Д. Г. Конструирование и реализация программ психологической помощи детям в контексте когнитивно-поведенческой (доказательной) психотерапии 61
Вербицкая О. Н., Фофанова Г. А. Развитие представлений о феномене резилиентности в зарубежной психологии 70

Аннотации депонированных в БГУ работ 79

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

Ekadumov A. I. Conflictogenic situation of the global world: incompatibility of institutions instead of clash of civilizations 4
Kurbacheva O. V. Ethnofolism and facets of ethnic tolerance 12

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Loiko N. N. Analysis of the sexual dimorphism problem in the context of orthodox anthropology 17

SOCIAL RESEARCHES

Karassyova S. G., Reut L. V. Socio-psychological aspects of religiosity (a case of Belarusian Tatar Muslims) 24
Haurylik A. N. Economic culture of the Republic of Belarus population: normative model and current state 31
Wang Xin. Traditions of Confucianism in the higher education system of modern China 37
Jimao Guo. Philosophical and social foundations of the internationalisation of higher sports education in China 44

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Fourmanov I. A. Communication reactions to the situation of provocation of jealousy in same-sex and opposite-sex friendship: a comparative analysis 51
Valitova I. E., Dyakov D. G. Construction and implementation of children's psychological assistance programmes in the context of evidence-based psychotherapy 61
Verbitskaya O. N., Fofanova G. A. The development of concepts of the resilience phenomenon in foreign psychology 70

Indicative abstracts of the papers desposited in BSU 79

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 3. 2025

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием «Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *С. Р. Пинчук*
Технический редактор *М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 30.09.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 1143.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2025

Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. No. 3. 2025

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology» published since 2007.
Until 2017 named «Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *S. R. Pinchuk*
Technical editor *M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Avchinnikova, S. R. Pinchuk*

Signed print 30.09.2025.
Edition 25 copies. Order number 1143.

Republic Unitary Enterprise «StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str., Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2025